Л. Н. ШАМОВА

ПРИЧЕТНЫЕ ФОРМЫ МОРДВЫ-ЭРЗИ ПРИСУРЬЯ

Л. Н. ШАМОВА ПРИЧЕТНЫЕ ФОРМЫ МОРДВЫ-ЭРЗИ ПРИСУРЬЯ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
при ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РМ

L. N. SHAMOVA

LAMENT FORMS OF THE MORDVINS-ERZYA OF THE SURA REGION

Monograph

Saransk
The Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia
2016

Л. Н. ШАМОВА

ПРИЧЕТНЫЕ ФОРМЫ МОРДВЫ-ЭРЗИ ПРИСУРЬЯ

Монография

Саранск
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
2016

УДК 398(=511.152)(470.4)
ББК Ш2
Ш 194

Печатается по решению Ученого совета
Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

Книга издана в рамках реализации ФЦП «Укрепление единства российской нации
и этнокультурное развитие народов России (2014 — 2020 годы)»
при финансовой поддержке ФАДН России и Министерства
по национальной политике Республики Мордовия

Научный редактор —
доктор исторических наук, профессор *В. А. Юрчёнков*

Рецензенты:
доктор искусствоведения, профессор, заслуженный
работник культуры Республики Коми *Р. Ф. Зелинский*;
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российской
правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации
Средневолжского (г. Саранск) филиала *Н. Г. Юрчёнкова*;
кандидат искусствоведения, преподаватель кафедры народных инструментов
Казанской государственной консерватории (академии)
им. Н. Г. Жиганова *А. Ю. Кильдюшкина*

Редакционная коллегия:
В. А. Юрчёнков (председатель), Е. Н. Бикейкин, Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева,
И. В. Зубов, А. Н. Келина, И. Г. Кильдюшкина, Г. А. Куршева, В. А. Ломшин,
Л. И. Никонова, Е. Г. Скворцова, А. В. Чернов, А. М. Чушкин

Шамова, Л. Н.

Ш 194 Причетные формы мордвы-эрзи Присурья : монография / Л. Н. Шамова ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск, 2016. — 240 с.

ISBN 978-5-00008-043-6

В монографии рассматриваются причетные формы мордвы-эрзи, проживающей в бассейне реки Суры. Эта часть эпического наследия мордвы является востребованной до настоящего времени. Автором предложена новая концепция, заключающаяся в выстраивании эволюционной цепи эрзянских причетных жанровых групп, что предполагает раскрытие генетических корней, опираясь на материалы родственных финно-угорских культур, и выявление места эрзянской традиции в духовном наследии финно-угорских народов.

Адресована фольклористам, этнографам, культурологам и всем тем, кто интересуется проблемами финно-угорской традиционной культуры.

УДК 398(=511.152)(470.4)
ББК Ш2

ISBN 978-5-00008-043-6

© Шамова Л. Н., 2016
© НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики
Мордовия, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 7

Глава 1. Поэтика похоронно-поминальных и свадебных причитаний мордвы-эрзи

1.1. Разновидности причитаний, народная терминология, контекст исполнения 16
1.2. Образы, лексика и семантика причетных текстов 21
1.3. Средства поэтической выразительности 34
1.4. Номинация действующих лиц 44
1.5. Поэтические мотивы и принципы их сочетания 46

Глава 2. Принципы мелодического развития и типология напевов похоронно-поминальных и свадебных причитаний мордвы-эрзи

2.1. Композиционные формы причитаний 57
2.2. Ладоинтонационная природа и ритмика причетного мелоса 68

Глава 3. Причитания мордвы-эрзи в эволюционной цепи музыкальных традиций финно-угорских народов

3.1. Причитания мордвы-эрзи и северо-западных финно-угров 91
3.2. Причитания мордвы-эрзи и северо-восточных финно-угров 103

Заключение 128
Список использованной литературы 130
Полевой материал автора 143
Приложения 145

CONTENTS

Introduction 7

Chapter 1. Poetics of Funeral and Wedding Laments of the Mordvins-Erzya

1.1. Varieties of Laments, Folk Terminology, Execution Context 16
1.2. Images, Vocabulary and Semantics of Lament Texts 21
1.3. Means of Poetic Expressiveness 34
1.4. Denomination of Characters 44
1.5. Poetic Motives and Principles of Their Combination 46

Chapter 2. Principles of Melodic Development and Typology of Tunes of Funeral and Wedding Laments of the Mordvins-Erzya

2.1. Composition Forms of Laments 57
2.2. Modal and Prosodic Nature and Rhythm System of Lament Melos 68

Chapter 3. Laments of the Mordvins-Erzya in Evolution Succession of Musical Traditions of the Finno-Ugric Peoples

3.1. Laments of the Mordvins-Erzya and the Finno-Ugric Peoples of the North-West 91
3.2. Laments of the Mordvins-Erzya and the Finno-Ugric Peoples of the North-East 103

Conclusion 128
Bibliography 130
Field material of the author 143
Supplements 145

ВВЕДЕНИЕ

Музыкальная традиция мордвы-эрзи Присурья представляет собой развитую культуру певческих и инструментальных форм, ансамблевого и сольного исполнительства в рамках разветвленной жанровой системы.

В жанровом отношении эрзянские песни подразделяются на:

— песни земледельческого календаря: 1) зимние — колядные песни (*калядамонь морот*), благопожелания пастухам, молодежи, детские речитативные, песни Рождественского дома (*Роштова кудонь морот*) с пожеланиями обильного урожая и здоровья; 2) весенние — масленичные песни (*мастянь морот*), величально-поздравительные речитативы детей, призывы перелетных птиц, песни-диалоги с птицами, закликания весны (*позярат, тундонь сееремат*), песни на Троицу и проводы весны (*тундонь ильтямо морот*); 3) летние — петровские песни, закликания дождя (*пиземень сееремат*), круговые (*кужонь морот*);

— семейно-обрядовые песни и причитания: 1) свадебные песни и причитания (*свадьбань морот ды лайшемат*), коллективные благопожелания (*пасчангот, паштянгот*), корильные и величальные песни (*парявтнемат*), свадебные плясовые (*свадьбань киштема морот*), одиночные песни свахи (*кудавань морот*), причитания невесты (*урнемат, аварькшнемат*); 2) похоронно-поминальные и рекрутские причитания (*лайшемат*), поминальные причитания, функционирующие в цикле больших календарно-обрядовых праздников — Пасхи, Троицы, Петрова дня, Дмитриевской субботы и т. д.; 3) колыбельные (*лавсь морот*), потешки для детей (*эйкакшонь киштема морот*);

— эпические и лирические песни: 1) долгие песни (*кувака морот*) — любовные, семейно-бытовые, балладные, о разбойниках и ворах, о переселенцах и отходниках; 2) песни (мифологические и исторические) о мироздании, появлении земли, первых людей и земледелия, становлении обычаев и обрядов, о мифологических покровителях: Нишкепаз (Верховный бог), Норовава (покровительница плодородия), Комлява (богиня хмеля), о священных деревьях и растениях (яблоня, дуб, береза, хмель), песни-сказки об умыкании Верховным божеством земной девушки, песни об охотниках и пахарях, о лесных зверях (куница, лиса, заяц), птицах (соловей, кукушка, дятел, ласточка), о домашних животных (конь), о вещих снах;

— исторические песни о царе Тюште, о ногайском полоне, о собирательном образе Павла I и Петра III, отождествляемых с Емельяном Пугачевым[1].

Перечисленные жанры музыкальной традиционной культуры мордвы-эрзи (кроме причитаний) предполагают коллективную форму исполнения. По письменным источникам, эрзянский эпос бытовал в ансамблевом варианте. «Специфика поэтической организации мордовских эпических песен объясняется, прежде всего, их хоровым исполнением, которое объединяет внешней формой бытования песенные произведения многих жанров…»[2]. Как отмечал А. И. Маскаев, эпос, дошедший до наших дней, претерпел ряд изменений, связанных с проникновением и интенсивным развитием лирического начала: «Мордовская песня начинает записываться, главным образом, с конца XIX века, когда эпическая традиция значительно ослабевает и смешивается с лирической»[3].

Изучение эрзянской фольклорной традиции имеет давнюю историю. Однако исследование эрзянских причитаний занимает скромное место в научной литературе. Значительный интерес к мордовской культуре возник со второй половины XVIII в. и связан с именами И. И. Лепехина[4], П. С. Палласа[5], И. Г. Георги[6], К. С. Мильковича[7], М. Попова[8], К. Фукса[9]. В 60 — 90-е гг. XIX в. в России наблюдалось активное движение краеведческой деятельности, инициированное Российским географическим обществом. В журналах «Этнографическое обозрение» и «Епархиальные ведомости» печатались мордовские музыкально-этнографические публикации А. Снежницкого[10], М. Гребнева[11], Н. Н. Орлова[12], В. Ауновского[13], Ф. Голицына[14], А. Леонтьева[15], П. Мельникова-Печерского[16], И. Н. Смирнова[17], А. П. Смирнова[18], П. Н. Баранова[19], А. И. Мартынова[20], А. Примерова[21], К. Митропольского[22] и др.

Неоценимый вклад в формирование мордовской профессиональной этнографии внесли В. Н. Майнов[23] и М. Е. Евсевьев[24].

В 1910 г. А. А. Шахматов[25] издал «Мордовский этнографический сборник» с музыкальными материалами мордвы-эрзи.

Мордовское песенное творчество нашло отражение и в трудах западноевропейских исследователей, в частности финнов Х. Паасонена[26] и А. Вяйсянена[27], австрийца Р. Лаха[28].

После Великой Октябрьской социалистической революции музыкальную традиционную культуру мордвы активно изучали М. Т. Маркелов[29], А. И. Маскаев[30], Л. С. Кавтаськин[31], И. С. Поздяев (Сибиряк)[32], К. Т. Самородов[33], Г. И. Сураев-Королев[34] и др.

Особый интерес к мордовскому музыкальному фольклору проявляли русские композиторы (А. П. Бородин, В. С. Серов, С. С. Прокофьев) и музыковеды (Е. В. Гиппиус*, В. М. Щуров[35], Н. Н. Гилярова[36], Т. А. Старостина[37], Н. Д. Бордюг[38], М. А. Лобанов[39], Т. М. Ананичева).

В 1950 — 1990-е гг. появились коллективные многотомные труды: «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» и «Памятники мордовского народного музыкального искусства», отражающие различные стороны народного творчества мордвы. Существуют работы, посвященные взаимодействию мордовской песенной культуры и культуры других этнически неродственных народов (славянские, тюркские). При этом очень скудно освещался вопрос о генетическом родстве мордовской фольклорной музыкальной культуры с родственными ей традициями финно-угорских народов (коми, мари, удмурты, финны, карелы, вепсы и т. д.).

Причитания как самостоятельная обрядовая жанровая область до сих пор сохранились у карел, вепсов, ижор, эстонцев области Сетумаа, граничащей с Псковщиной. По мнению У. С. Конкка, эти народы «находились под влиянием православной церкви»[40], что своеобразно отразилось в образной сфере поэтических текстов некоторых причетов.

В 20-е гг. XX в. появилась тенденция к выявлению общих корней в культурных процессах финно-угорских народов[41]. Определенную роль в этом направлении сыграли финские этнографическая, филологическая и фольклористическая школы на основании активного собирательства коллекций на финно-угорских территориях Русского Севера, Прибалтики, Поволжья и Урала.

М. Е. Евсевьев в 30-е гг. XX в. на основе историко-этнологического анализа исследовал проблему общности свадебных обрядов у мордвы и русских[42]. В 60-е гг. XX в. появились работы финского исследователя Лаури Хонко, впервые высказавшегося о генетической общности и родстве причетных форм у финско-прибалтийских народностей[43]. В 70-е гг. XX в. мордовский этномузыковед Н. И. Бояркин провел сравнительное исследование композиционных форм мокшанских и карельских причитаний[44].

---

* Е. В. Гиппиус сделал несколько мордовских записей в 1930-х гг., помогал в создании антологии «Памятники мордовского народного музыкального искусства».

Однако до настоящего времени не существует научного опыта выявления генезиса мордовской музыкальной традиции в общем контексте песенной культуры финно-угорских народов.

Мордовская культура оформилась в I в. н. э. на основе городецкой срубной культуры в междуречье Мокши и Суры. Видимо, в данный период и начал складываться мордовский эпос, отражающий мифологические представления и героические события, связанные со становлением государственности и возникновением новых социально-экономических отношений в жизни этноса. В связи с этим необходимо отметить, что механизмы, по которым создавались мордовские эпические тексты, пересекаются со структурными принципами построения поэтических текстов причитаний, что указывает на их непосредственное генетическое родство, и, возможно, что функционирование мордовского эпоса связано с причетной традицией.

В письменных источниках этноним «мордва» встречается уже в VI столетии в книге Иордана «О происхождении и деяниях готов», в которой упоминается народ *mordens* (морденс — мордва). В других западноевропейских источниках мордву называют: *merdas, merdium, mordani, mordua, morduinos*. В древнерусских летописях («Повесть временных лет») этноним «мордва» упоминается трижды в связи с событиями XI — XIII вв. Этноним «мордва» является аллоэтнонимом (название этноса, данное другим народом), а этнонимы «эрзя» и «мокша» мордвой чаще употребляется при внутриэтническом общении.

«Материнский» этнос мордовских этнических групп занимает южную часть Нижегородской области, Республику Мордовия, северо-западную часть Ульяновской и северо-восточную часть Пензенской областей[45].

Религиозные верования и обряды мордвы отличались большим количеством женских божеств, покровительниц (*кирди, кирдемс* — держать) сил природы и связанных с ними занятий: *Вирьава* (богиня леса; *вирь* — лес, *ава* — мать), *Масторава* (богиня земли), *Ведьава* (богиня воды), *Вармава* (богиня ветра), *Толава* (богиня огня), *Кудава* и ее тюркский вариант *Юртава* (покровительница домашнего очага), *Норовава, или Паксява* (богиня поля), *Чиава* (богиня солнца), *Ковава* (богиня луны) и др. Для «задабривания» божеств мордва совершала моления (*озкст, озномат*) с жертвоприношениями в местах их обитания: бани, водоемы, леса, дворы[46]. В мордовских сказках в качестве тотемов выступают птицы и звери: ворона и др., медведи и змеи женились на девушках, а самки других животных выходили замуж за парней[47].

Христианизация мордвы относится к сравнительно позднему периоду — XVI — XVIII вв. В одном из документов (сентябрь 1508 г.) сказано о крещении мордвина Федора[48]. В данный период на территории современной Мордовии строились церкви, а в 1681 г. вышел указ о льготах крещеным татарам и мордве[49]. «Итогом длительного взаимодействия русского православия с мордовским язычеством было возникновение мордовского варианта православия, представляющего собой русское православие, адаптированное мордовским язычеством»[50].

Музыкальная традиционная культура мордвы-эрзи на протяжении многих веков развивалась в долине р. Суры в условиях тесных культурных, социально-экономических и языковых контактов в иноэтнической среде и в то же время в определенной отдаленности от финно-угорского мира. Однако, несмотря на это, мордва-эрзя смогла сохранить музыкально-поэтическую и обрядовую сферы причетной культуры.

В причитаниях отражены важные жизненные устои этноса: в свадебных — создание новых семей и рождение детей, т. е. созидание будущей жизни, в похоронных — смена поколений и связь с прошлым.

Представленный в книге фольклорно-этнографический материал собирался с 2003 г. на территории, расположенной в бассейне р. Суры: в Никольском и Лунинском районах Пензенской области, Инзенском и Карсунском районах Ульяновской области и Кочкуровском районе Республики Мордовия. Комплексно исследовались материалы народных традиций трех этносов: мордвы-эрзи, русских и татар-мишарей, проживающих более 300 лет на данной территории. Запись аутентичных образцов всех существующих на современном этапе жанров велась и в праздничные дни (Троица, Петров день), что позволило в естественной обстановке зафиксировать архаичные формы фольклора, связанные с древним культом почитания умерших родителей.

В 2003 г. в Инзенском районе Ульяновской области работала фольклорная экспедиция Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств под руководством Г. А. Дорджиевой, материалы которой также используются в данной работе. В книгу вошли записи, собранные у мордвы-эрзи Среднего Заволжья (северо-восточная — Оренбург, северо-западная — Самара, южная — Татарстан), переселившихся сюда по причине насильственной христианизации и непосильных налогов в XVII в. из Пензы, Нижнего Новгорода и Симбирска[51].

Из экспедиционного материала 2003 — 2007 гг. было отобрано около 70 причитаний, демонстрирующих плачевую традицию мордвы-эрзи Присурья. В связи с этим необходимо внести терминологическую поправку в номинации причетных жанров мордвы-эрзи. Термин «причитание» будет употребляться по отношению к похоронно-поминальным, рекрутским и свадебным причетным формам. Это обусловлено национальной манерой произнесения обрядового текста, связанной с музыкально-стилистическими особенностями напевов. В грамматической корневой основе заложена дифференциация понятий «причитание» и «плач», тесно связанных с их действенным началом. В первом случае «причитывать, начитывать текст» означает действие, связанное с проговариванием текста, что отражает влияние эпического начала. Во втором случае плачи связаны с физиологическим рыданием, вызывающим иной характер интонирования, обусловленный эмоциональным началом.

В ходе экспедиционной работы причетные жанры записывались от исполнительниц разных возрастов. Необходимо отметить, что в причетной сфере замечена консолидация общинного сознания, поскольку не возникало разрыва в исполнительской традиции между старшим и сравнительно молодым поколениями, в равной степени владеющими особым символическим языком, направленным на установление связи и особых отношений с умершими родственниками.

Особенностью исследования является выявление типологических черт и построение эволюционной цепи эрзянских причетных жанров, что предполагает раскрытие генетических корней, опираясь на материалы родственных культур. Только при сравнительном изучении можно заметить эволюционное движение различных стадий в развитии причетных жанров, что позволяет судить и о месте эрзянской культуры в духовном наследии финно-угорского контекста. Эрзянские причитания рассматриваются в сравнении с причитаниями родственных финно-угорских народов — карел, коми, удмуртов.

Привлечение множества фольклорных источников несет в себе определенные трудности при документировании нотного материала. Проблема заключается в том, что эти материалы фиксировались исследователями с различными подходами в музыкальных транскрипциях (слуховых, фонографических, магнитофонных). Более ранние нотации записывались подряд в «строку», а современный принцип транскрипции музыкальных текстов определяется так называемой аналитической нота-

цией Е. В. Гиппиуса, в которой повторяющиеся мелодические структуры находятся в строго вертикальном ранжире. В нотировании эрзянских причитаний, собранных автором на территории Присурья, учитывались методические указания Е. В. Гиппиуса, рассматривающего древнейший пласт фольклора как «исторически более ранний, мыслимый вне гармонии и тактовой ритмики»[52]. В связи с этим мы сознательно отказались от использования тактовой черты как показателя тактовой метрики.

В данном исследовании эрзянские причитания рассматриваются комплексно с привлечением филологии (анализ поэтических текстов), этномузыкологии (музыкальный анализ), этнографии, истории и краеведения. Другой методологический ориентир касается компаративистского способа изучения, когда эрзянские причитания сопоставляются с подобными жанрами родственных финно-угорских народов, меридиально расположенных с запада на восток.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Бояркина Л. Б.** Мордовское народное музыкальное творчество : метод. рекомендации. Саранск, 1988. С. 9 — 18.

[2] **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 386.

[3] Там же. С. 433.

[4] См.: **Лепехин И. И.** Дневные записки путешествия доктора АН адьюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. СПб., 1771. Т. 1. 538 с.

[5] См.: **Паллас С. П.** Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1. 116 с.

[6] См.: **Георги И. Г.** Описание обитающих в Российском государстве народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, одежд, жилищ и прочих достопамятностей. СПб., 1792. Ч. 1. 446 с.

[7] См.: **Милькович К. С.** Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбов. епарх. ведомости. 1905. № 18. С. 823.

[8] См.: **Попов М.** Селиксенские мордвы // Санкт-Петербург. ведомости. 1834. № 34 — 37.

[9] См.: **Фукс К. Ф.** Поездка из Казани к мордве Казанской губернии // Журн. Мин-ва внутр. дел. 1839. № 10. С. 85 — 118.

[10] См.: **Снежницкий А.** Мордовский праздник «Вармавы» (Вербного воскресения) и «Вирявы» // Пензен. епарх. ведомости. 1871. № 19. С. 588 — 598, 627 — 634.

[11] См.: **Гребнев М.** Мордва Самарской губернии : историко-этногр. очерк // Самар. этногр. ведомости. 1886. № 23. С. 455 — 464.

[12] См.: **Орлов Н. Н.** Мордва-мокша // Пензен. епарх. ведомости. 1876. № 106. С. 110 — 112.

[13] См.: **Ауновский В.** Этнографический очерк мордвы-мокши // Из памятной книжки Симбирской губернии на 1869 г. С. 85 — 107.

[14] См.: **Голицын Ф. С.** Мордва в Хвалынском уезде // Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1. С. 177 — 194.

[15] См.: **Леонтьев А. С.** Село Оркино Озерской волости Саратовского уезда // Саратов. губерн. ведомости. 1884. № 47. С. 3 — 4.

[16] См.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Полн. собр. соч. : в 8 т. СПб., 1909. Т. 7.

[17] См.: **Смирнов И. Н.** Мордва. Казань, 1895. 291 с.

[18] См.: **Смирнов А. П.** Заметки о мордве и памятниках мордовской старины в Нижегородской губернии // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. Казань, 1893. Т. 11 ; вып. 3. С. 286 — 290 ; **Его же.** Очерк древней истории мордвы // Тр. Гос. ист. музея. 1940. Т. 11 ; **Его же.** Этногенез мордовского народа по данным археологии I — XV вв. н. э. // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 18 — 28.

[19] См.: **Баранов П. Н.** Свадебные обряды мордвы-эрзи (Из быта крестьян Бузаевской и Неклюдовской волостей Ардатовского уезда Симбирской губернии) // Этногр. обозрение. 1910. № 3 — 4.

[20] См.: **Мартынов А. И.** Мордва в Нижегородском уезде (Из заметок 1863 г.) // Нижегород. губерн. ведомости. 1865. № 24. С. 190 — 194.

[21] См.: **Примеров А.** Религиозные обряды и суеверные обычаи мордвы Краснослободского уезда // Пензен. епарх. ведомости. 1870. № 16.

[22] См.: **Митропольский К.** Мордва : Религиозные воззрения, их нравы и обычаи // Тамбов. епарх. ведомости. 1876. № 12.

[23] См.: **Майнов В. Н.** Очерк юридического быта мордвы. Саранск, 2007. 296 с.

[24] См.: **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1961 — 1965. Т. 1 — 5.

[25] См.: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910.

[26] См.: Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen. Helsinki, 1938 — 1981. Bd. 1 — 8.

[27] См.: Mordwinische Melodien / Phonographisch aufgenommen und herausgegeben von A. O. Väjsänen. Helsinki, 1948.

[28] См.: **Lach R.** Vorlaufiger Bericht über die im Auftrage der Kais. Wien, 1918.

[29] См.: **Маркелов М. Т.** Саратовская мордва // Саратов. этногр. сб. Саратов, 1922. Вып. 1 ; **Его же.** Мордовская деревня по данным эрзянского предреволюционного фольклора // Совет. фольклор. 1936. Вып. 4 — 5.

[30] См.: **Маскаев А. И.** Указ. соч.

[31] См.: **Кавтаськин Л. С.** Эрзянь фольклор. Саранск, 1939 ; **Его же.** Мордовская народная песня. М., 1950 ; **Его же.** Мордовские народные песни. Саранск, 1955 ; **Его же.** Пережитки обрядов, причитаний и песен, связанных с древним мордовским обычаем имитации свадьбы при похоронах умершей девушки // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974 ; **Его же.** Мордовские причитания и плачи // Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Саранск, 1975.

[32] См.: **Поздяев (Сибиряк) И. С.** Урьвакстома койть ды морот. Саранск, 1936.

[33] См.: **Самородов К. Т.** История собирания и изучения мордовского фольклора // Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Саранск, 1975 ; **Его же.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980.

[34] См.: **Сураев-Королев Г. И.** Мордовские народные песни. Саранск, 1969.

[35] См.: **Щуров В. М.** Мордовские песни // Песенное многоголосие народов России. М., 1984. С. 124 — 128.

[36] См.: **Гилярова Н. Н.** Особенности свадебных традиций поселения Пензенской области // Этногр. обозрение. 1996. № 2. С. 30 — 50 ; **Её же.** Об особенностях весенних хороводных песен русско-мордовского пограничья (Пензенская область) // Проблемы композиции народной песни. М., 1997. С. 107 — 126.

[37] См.: **Старостина Т. А.** К вопросу о «бурдонной полифонии» (О некоторых парадоксальных свойствах мокша-мордовского многоголосия) // Проблемы композиции народной песни. М., 1997. Вып. 10. С. 120 — 126.

[38] См.: **Бордюг Н. Д.** О музыкальном складе мордовских свадебных плачей (На примере мордовских сел Горьковской области) // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 28 — 38.

[39] См.: **Лобанов М. А.** Традиционные напевы южносибирской мордвы (песни, причитания) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений. Саранск, 2008. С. 343 — 393.

[40] **Конкка У. С.** Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 7.

[41] См.: **Маркелов М. Т.** Система родства финно-угорских народностей // Этнография. 1928. № 1.

[42] См.: **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. М., 1931. 315 с.

[43] См.: **Honko L.** Religion der finnisch-ugrischen Völker : handbuch der Religionsgeschichte. Göttingen, 1971. Vol. 1. 332 s.

[44] См.: **Бояркин Н. И.** Мокша-мордовские плачи об умерших и черты сходства их строфового строя с карельскими плачами // Проблемы изучения музыкального фольклора русского и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада. М., 1977. С. 89.

[45] См.: **Евсевьев М. Е.** Мордва Татреспублики // Материалы по изучению Татарстана : сб. ст. Казань, 1925. Вып. 2. С. 179 — 196.

[46] См.: **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. С. 395 — 396.

[47] См.: Народы Поволжья и Приуралья : Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 398 — 400.

[48] См.: **Гераклитов А. А.** Материалы по истории мордвы : сб. выписок из печатных источников (X — XVIII вв.). М. ; Л., 1931. С. 179.

[49] См.: **Кузнецов С. К.** Мордва. М., 1912. С. 53.

[50] Народы Поволжья и Приуралья. С. 408.

[51] См.: Памятники мордовского народного музыкального искусства : в 3 т. Саранск, 1988. Т. 3. С. 5.

[52] **Гиппиус Е. В.** Мелодический склад, мыслимый вне гармонии и тактовой ритмики, и мелодический склад, гармонически опосредованный // Материалы и статьи к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. М., 2003.

Глава 1. ПОЭТИКА ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ И СВАДЕБНЫХ ПРИЧИТАНИЙ МОРДВЫ-ЭРЗИ

Содержание поэтической составляющей эрзянских причитаний можно рассматривать как сложное, многоуровневое явление мордовской национальной культуры, коренящееся в глубинах народного сознания. Причитания, с одной стороны, персонифицированы, стилистически определены личностью исполнителя, с другой — освещены традицией и узнаваемы каждым, так как в них содержатся следы архаической картины мира и зашифрованы некоторые реалии прошлых лет.

1.1. Разновидности причитаний, народная терминология, контекст исполнения

В жанровом отношении эрзянские причитания подразделяются на похоронно-поминальные и свадебные. В этномузыковедческих экспедициях зафиксированы устойчивые обозначения причетных форм мордвы-эрзи Присурья:

1) *лайшемат* (лайшемс — причитать, оплакивать, рыдать) — похоронно-поминальные причитания;

2) *урнемат* (урнемс — плакать, причитать) — свадебные причитания, бытующие в Инзенском, Карсунском районах Ульяновской области и Никольском районе Пензенской области (левый берег Суры);

3) *аварькшнемат* (аварькшнемс — плакать) — свадебные причитания, зафиксированные в Кочкуровском, Большеберезниковском районах Республики Мордовия (правый берег Суры).

Носители традиции при разъяснении народного обозначения плачевых жанров сравнивали их с русскими плачами, основываясь на глагольной форме «вопить», о чем свидетельствуют следующие высказывания: «Раньше ведь урнéкшнесь, а эта как вроди у нас заплáковоют так» или «Вот, напримóр, вóпють, а у нас эт[о] называ́етца у́рьнить» (ПМА: Кузнецова П. П.); «У нас вопит лáйшеме [называется]» (ПМА: Коткина М. Д.).

Исследователь эрзянских причетов М. И. Чувашев подразделяет их на следующие жанровые группы: 1) лайшемат (похоронно-поминальные и рекрутские) и 2) урнемат (свадебные)[1]. Это разделение основывается на народной терминологии Заволжья. Согласно М. И. Чувашеву и И. А. Касьяновой, термин «лайше-

ма» обладает свойствами общего характера и обобщенно трактуется как причет[2]. Значение термина «урнема»* является более узким, поскольку это слово произведено от урнемс — плакать, жалобно гудеть.

Д. Н. Гнатюк приводит ряд дополнительных народных обозначений эрзянских причетов: *урнемат, авардемат, лажномат*[3].

Л. Б. Бояркина выделяет следующие причетные формы:

— *лайшемат* — причеты об умершем, интонированные одиночно и совместно;

— *уловонь велькссэ авардемат* — похоронные причеты, исполняемые во время обряда оплакивания умершего;

— *поминамонь авардемат* — поминальные причеты, воспризводимые в дни поминовения умершего;

— *рекрутонь мельга авардемат* — рекрутские причеты[4].

Терминологический аппарат, особенно дословный перевод обозначений различных видов эрзянских причетов, во многом отражает интонационное содержание напева каждой жанровой разновидности. Так, например, для похоронно-поминальных форм характерными чертами являются отпевальные и скользящие малотерцовые или большетерцовые обороты, ступенчатое мелодическое движение сверху вниз, умеренный темп произнесения поэтического текста, тяготение к устойчивой структуре (ближе к песенной) двустрочной строфы (Пр. № 8). Для напевов свадебных причитаний устойчивым элементом является краткое фразовое членение мелострок, более четкая манера произнесения текстов в стиле заговоров (Пр. № 48).

О ритуальном значении голоса и особой форме его подачи писали многие ученые, определившие голос как «природную функцию человека» в качестве приметы «„этого“, земного, звучащего мира в противоположность „тому“, потустороннему миру, лишенному звуков и голосов»[5]. Напряженная манера интонирования причитаний «объясняется не столько эмоциональным состоянием исполнителей <…> сколько трактовкой самого ритуала как

---

* В номинации свадебных чинов у мордвы-эрзи часто присутствует корневая основа урь-: *урьваля* — два парня, близкие родственники невесты, *урьвалине* — подружка невесты, *уредев* — дружка, распорядитель поезда жениха, *уреш*, *урьва* — сноха. Существует мнение, что обозначение снохи происходит от слова *уре* — раб, слуга, которое входит в мордовские названия сироты — *уроз* и снохи — *урьва*, м. *рьвяня* (см.: **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. М., 1931. С. 298).

своего рода „сеанса связи“ между мирами, а голоса как „средства связи“»[6]. В этом отношении важной становится еще одна особенность в терминологии эрзянских причетных форм, которую дал М. Е. Евсевьев на материале свадебных причетов мордвы-эрзи Симбирской, Нижегородской и Пензенской губерний. Под каждым нотным примером М. Е. Евсевьев раскрыл особое функциональное назначение обрядового голоса, опираясь на высказывания исполнителей:

— *свахань или кудавань вайгель* — голос свахи, песни, исполняемые свахой;

— *тейтерень свахакс морамо вайгель* — песенный голос девушек-свах;

— *урьнима вайгель* — плачевый голос невесты;

— *тейтерькссчинь вайгель* — девичий голос (причет невесты);

— *уревайгель* — голос, который подают невесте ее подруги — *урьваля-ават* (женщины со стороны невесты);

— *паравтнима вайгель* — корильный или величальный голос женщин со стороны жениха[7].

Процесс исполнения причитаний обозначался как «*вайгель максома*» — «подача голоса». Кроме того, М. Е. Евсевьев выделил особые, так называемые вечерние причитания невесты (*чокшнэ лангонь урьнимат*), исполняемые ею каждый вечер после сватовства. На такие вечера собирались девушки и молодые женщины, дом невесты во время причитаний «всегда бывает полон до отказу»[8]. Мужчины на эти вечера не допускались.

Необходимо отметить, что М. Е. Евсевьев в лаконичной форме попытался дать краткую музыкальную характеристику каждому голосу (*вайгель*). В частности, он отметил, что свахи и женщины со стороны невесты пели очень громко в довольно низком регистре, а невеста плакала «сначала слабо, тихо, а потом все более и более усиливая голос». По словам информаторов, с невестами случались нервные припадки, во избежание которых рядом с ней находилась подруга или замужняя женщина (чаще сноха). Эти детали имеют важное значение, так как исполнительский контекст эрзянских свадебных причитаний на сегодняшний день претерпел изменения, хотя в некоторых комментариях еще встречаются описания причета невесты как весьма тихие и печальные*.

* В с. Старые Турдаки Кочкуровского района РМ невеста вставала на колени и тихо плакала.

В поэтических текстах свадебных причетов, записанных М. Е. Евсевьевым, голос звучал как «гиблый», поданный «погибающей» (невестой), при этом голосом воспроизводился шум, который мог и испугать:

Лисьмань кирди, кастарго!	Владычица колодца, красавица!
Иля тандат шумнедень,	Не пугайся моего шума,
Сэрь ёмамо вайгельдень:	Голоса погибающей,
Аволь тонть мон тандавтлян,	Не тебя я пугаю,
Аволь тонть мон тормошан, —	Не тебя я беспокою, —
Монсень сэрень коволян,	Свое тело причитаю,
Монсень эрямон мон лажан...[9]	Свою жизнь я оплакиваю…

Народная терминология эрзянских причитаний удивительным образом раскрывает многоплановость глубинных представлений, заложенных в традиционном сознании.

У мордвы-эрзи Присурья лучше сохранились причитания, приуроченные к похоронно-поминальной обрядности. В рамках этого обрядового комплекса причитания как «язык сакрального общения» с усопшими занимают ведущую роль в развертывании обрядового действа, посредством которого осуществляется связь живых и мертвых[10].

Специфика эрзянских похоронных причетов определена их значением в обрядовом контексте, поскольку они звучали в течение всего периода похорон и в поминальные дни:

— после мытья покойного (Пр. № 24);

— при ночном сидении возле покойного (Пр. № 27);

— на второй день после смерти — причитание на зарю (Пр. № 23);

— при выносе гроба из избы (Пр. № 27);

— при прохождении по деревне (Пр. № 28);

— на кладбище (прощание с покойным; Пр. № 12);

— в поминальные дни: третий, девятый, двадцатый, сороковой (Пр. № 13, 22, 29);

— после шестой недели во время ритуальной бани (Пр. № 21);

— когда относили новую сменную одежду покойному на кладбище (Пр. № 6).

Сюда же следует отнести и причитания, исполняемые в поминальные родительские дни: Пасха (Радоница), Троица, Петров день, Дмитриевская суббота (Пр. № 1 — 3, 5).

Если похоронно-поминальные причитания включались в обрядовый комплекс как отдельная и доминирующая часть, то свадебные причитания, как правило, сочетались с другими жанрами фольклора. Жанровая система эрзянской свадебной

традиции на исследуемой территории представлена свадебными песнями, приуроченными к различным обрядовым ситуациям, а также свадебными причитаниями (невесты и ее матери), свадебными песнями свахи, корильными и величальными, перепеваниями сватов и песнями родственников во время дарения подарков. Свадебные песни и причитания мордвы-эрзи можно рассматривать как единый жанрово-стилистический пласт.

Необходимо отметить, что свадебные причитания звучали, как правило, в довенечной части и были связаны с поворотными этапами в обрядовых действиях, где невеста причитала:

— в чулане после сватовства (Пр. № 56);

— во время «запоя», сидя в чулане (Пр. № 54);

— на девичнике, покрытая двумя свадебными платками (Пр. № 60);

— утром в день свадьбы в бане и при выходе из нее (Пр. № 66);

— при покрывании головы платком (Пр. № 61, 72);

— при напутствиях матери и при благословении родителями и крестными (Пр. № 38 — 39, 51, 62);

— при дарении любимой подруге вышитого платочка с деньгами (Пр. № 49);

— когда сажали на место невесты ее подругу, которой она отдавала колечко на алой ленте — «улицу отдавала» (отдавание девичьей жизни — *тейтерькссчи*)* (Пр. № 40, 44, 53, 64, 67);

— при прощании с домом и домашними духами (Юртава), кланяясь четырем сторонам — двери, печке, окну, красному углу (Пр. № 53, 69, 70);

— перед выходом, обнимая и целуя родителей (Пр. № 58, 63);

— при передаче дружке жениха (*уредеву*) иконы (Пр. № 65);

— при выходе невесты-сироты во двор (Пр. № 42, 52);

— при выходе за ворота дома, бросая кольцо подругам (Пр. № 68).

Эрзянская невеста училась причитать заранее. В с. Сабаеве и Семилей Кочкуровского района незамужние девушки перенимали причеты на свадьбах (ПМА: Пиксаева Е. Т.). Если невеста не умела причитать, то приглашали профессиональную плакальщицу. Сватья насмешливо говорили: «Дайте невесте стакан вина, а то голоса у нее нет» (ПМА: Пиксаева Е. Т.). Приглашенные плакальщицы шли позади невесты, создавая впечатление, будто последняя сама причитает без посторонней помощи (ПМА: Кобанова М. Т.).

---

* У мордвы-эрзи Кочкуровского района невеста, уходя из дома, оставляла подругам свое «девичество» в виде алой ленты на подоконнике.

М. Е. Евсевьев отмечал, что свадебным причитаниям девочек обучали с детства: лет с 7—8 они ходили на все свадьбы и прислушивались к причитаниям невесты. К этому добавлялись детские игры в куклы, с которыми разыгрывался свадебный обряд. В весенние праздники среди молодежи популярной была игра в свадьбу, где каждый наделялся определенным свадебным чином — сват, сваха, невеста и т. д.[11]

1.2. Образы, лексика и семантика причетных текстов

Специфика эрзянских причитаний, сопровождающих человека в переломные моменты его бытия, обусловлена особыми функциями установления и регулирования связей между двумя мирами: «Главные персонажи обряда должны быть отделены от той социальной структуры, к которой они принадлежат, затем они проходят какой-то период между прежним и будущим состоянием и после этого вводятся в новую для них социальную структуру с получением соответствующего статуса»[12].

Причитания — это особая музыкально-поэтическая форма в системе обрядов отчуждения, выступающая как универсальный способ урегулирования отношений между мирами живых и мертвых. Многие исследователи (А. ван Геннеп*, Л. Хонко, У. С. Конкка, К. В. Чистов, В. И. Еремина, А. М. Мехнецов и др.) выделяли основные этапы человеческой жизни: рождение, свадьба и смерть.

При рождении человек приходит в этот мир, а в обрядовой системе свадебного (невеста) и похоронного (покойник) циклов переходит в мир иной, после чего он наделяется общиной новым социальным статусом (невеста / молодуха, покойник / мир предков). В определенной степени обнаруживается смысловое родство свадебного и похоронного обрядовых комплексов. Этим объясняется функционирование в свадебной и в похоронно-поминальной обрядностях параллельных образно-художественных и музыкально-стилевых систем, в которых выработались оригинальные причетные формы.

Е. В. Барсов специфику жанра причитания определял следующим образом: «Настоящие плачи суть явления, существенным образом входящие в состав погребального обряда... С одной стороны, эти обычаи во многом объясняют смысл самих причи-

---

* Одним из первых о «переходных обрядах» писал А. ван Геннеп в работе «Les rites de passage» (1909 г.).

таний и указывают бытующую действительность в таких словах и оборотах, которые легко принять лишь за поэтические образы; с другой, восполняя причитания, они могут способствовать более отчетливому и точному воспроизведению народных доисторических воззрений на смерть и загробную судьбу человека»[13].

Карельская исследовательница У. С. Конкка определяет причитания как «универсальный жанр народной поэзии, который известен на стадии первобытности у многих народов и сохранился до наших дней», в них «выражаются горе, печаль, тоска — чувства, которые во все времена составляли неотъемлемую часть человеческих эмоций»[14]. Автор отметила в причитаниях их обрядовую природу, которая обусловила внутреннее содержание: «В отличие от многих других жанров народной поэзии, давно утративших свою причастность к определенным обрядам и обычаям, причитания сохранили высокую степень внеэстетической функциональности»[15].

Финский фольклорист Мартти Хаавио, изучив свадебные причеты на материалах разных народов, в том числе коми и карел, связал традицию причитания на свадьбе с культом предков и оплакиванием умерших родителей[16].

Помимо ритуального значения, причитаниям присуще личностное, индивидуализированное поэтическое высказывание, свойственное жанрам элегической поэзии, где содержание, порядок и мотивы «субъективной горечи вечной разлуки <…>, определялись верованиями, на основе которых сложился обряд»[17]. Наряду с традиционной поэтикой в области символов, эпитетов, ритмического склада, причитаниям свойственна творческая импровизация, которая допускает использование эмоциональных красок, связанных с личностным отношением к умершему, а также подробным описанием отдельных бытовых фактов из его жизни. Все это вносит особое разнообразие в исполнение причитания, что требует новых средств выразительности как в поэтической, так и в музыкальной сферах.

В эрзянской причетной поэтике четко выделяются смысловые доминанты, раскрывающие отношение живых к мертвым. В представлении мордвы-эрзи смерть не является концом жизни, это лишь переход в иной мир, где умерший приобретает статус родителей-покровителей и начинает влиять на жизнь живых и активно включается в общественную жизнь живых посредством определенных обрядовых действий. Образ умерших выстраивается из гиперболизации критериев красоты, теплоты и высоких нравственных качеств, по которым в обществе формируются нормы в поведении общины.

В эрзянских причитаниях обнаруживается отношение мордвы-эрзи к христианству как к новой вере, не отвергающей старую, т. е. наряду с обращениями, направленными к умершим предкам, духам-покровителям и языческим богам, встречаются обращения к христианским образам и символам. В тексте свадебного причета, записанным М. Е. Евсевьевым, невеста обращается за покровительством сначала к умершим до христианизации эрзе, а затем к умершим крещеным прародителям. В обоих случаях мы наблюдаем одинаковое почтительное отношение:

Васня ливан, куркс саян	Сначала я почту, помяну
Эрзянь верань кулытнень,	В эрзянской вере умерших,
Эрзянь верань ёмитнень,	В мордовской вере пропавших,
Поптомо калмастнень,	Без попов похороненных,
Диаконтомо служастнень,	Без дьаконов отслуженных,
Тикше трукасо курястнень,	Трухою сена окуренных,
Сиянь крёстомо ливтестнень.	Без серебряных крестов вынесенных.
Кува нолдан вальгеень?..	По какому месту я пошлю голос?..
Валень частой пирявтка,	По мирскому частому забору,
Чувонь канава чирева,	По краям вырытой канавы,
Озавтлень килей юткова,	Между посаженными березами,
Чачи сюро паксява,	По хлебородному полю,
Парсей ялав корёнга,	По шелковым кистям хлебных корней,
Штатолкс палы олгова,	По горящей свечке — соломе,
Сырне эрьге эзнева,	По золотой бусе — суставам ее,
Сееде кудря колозга,	По частым кудрям — колосу,
Золотакс кольги зёрнава.	Золотом наливающемуся зерну.
Ошtё ливан, куркс саян,	Еще я почту, помяну
Рузонь верань кирдитнень,	Русскую веру держащих,
Поп маро калмастнень,	С попами похороненных,
Диякон маро служастнень,	С дьяконами отслуженных,
Ладон качамсо курястнень,	Дымом ладана окуренных,
Кадиласо кадястнень,	Кадилом окажденных,
Сиянь крёст марто ливтестнень.	С серебряными крестами вынесенных.
Кува кучан вальгеень?..	По какому месту я пошлю голос свой?..
Церькувань крута уголга,	По крутым углам церкви,
Ниленьгемень крёст алга,	Под сорока крестами,
Колоньгемень паз алга.	Под тридцатью богами.
Вай, пувазо, пувазо,	Пусть подует, подует,
Сёксень кельме вармазо,	Осенний холодный ветер,
Вай кандозо, кандозо	Пусть снесет, снесет,
Озась мода челькиненк,	Насевшую на вас пыль земную,
Явшевест кото лазыненк,	Пусть раздвинутся ваши шесть досок,
Илиштявост одрыненк,	Развернутся ваши саваны,
Панжинк глухой вальминенк,	Вы откройте ваше глухое окошечко,
Кулсонынк тейтерь вальгеем…[18]	Вы послушайте мой голос девичий…

Этот уникальный текст является как бы документом, в котором зафиксирован обряд погребения до принятия мордвой православия со своеобразной погребальной атрибутикой: зерновое поле, зажженная солома, зеленые березы (возможно, здесь описывается место захоронения умерших), гроб с окошечком[19], а также после крещения мордвы — отпевание в церкви, кадило, ладан и т. д. В сознании мордвы-эрзи четко различается «своя» вера древних прародителей и «чужая, русская», доброжелательно воспринимаются многочисленные апостолы и святые (тридцать богов), а сами верующие — как «русскую веру держащие». В текстах эрзянских причитаний названия святых (богов) употребляются с эпитетом «русский»:

Ужодо, ялган, сюкунян	Подождите, подруженьки, поклонюсь,
Покштянь уголсо рузонь Пазостень.	В углу предков русскому Богу,
Аштеде, дуган, сюкпря максан	Подождите, сестрицы, поклон отдам
Покштянь уголсо рузонь Нишкестень[20].	В углу предков русскому Создателю.

Похоронно-поминальная и свадебная причетные системы мордвы-эрзи Присурья насыщены множеством поэтических образов и мотивов, отражающих процессуальный ход соответствующих обрядов. При этом семантика отчуждения является той основой, на которой все группы причитаний воспринимаются как единый жанр.

Основные поэтические образы причитаний мордвы-эрзи Присурья следующие:

— смерть — «правильный» свет, «холодная могила», «постель из желтого песка», «стены из желтой глины», «крыша из черной земли» — в похоронных и «непреодолимая водная преграда», «бездонный колодец» — в свадебных (Пр. № 8, 9, 14);

— потусторонний мир (чужая семья) — «густой высокий лес», «пустое поле» — в похоронных, «чужие руки», «чужие люди», «чужое зло», «сучья жизнь», «бездонный колодец» — в свадебных (Пр. № 55, 67);

— мир живых (своя семья) — «вольный белый свет», «материнское тепло», «мягкое любящее сердце», «белое молоко», «коричневое маслице» — в похоронных, «боярское, хозяйское девичество», «отцовский холст» — в свадебных (Пр. № 14, 68);

— умерший — покойник представляется «красивым, милым, ласковым», «тело, греющее могилу», «холодное тело»,

«на лавке лежит высота его», «на белом холсте (лажамо коцт)* осталось имя его» (Пр. № 14, 25);

— наступление смерти — «сомкнутые уста», «закрытые глаза», «глухота», «слепота», «неподвижность», «неподъемность», «нечистота», «неряшливость» (Пр. № 20);

— помощники-посредники в общении с умершими — «ветер», «вечерняя заря», «плачущий, звонкий, красивый голос», «плачущие слова» (Пр. № 23, 30).

Образ умершей матери поражает глубокой почтительностью и чувством любви и долга. Материнское тепло запечатлено во множестве различных нюансов: «теплое мягкое сердце», «беложелтое молоко», «коричневое маслице», причем материнское сердце сравнивается с сундуком, в котором хранятся самые ласковые, сокровенные и душевные слова. Отмеченные образы-символы являются знаковыми категориями фольклорного сознания, в которых раскрывается идея ритуалов «перехода».

Характерен поэтический прием, детализирующий особое почтительное отношение к умершему:

Ужа пару превит паласынь,	Подожди, хороший твой ум поцелую,
Трудовой кедет паласынь.	Трудовые руки твои поцелую,
Эштё сюконян кавто *яки пильгезэть,*	А еще поклонюсь двум твоим ногам,
Кеминь пильге сурозут,	Десяти твоим пальцам на ногах,
Сиянь копейка кенчизыть... (Пр. № 10).	Серебряному копеечному ногтю...

В эрзянских причитаниях находим выражение интонирования причетов посредством подачи особенного голоса:

А, лаже вайгелем таргаса,	Плачущий голос я протяну,
Лажа валным мон ёвтнесынь... (Пр. № 5).	Скорбные слова я скажу…

В культе поклонения умершим предкам употребляются не прямые, а образные характеристики, ставшие поэтическими формулами:

А монь эзим бряса ней авам,	А у меня мама моя в переднем углу,
Эзим бряса аште сэриза,	На лавке ее высота,
Ань аша коцт ала лемиза... (Пр. № 18).	Под белым холстом имя ее...

* Лажамо коцт (эрз.) — ткань для оплакивания, белое полотенце больших размеров, которое вешали над покойником в избе.

Для эрзянской причетной традиции понятия «высота» и «широта»/«ширина» отождествляются с «красотой», и такой поэтический оборот находит частое применение не только в причетах, но и во многих эрзянских свадебных песнях (например, в с. Семилей Кочкуровского района):

Кодамо ды мазый ветятан,	Какую красивую ведем,
Кодамо мазый совавтан.	Красивую заводим,
Ох, кенкшка а кельге серизэ,	Ох, в дверь не влезает ее высота,
Ох, лавця алга кельге келизэ.	Ох, под полати влезает ее ширина,
Стена кирвасти чамазо,	Стену может спалить она лицом,
Серейгава мекшава…	Высокая пчелиная матка…

В данной песне невеста характеризуется «высотой» и «шириной», которые приближают ее к прародительнице всего рода — «высокой пчелиной матке». В целом «высота» и размер «роста» в эрзянской причетной поэтике обозначают критерии «красоты» и «правильности» как нормативы эстетического идеала человеческой красоты. Описание красоты девушки или юноши посредством данных критериев встречается в виде сходных поэтических оборотов: «как прямая береза рост», «как зеленый дубочек рост». Этими же критериями красоты наделены домашние и лесные духи-покровители, например, дух колодца в следующем свадебном причете:

Лисьмань кирди, тейтерь-эй!	Владычица колодца, девица!
Лисьмань кирди, кастарго!	Владычица колодца, красавица!
Паряк, чалгавкшнынь	Быть может, наступала я
Виде килей сэреть ланкс,	На твой, как прямая береза, рост,
Мазы умарь тюсот ланкс,	На твое, как яблоко, красивое лицо,
Чевте паро алксот ланкс,	На твою мягкую, хорошую постель,
Сэрей паро пряльксот ланкс,	На высокое хорошее изголовье;
Паряк, чалгавкшнынь	Быть может, наступала я
Котова таргазь палят ланкс,	На твою рубашку в шесть полос вышитую,
Кумажас путозь руцят ланкс,	На твою руцю*, до колен украшенную,
Матразь коцт ашко пильгеть ланкс,	На твои, как скатанные холсты, ноги,
Сия ведьс навазь карь прят ланкс,	На твои посеребряные головки лаптей,
Илямака осудя…[21].	Не осуди ты меня…

* Руця (эрз.) — верхняя рубаха.

В свадебной песне свахи сначала дается характеристика героя посредством архаического смысла, вкладываемого в понятия «высота» и «ширина»:

Иленк дособя(ха) монь сэриним(а),	Не обсуждайте мою высоту,
Иленк покорда(ха) монь келиним.	Не корите мою ширину,
Тейтирнить-боя(ха)рави(хи)нить,	Девушки-боярыни,
Вечкемнеть су(ху)да(ха) ружкинеть.	Любимые хозяюшки,
Иленк до(хо)содя(ха) мон(и) ле(хе)мам,	Не обсуждайте мое имя,
Монь лома(ха)нь (аха)ней сырян.	Я уж человек теперь старый,
Уж лома(ха)нь а(ха) ней сы(хи)рян,	Человек теперь старый.
Нюа нюж колма урьван(и) аавтан.	Уж три снохи теперь у меня,
Мон колмо урьвань ава(ха)втан,	Я трем снохам — свекровь,
Нюа нюж ниле нуцькань мон(ы) бабан…	Четырем внукам — бабушка…

В следующей песне (исполняется в с. Сабаеве Кочкуровского района во время выноса пирога от невесты — *луки*) используются художественные приемы, характерные для эрзянской поэтики:

Кодама(ха) маза(ха) туинек.	Какую красоту привезли,
Столень келе(ха)сэ келе(хы)зэ,	В ширину стола,
Казенной харча ана сэрезэ.	Высотой с аршин,
Топонь ярцамкат по(хо)цонзо,	Внутри (пирога) — творог,
Птицат-нармушкат лангсынза…	Сверху — птички…
Тынь ортанк пан(е)чинк(а) ке(хе)ли(хи)ста,	Вы откройте свои ворота пошире,
Крышанк кепи(хи)динк(а) сэ(хэ)рийста.	Крышу поднимите выше,
Мон крыша(ха)дыяк(а) сэ(хэ)ри(хи)ян,	Я — выше крыши,
Уж орта(ха)дояк(а) ке(хе)лиян…	Шириной больше ваших ворот…

В поэтическом тексте некоторых примеров фигурирует белый холст, на котором запечатлено имя покойника. Это древняя атрибутика мордвы, относящая нас к мифическому сказанию о сотворении человека посредством полотенца, которым вытирался после мытья в бане Верховный бог мордвы — *Паз*[22]. По преданию, этот миф рассказали русским князьям волхвы-жрецы, а, как утверждают историки, «религиозные верования смердов-волхвов уходят корнями в финно-угорскую языческую старину»[23]. На территории Присурья для изготовления холста использовали коноплю (*канстъ*, ср. *коцт* — холст, над покойным вывешивали *лажамо коцт*, дословно: ткань для оплакивания). В традиции больше ценился холст из мужских соцветий конопли, которые называются *пазе*[24]. Белая конопляная ткань до сих пор употребляется у мордвы-эрзи. Ее вывешивают над лавкой, где лежит покойник; на шесть недель оставляют в бане для поминовения

усопшего, на этой ткани опускают умершего в могилу, а потом ее разрывают на части и одаривают ею тех, кто копал могилу; повязывают на плечо солдата, когда его выводят из дома, чтобы он вернулся назад здоровым и невредимым; повязывают дружке и урьвалям (братьям невесты) на свадьбе; покрывают свадебный пирог в виде птицы — *гулюша* или *лукша*, символизирующий невесту; невеста дарит куски ткани родне жениха.

В поэтическом тексте, записанным нами в 2006 г. в с. Старые Турдаки, говорится, что невеста не может взять священный отцовский холст с собой, потому что она навсегда расстается с родными. В то же время в тексте появляется мысль о том, что не невеста умирает для своего рода, а ее род в виде отца умирает для нее. Невеста вытирает омытую голову отца ритуальным холстом и прощается с ним — действие, равносильное омовению покойного перед захоронением:

Аленить-боярнэть,	Урьваля-бояре,
Адя мольтян ней минь кенкш лангов,	Пойдемте теперь к порогу,
А чалгадо мон тиринь тетям,	Там не стоит мой родной отец,
А кундато кенкш кундамосо.	Не держится за ручку двери,
А ох, а смеи ней,	Ой, он не смеет теперь.
А саизе шанжавонь коцтке,	Не взяла его паутинный холстик,
А ветизе шанжавонь коцтке,	Не привезла его паутинный холстик.
А мон молян сень ведь ней сайса,	А я пойду теперь возьму (холст),
Сон п(и)рянзо мон ней нардаса,	Его (отца) голову я теперь вытру,
А сон юты мейле икелев,	А он пройдет потом вперед,
А сон ней мере, сон весёлгады.	А он теперь скажет, он развеселится.
Мон ужу вансынь,	Подожди, я посмотрю,
А варштасынь ней ятунь рунгтнень... (Пр. № 42)	Погляжу на злых людей…

В похоронных причитаниях встречается положительный образ «зари», наделяющий хорошей долей умершего в другом мире:

Лисить, цёрам(ы) зоря эшкизе,	Вышел сын на заре,
Иля лазовс(и) зорязо.	Когда занялась утренняя заря.
Валдо вальман(ы) кармат улеме,	Будут у тебя светлые окна,
Валдо вальмань ало кармаат(а) аштеме (Пр. № 23).	Под светлыми окнами будешь сидеть.

Поэтический образ «зари» встречается и в свадебных причетах заволжской эрзи, когда невеста выходила на улицу и причи-

тала «на зарю», которая зарождает на земле жизнь, дарит людям свет и все живое обогревает своим теплом. Только для бедной невесты «у зари» не хватает чудесного света и живительного тепла:

Зоря, зоря, зорюва,	Заря, заря, зорька,
Зоря пувась толондо,	Заря вставала красная,
Нолдась зоря валдондо.	Разгоралась заря ясная.
Весенень токась зорянь светээ,	Ой, для всех-то зорька светлая,
Весенень сатоць зорянь валдозо.	Ой, для всех-то зорька теплая.
Но а монянь ээ светээ,	Для меня одной не светлая,
Но а монянь ээ валдозо[*].	Для меня одной не теплая.

Образ «зари», как и образ «девичества», наделялся человеческими качествами: они танцуют, ходят, поют, говорят и т. д.

Зоря пувась толонзо,	Заря зажгла свой огонь,
Сялксь кувака чевензэ,	Засветила свою длинную лучину,
Ускеть, ускеть сятконзо,	Проволокой падают искры ее,
Рисьметь, рисьметь куловзо,	Цепочкой падает зола ее,
Масторонь келес валдозо,	По всей земле свет ее,
Менелень келес зэртезэ,	По всему небу звон ее,
Диринь тетянь кардайс,	Только до двора моего родимого батюшки,
Зоря валдо ээ токак,	Свет зари не дошел,
Зорянь шумнэ ээ марявт…[25]	Шума зари не слышно…

Характерной приметой поэтики эрзянских причитаний является номинация адресата, к кому обращаются. Среди формульных обращений находим такие, которые близки русской традиции причитаний. Это наблюдается, прежде всего, в наименованиях свадебных чинов причетных текстов, где русская лексика перемежается с эрзянской: подружё ялгинем / ялгинем (мои подружки), урьвалинен / урвалинень роднойнень (родные урваля-братья), золотые мои ялган / монь сирнень ялган (золотые мои подруги).

Для поэтики свадебных причетов характерны развернутые описания. Они связаны, как правило, с иллюстрацией вольной жизни в девичестве. Образная система эрзянских свадебных причетов при переводе на русский язык не теряет своеобразия и

[*] Причет невесты «на зарю» записан М. И. Чувашевым в 1965 г. в с. Тимяше Шенталинского района Самарской области.

удивительной трогательности поэтического мироощущения девушки в ее важный жизненный момент — расставание с родным домом и уход в другую семейно-бытовую среду. В текстах эрзянских свадебных причитаний Присурья универсальные мотивы своеобразно переданы посредством глубинных мифологических представлений традиционной художественно-поэтической системы мордвы-эрзи.

Так, в укорах невесты возникает образ «чужого мира» как «вражеского», «бездонного колодца»:

Каимизь, тятей, каимизь,
Потмакстомо лисьмас,
Монь пильгинем а токить,
Мон тосто больше а лисян (Пр. № 55).

Бросили, отец,
бросили (меня),
В бездонный колодец,
Мои ноженьки не достают,
Я оттуда больше не выйду.

Представители «вражеского» мира — свекор, свекровь, жених — наделяются негативными характеристиками, и как бы невеста не старалась делать все хорошо, она не может угодить чужой родне:

Бойкасто ютат, дочинем, кежеят,
Састо ютат, тяйтернем,
нузяксат (Пр. № 57, 61).

Быстро пройдешь,
доченька, — злая,
Медленно пройдешь,
девочка, — ленивая.

Ятонь кудув максымизь,*
Атяфтэсь берянь,
Атяфтэсь и жених не понравился,
Мейс макссамизь?
Женихесь берянь,
Мон а вечкса женихенть (Пр. № 54).

Во вражий дом меня отдали,
Свекор плохой,
Свекор и жених
не понравились,
Зачем отдаете?
Жених плохой,
Я не люблю жениха.

В жалобах невесты отразилась тщетность родительских трудов, выраженная яркими художественно-поэтическими средствами:

Ух, авакай, авакай,
Ай, мезень кисэ, авай, монь тримик?
Мезень кисэ, авай, авай, тон тримик?
Кевс вачкодить, авай, кеднеть,

Ох, мамочка, мамочка,
Ай, зачем ты меня вырастила?
Зачем, мама, мама,
ты меня воспитала?
Об камень разбила, мама,
руки свои,

* Ят — недруг, враг.

Ох, авай, вармас максик тонь силат… (Пр. № 62).	Ох, мама, ветру отдала ты силы свои...
Маштокшныть, авай, трямон ваномон, —	Умела ты, матушка, вспоить, вскормить меня, —
Теле чинень самосто,	При наступлении зимы
Пухке поцо трякшнымек;	В пуху ты растила меня;
Кизэ чинень самосто	При наступлении лета
Шолкке поцо трякшнымек;	В шелку ты растила меня;
Монь трямостон, ваномстон	Во время моего воспитания
Эзить содакшно удомо,	Не знала ты ни сна,
Эзить содакшно аштеме...[26].	Не знала ты ни покоя…

Ярко вырисовывается образ подвенечной девушки, принявшей «величественную форму», «спасительский лик», чем подчеркивается особая значимость невесты во время свадебного обряда. Образ невесты определяется ее ролью как продолжательницы рода, в которой заложена животворящая сила, способная рождать новую жизнь. В русских свадебных поэтических текстах жених и невеста во время свадебного обряда наделяются самыми высокими древнерусскими титулами — князь и княгиня, так как необходимо особо выделить невесту из общины на данный свадебный период:

...Инязорской хорма саить,	…Величественную форму приняла,
Спасительской лик саить... (Пр. № 64).	Спасительский* лик взяла...

В сюжетных мотивах, связанных с прощанием невесты «с девичеством», переданы яркие образы своего и чужого пространств:

Свой свет	Переход	Чужой свет
барский, хозяйский, светлый, честный, красивый, девичий	через большой, высокий лес, большие деревья, пустое поле	сучий, недобрый, незнакомый, злой, вражеский

В обряде отчуждения невеста передает икону уредеву (дружке), которую он повезет в дом жениха. В метафорических обозначениях иконы фигурируют такие названия, как «благословение», «царское письмо», «спасительский лик», которые предопределены функциональной значимостью в обряде благословения невесты ее родителями.

---

* Имеется в виду: божественная.

В поэтике свадебных причетов мордвы-эрзи Присурья возникает символический образ «непреодолимой водной или огненной преграды» между невестой и всем остальным миром: свой мир для нее потерян навсегда, чужой мир никогда не станет своим. Это — своеобразная граница между прошлым и будущим молодой девушки, которая в глазах общины приобретает новый социальный статус, но вместе с тем она безвозвратно теряет все связи с прежней жизнью:

Ох, дочинем-тяйтернем,
Соват ломань юртс,
Лисят монь кудостом.
Кустема песь пешксе веднеде,
А сун келезь келеве,
А сун уезь уеве... (Пр. № 57).

Ох, доченька, девочка моя,
Зайдешь в чужой дом,
Выйдешь из моего дома.
У крыльца много воды,
Перейти — не перейдешь,
Плыть — не переплывешь…

Тятинем, тятинем,
Каимизь, тятей, каимизь,
Потмакстомо лисьмас,
Монь пильгинем а токить,
Монь тосто больше
а лисян (Пр. № 55 — 56).

Батюшка, батюшка,
Бросили, отец, бросили (меня),
В бездонный колодец,
Мои ноженьки не достают,
Я оттуда больше не выйду.

Диринь-ванынь тетинем,
Икельган таргась таргань столь,
Удалган пирясь кшинь пирявт,
Вить пельган нолдась
Келейстэ чуди — чуди ведь;
Керч пелень сон вачкась
Сэрейстэ палы — палы тол.
Ютыкскелинь стольсть трокска,
Пелинь тетянь мельнеде,
Норов авань кежнеде... (Пр. № 86).

Родимый мой батюшка,
Предо мной поставил
накрытый стол,
За мной загородил железный забор.
По правую сторону он пустил
Широко текущую —
воду текучую;
По левую сторону развел
Высоко пылающий —
огонь горящий.
Хотела перейти я через стол,
Побоялась воли батюшки,
Гнева норовистой матери…

Различные преграды между невестой и домом ее родителей означают неотвратимость разлуки девушки «с девичеством». Тема разлуки в эрзянских свадебных текстах близка похоронному причитанию с той лишь разницей, что невеста сама себя оплакивает и призывает весь род оплакивать ее вместе с ней:

Диринь тетянь кардайсэ
Мон пайстомо ломанян,
Пайстомо сэрень мон лажан,

Во дворе моего батюшки
Я — несчастный человек.
Несчастное тело
свое оплакиваю,

Грешной сэрень коволян.	Грешное свое тело причитаю.
Коли сука Охима	Чу, сука Ефимья
Чис сэренэ коволи,	При жизни причитывает свое тело,
Чис сэренэ сон лажи,	При жизни оплакивает свой рост…
Грешной сэренэ коволи[27]	Свой грешный рост причитывает.

В текстах причитаний упоминаются имена покровителей дома, к которым обращается невеста. В мифологических представлениях мордвы-эрзи распространены поверья о женских духах — матерях стихий, которые описываются как обнаженные женщины, любящие расчесывать свои длинные распущенные волосы: Вирьава — богиня леса, Ведьава — богиня воды, Вармава — богиня ветра, Норовава — богиня полей, Юртава — покровительница дома, Банява — покровительница бани, Каштомава — богиня печки, Ульцянь кирди матушка — покровительница улицы и др. Им соответствуют мужские божества (атя). Невеста просит их не вредить ей за то, что она покидает родной дом, навсегда уходит в чужой:

Юртонь кирде Юртава,	Покровительница дома, Юртава,
Юртонь кирде матушка...	Матушка дома,
Кардаз кирде батюшка (Пр. № 69).	Хранитель двора, батюшка.

Обращения к духам-покровителям на родном языке сохраняются даже в тех случаях, когда последующий текст исполняется по-русски:

Юртонь кирде Юртава,	Хранительница дома, Юртава,
Прости миня, што я уйду ат тибя…	Прости меня, что я ухожу от тебя…
К тебе рана не зайду,	К тебе теперь рано не зайду,
Поздна я к тебе не приду... (Пр. № 70).	Поздно я к тебе не приду…

Одним из центральных мест в эрзянских свадебных причетных текстах занимает образ «девичества» невесты, наделяемый всеми качествами и характеристиками «вольной», «барской», «честной», «счастливой», «хозяйской» жизни:

Ульцянь кирди сияка!	Хранительница улицы, серебряная!
Иля тандат шумнэдень,	Не испугайся моего шума,
Кол ёмамо вайгельдень:	Моего голоса страшного:
Аволь тоньть тандавтлян...	Не тебя я пугаю…
Эсь сэринень мон лажан,	Свое тело оплакиваю,
Эсь сэринень коволян.	Свой стан причитываю.
Седь икеле эрямсто,	В прежнюю жизнь мою,
Ульцянь кувалт ютылень, —	Когда проходила я вдоль улицы, —
Киштезь аштильть монь пильгень,	Ноги мои только плясали,
Моразь аштиль монь кургом...[28].	Уста мои только пели…

В эрзянском свадебном обряде много внимания уделяется отношению невесты к «девичеству». К нему она обращается как к самой себе в прошлой жизни. После прощания с «девичеством» через неделю после свадьбы невеста приходит в дом родителей и начинает искать свое «пропавшее девичество»; не найдя его, она причитает о том, что жизнь ее закончилась, что она умерла как для своего рода, так и для себя. Образ «девичества» демонстрирует традиционный эстетический идеал вольной жизни девушки, который резко противопоставляется женской доле замужней женщины.

Семантика и образно-поэтический строй причитаний мордвы-эрзи Присурья основаны на системе традиционных представлений и верований, выработанных коллективом. В поэтике причетного жанра воплощаются древнейшие мифологемы: смерть как сон, покровительство родителей-предков и др.

1.3. Средства поэтической выразительности

Наиболее важными поэтическими приемами, с помощью которых формируются похоронно-поминальные и свадебные причитания как художественные явления национальной культуры, являются метафорические замены, формульные обороты, структурные повторы, гиперболы, параллелизмы и т. д. Необходимо обратить внимание на одну важную особенность эрзянского языка, которая проявляется в его многочисленных диалектных формах. Это изменение корневой основы слов и использование аллитерации. В эрзянской поэтике для сохранения ритмического рисунка напева также наблюдается русификация текстов — замена эрзянских слов на аналогичные русские. Для исполнительниц важное значение приобретает напев, несущий функцию сакрального кода какого-либо обряда, а текст, который подвержен сильным изменениям, подстраивается под напев.

Для эрзянских причитаний конструктивное значение имеют *метафорические замены*, созданные с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-кай*:

Ох, законной ялгам, а онта,	Ох, законный муж мой,
Ох, нула ялгам, а онта,	Ох, друг мой, неподъемный,
Ах, молят, онта, тона чив,	Пойдешь, неподъемный, на тот свет,
*Ёфтнима-ка нь онтак**ай**…*	Расскажи-ка про меня,
(Пр. № 20).	неподъемненький…

По мнению некоторых ученых, в ижорских причитаниях метафоры с многочисленными притяжательными и ласкательными суффиксами ставятся в конце стиха для регулирования его ритмики[29].

Регулятором акцентности и протяженности ритмики стиха выступают так называемые опорные слова, несущие не столько смысловую, сколько структурообразующую нагрузку[30]:

Вай атят-пабат кафэнест,	Ой, старик со старухой вдвоем,
Аш шачисна касысна	Нет у них рожденного, растущего,
Аяш мельгаст пакисна[31].	Нет у них за ними ходящего.
Мастор шачнось, койть шачность.	Родилась земля, родились обычаи.
Мастор лангсо весень шачись мезе ульнесь?	Что было на земле первым родившимся?
Мастор лангсо весень касысь мезе ульнесь?[32]	Что было на земле первым появившимся?

Семантическое опорное слово часто употребляется с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-кай*: *авай — ава**кай**, тетяй — тетя**кай**, онта — онта**кай**, Маня — Маня**кай*** и т. д.

В данных примерах опорные слова имеют форму односложной и двусложной метафорической замены*, которые являются характерными для эпических и причетных форм традиционных культур многих финно-угорских народов. Метафорическая замена в иносказательной форме описывает действующих лиц причитаний, предметы, явления, понятия и т. д. Можно сказать, что этнически характерные черты, определяющие облик поэтики любого народа, проявляются именно в метафорах и метафори-

---

* «Очень архаична по своему происхождению и такая своеобразная черта поэтики похоронных и отчасти свадебных причитаний, как наличие устойчивых метафорических замен некоторых слов, особенно терминов родства, обозначающих покойного (невесту, жениха) и родственников. По неписаному, но строгому закону причети причитывающая не только никогда не называла покойного умершим („телом“, „покойником“, „трупом“), но и не могла называть „мужем“, „сыном“, „дочерью“, „братом“, „племянницей“, „невесткой“, а себя „женой“, „матерью“, „сестрой“, „дочерью“ и т. п. На все эти слова как бы наложено табу — запрет, связанный в своих древнейших формах со стремлением уберечь причитывающую и других членов рода от дальнейшего воздействия злых сил, уже проявившихся в смерти оплакиваемого» (**Чистов К. В.** Русская причеть // Причитания. Л., 1960. С. 13 ; см. также: **Еремина В. И.** Ритуал и фольклор. Л., 1991).

ческих заменах, так как в них происходит консолидация семантической, художественно-образной, синтаксической и ритмической организаций, характерных для структуры определенного языка. Морфологические и фонетические особенности каждого языка подчас создают особую ритмику и образную систему:

А якамс чужоень кедьса,	Ходить мне у чужих людей,
А ютамс весёласто,	Не пройдешь весело,
Бойка молят, мерить пек бойка,	Пройдешь быстро, скажут — лихая,
Састо молят, мерить тон нузякс (Пр. № 41).	Тихо пройдешь, скажут — ты ленивая.

В опорных словах заложена семантическая двуплановость, связанная с заменой реалий на ассоциативные ряды, основанные на функциональном и смысловом сходствах, благодаря чему сочетание слов превращается в метафорическую конструкцию:

Тятинем, тятинем,	Батюшка, батюшка,
Каимизь, тятей, каимизь,	Кинули, отец, бросили меня,
Потмакстомо лисьмас,	В бездонный колодец,
Монь пильгинем а токить,	Мои ноженьки не достают,
Мон тосто больше а лисян (Пр. № 55).	Я оттуда больше не выйду.

В эрзянских причетных текстах метафорами могут выступать следующие формы:

а) отглагольные формы или причастия

Юртонь кирде *Юртава,*	Хранительница дома, Юртава,
Кардаз кирде *батюшка...* (Пр. № 70).	Хранитель двора, батюшка…
Лисьмань кирди *тейтерь-эй!..*	Владычица колодца, девица!..
Иля тандат шумнедень,	Не пугайся моего шума,
Сэрь ёмамо *вайгельдень...* (Пр. № 80).	Голоса погибающей…
Васня ливан, куркс саян	Сначала я почту, помяну
Эрзянь верань кулытнень,	В эрзянской вере умерших,
Эрзянь верань ёмитнень,	В эрзянской вере пропавших,
Поптомо калмастнень,	Без попов похороненных,
Диаконтомо служастнень... (Пр. № 84).	Без дьяконов отслуженных...

б) существительные или местоимения

А монь эзим бряса э авам,	А у меня мама моя в переднем углу,
Эзим бряса аште ***сэриза,***	На лавке ее высота,
Ань, аша коцт ала ***лемиза****...* (Пр. № 18).	Под белым холстом имя ее…

в) прилагательные:

А варштасынь ней ***ятунь*** *рунге,*	Посмотрю злых людей,
А кисказу ***чужоень*** *онге*... (Пр. № 42).	А собака чужая лает…

г) фразеологизмы:

Совать ломань юртс...	Зайдешь в чужой дом…
Кустема песь пешксе веднеде,	У крыльца много воды,
А сун келезь келеве,	Перейти — не перейдешь,
А сун уезь уеве... (Пр. № 57).	Переплыть — не переплывешь…

Эрзянские причитания на слух не производят такого же благозвучного, гармоничного фонетического строя, как родственные жанры северных и прибалтийских финно-угров, отличающиеся богатой фонетической окраской поэтических текстов благодаря наличию в них *аллитерации*. В эрзянской поэтике присутствует некая своеобразная система подмены гласных букв в корневой основе слов, создающая эффект аллитерации:

*Пасиба, тетякай, ван**у**манк-*	Спасибо, папочка, что
*трямуз**у**нк,*	воспитали меня,
*Пасиба, авакай, кастумазу**нк***...	Спасибо, мамочка, что
	вырастили…
***Те**чень чине, тиринь **те**тякай,*	С этого дня, родной папочка,
*Семияс**ту** монень **ту**ема,*	Из семьи мне уходить,
*Ку**ду** чисты монень лисема*...	Из родного дома мне
	выходить…
*Ят**у**нь к**у**д**ус** монень молима,*	Во вражеский дом мне идти,
*Ят**у**нь к**у**д**ус** монень*	Во вражеский дом мне
совама... (Пр. № 39а).	заходить…

В данном отрывке поэтического текста вместо правильных форм: *ваноманк*, *трямозонк*, *кастомазонк*, *семиясто*, *кудо*, *кудос*, *ятонь*, *молема*, *совама* употребляются следующие: *вануманк*, *трямузунк*, *кастумазунк*, *семиясту*, *куду*, *кудус*, *ятунь*, *молима*, *сувама*. Здесь звук [у] вытеснил [о]. Это связано либо с диалектной особенностью эрзянского языка, либо со стремлением достигнуть общего интонационно-акустического эффекта.

Механизм изменения слов сводится к «неправильному» употреблению гласных звуков в словах, которые фонетически подстраиваются к слову, заканчивающему первую строку. В результате замены гласных (чаще в конце строк) получаются новые формы слов, ведущие к возникновению новой лексики.

Реже встречаются аллитерированные варианты поэтических строк, в которых некоторые слова начинаются или заканчиваются

одной и той же фонемой, но, как правило, это действительно на достаточно малом участке поэтической формы в целом:

*...Течи ты**нк** пек покш чи**нк**...*	…Сегодня у вас большой день…
*Пеке**нк** витин**к**, пеке**нк***	Утолите голод, наполните
*пештин**к*** (Пр. № 2)	живот.

В эрзянских причетных текстах часто встречаются русизмы, характер использования которых имеет разные причины. Это определяется, в первую очередь, ритмическими особенностями стиха, когда вместо эрзянского слова употребляется аналогичное по смыслу русское. По мнению некоторых исследователей, его можно связать с общим влиянием русской культуры на эрзянскую, хотя этот вопрос спорный. Как отмечал М. Е. Евсевьев, «мордовские женщины плохо владели, а то и совсем не знали русский язык, а русские женщины не знали мордовский язык»[33]. Необходимо также отметить, что в поэтических текстах, собранных и опубликованных М. Е. Евсевьевым, русизмы практически не встречаются.

Из истории известны факты, когда при освоении поволжских, уральских и сибирских земель русские завоеватели уничтожали мужское население и «брали себе в жены туземных женщин и девиц. А женщины, как известно, не так легко расстаются со своими национальными навыками. В состав великорусского племени целиком вошли финские племена: меря, весь, мурома, мещера и частично — мордва… Процесс перехода мордовских причитаний в русские мы наблюдаем и сейчас у той части мордвы, которая начинает русеть»[34].

Ситуация «фольклорного двуязычия»* в эрзянских поэтических текстах проявляется и в том, что в них могут свободно перемежаться строки обоих языков:

Честность ат миня уходит	…Честность от меня уходит
Через високой лес.	Через высокий лес,
*Туи монь бояравакс**ч**им,*	Уходит мое барское девичество,
Через лес, через високой лес,	Через лес, через высокий лес,
Ни в возля капонгэ, туян незнакомоень,	Ни в добро, ухожу в незнакомое,
Честная моя девичая	Честная моя девичья
красивая жизнь... (Пр. № 69).	красивая жизнь...

* Термин В. А. Лапина.

Распространенным явлением в эрзянских поэтических текстах (как свадебных, так и похоронно-поминальных) стало расширение стиха за счет повтора строки с привлечением русских синонимов:

Ох, явавтынк ***симеманк****,*	Ох, утолите жажду,
Ох, удальте тынь ней ***жажданк***	Ох, утолите жажду.
(Пр. № 3).	

Пуста паксяв туи монь ***бояравакс чим****,*	В пустое поле уйдет моя боярская жизнь,
Монь ***азоравакс чим****, монь чесной чим туи* (Пр. № 64).	Моя хозяйская жизнь, моя честная жизнь уйдет.

Данный поэтический прием выходит за рамки только феномена «фольклорного двуязычия». Это своего рода особый прием в эрзянской поэтике используется для того, чтобы расширить временные рамки произнесения вслух сакрального текста.

Чрезмерное употребление русизмов* в эрзянских причетах связано с ритмическим подчинением текста напеву, из чего следует, что напев в значительной степени откристаллизовался в течение длительного времени, а тексты стали забываться. Вместо них стали употребляться русские слова, которые не разрушают структуру напева, наоборот, поддерживают его ритмическую конструкцию:

Мейсь, авай, монь ***баслават****,*	Зачем, мама, меня благословляешь,
Мейсь, авай, монь тонь ***кастымик****...*	Зачем, мама, меня вырастила…
Иля макст-ильтя, авинем, ***чужойнень****,*	Не провожай, мамочка, к чужим,
Иля макст-ильтя, авинем, ***прочейнень****...* (Пр. № 67).	Не провожай, мамочка, к другим…

Поэтическая система причитаний мордвы-эрзи отличается большим количеством *повторов* слов и словосочетаний, с помощью которых выстраивается более половины всех обрядовых текстов:

1) ***Покш покштинень, бодинень****!*	Великие деды мои, дедушки!
Мода мазыйть бабинень*!*	Красы земли мои бабушки!
Сырк мерезэ, ***бодинень****,*	Пусть пошевелится, деды мои,

* В эрзянском языке термин «свадьба» заимствован у русских, собственный термин «полань саема» (букв. взятие невесты, пола — невеста) вышел из разговорной лексики.

Матразь, оймазь киськиненк,	Ваше осевшее, успокоившееся тельце,
Кепсть мерезэ, ***бабинень,***	Пусть приподнимется, бабушки мои,
Равужо човоля модыненк.	Ваша чернобисерная землица.
1) ***Покш покштинень бодинень!***	Великие деды мои, дедушки!
Мода мазыйть бабинень!	Красы земли, мои бабушки!
Аволь шкастонк-порастонк,	Не в пору, не вовремя
Мазы леменк ушоцынь,	Ваши красивые имена называю,
Мода челькенк явавцынь.	Вашу земную пыль стряхиваю.
2) ***Аволь пси пачалксес терттядызь,***	Не на горячие блины призываю вас,
Аволь пси ямнэс туйдядызь.	Не на горячие щи привожу вас.
3) ***Кува, кува, терттядызь?***	По какому месту я позову вас?
Кува, кува, туйдядызь?	По какому месту приведу вас?
4) ***Тердевледезь покш киява,***	Призвала бы вас по большой дороге,
Покш кинь ламо якизэ,	У большой дороги много проходящих,
5) ***Ламо каршо понгинзэ,***	Много навстречу попадающих,
Ламо мельга сасынзэ:	Много сзади догоняющих:
1а) ***Пелян, покш покштинень, бабинень,***	Боюсь, великие дедушки мои, бабушки,
6) ***Берянь ломань вастадо,***	Встречи лихого человека,
Берянь валонь тергиде.	Дурным словом обзывающего.
4а) ***Тердевледезь, бодинень,***	Позвала бы вас, дедушки,
Туевледезь, бабинень,	Позвала бы вас, бабушки,
Ош порядка юткова,	По городской улице,
Москов ульцянь кувалма,	Вдоль Московской улицы,
7) ***Ульцянь ламо неинзэ,***	На улице много видящих,
Ульцянь ламо рединзэ:	На улице много замечающих:
8) ***Пелян берянь сельмеде,***	Боюсь дурного глаза,
Пелян берянь варчтавксто.	Боюсь нехорошего взгляда,
4а) ***Тердевледезь, бодинень,***	Позвала бы вас, дедушки,
Туевледезь, бабинень,	Позвала бы вас, бабушки,
9) ***Ташто, тайной киява —***	По старой, тайной дороге —
Ташто, кадонь киява.	По старой заброшенной дороге,
1а) ***Пелян, покш покштинень, бабинень,***	Боюсь, дедушки мои и бабушки,
Одранк, саванк сезневить,	Ваши одры, саваны издерутся,
Тарад прява кадновить.	На вершинах ветвей останутся.
4а) ***Тердевледезь, бодинень,***	Позвала бы вас, дедушки,
Туевледезь, бабинень,	Позвала бы вас, бабушки,
12а) ***Мода алга киява,***	По подземной дороге,
Мастор алга киява.	По подземному пути,
Коть ***мода алга кинь***	Хотя по подземной дороге
11) ***Арась кияк якизэ,***	Нет проходящих,
Арась кияк пакизэ	Нет шествующих,
5а) ***Ламо мода пульнезэ,***	Но много пыли на ней,
Ламо мода челькезэ.	Но много пыли на ней,
Пелян, ***бодинень, бабинень,***	Боюсь, дедушки мои, бабушки,

Кисеянь одранк, саванк,	Ваши кисейные саваны
12) ***Мода пульне сайсынзэ,***	Земляная пыль покроет,
Мода челькe муйсынзэ.	Прах земляной запачкает.
13) ***Садыя, бодян, садыя!***	Приходите, деды мои, приходите,
Садыя, бабан, садыя!	Приходите, бабушки мои, приходите,
Велень бодянь кснав рядга,	По гороховому полю сельских дедов моих,
14) ***Туеде, бодян, туеде,***	Принесите, деды мои, принесите,
Туеде, бабан, туеде.	Принесите, бабушки мои, принесите,
Кеверить кснавт сельветькеть.	Катящие горошины — слезы,
13) ***Садыя, бодян, садыя,***	Приходите, деды мои, приходите,
Садыя, бабан, садыя... (Пр. № 82).	Приходите, бабушки мои, приходите...

Приведенный пример представляет конструктивные механизмы складывания эрзянского причетного текста из повторов, формульных оборотов и синонимических пар. Повторы и формульные обороты чаще всего употребляются в парных вариантах, что придает тексту связанность в виде подвижной двух- или трехстрочной строфы, а также усиливают эмоциональное воздействие, фиксируют внимание слушателя на важных мыслях и событиях. Вместе с тем организация текста в эрзянских причитаниях подчиняется мелодическому развитию, при выявлении границ строфы учитывается музыкально-поэтическая форма в целом.

Повторы могут возникать в сочетании имени существительного и глагольных форм с синонимами:

Ох, Ваня, Ваня ***цёрынем,***	Ох, Ваня, Ваня, сыночек мой,
Ваня, мон(и) ***тякинем***... (Пр. № 23).	Ваня, мое дитятко...
...Мон чужой кудос ***молян,***	…Я в чужой дом иду,
Мон чужой кудос ***сован***... (Пр. № 64).	Я в чужой дом зайду…
...Авань седеесь — ***вай поколь,***	…Мамино сердце — кусочек масла,
Авань седеесь — ***лембе ёжине,***	От маминого сердца исходит тепло,
Авай седеесь — ***горбиянь пекставкске***... (Пр. № 15).	Мамино сердце — закрытый сундук...
Мезинь седийса а мон ***кирдян,***	А какое сердце а я держу,
Мезинь седийса а мон ***аштян,***	С каким сердцем я стою,
Баславама-ка, ай, ***авакай,***	Благослови-ка меня, мамочка,
Баславама-ка, ай, ***тетякай***... (Пр. № 53).	Благослови-ка меня, папочка…

Саинк ***бояравакссчим,***	Возьмите мою барскую жизнь,
Саинк ***азоравакссчим,***	Возьмите мою девичью жизнь,
Саинк ***монь честной чжим***... (Пр. № 68).	Возьмите мою честную жизнь…

Большую роль в эрзянском стихосложении играют междометия, которые употребляются как элемент эмоциональной окраски и как элемент, регулирующий количество слогов в поэтической строке. Отдельное междометие или же их цепочки («вай», «вай ох», «вай дяй дёх», «идё вай дяй дёх» и т. п.) в мордовской поэтике встречаются в балладах, лирических и свадебных песнях[35]. Исполнители не знают расшифровки этих ритуальных слов, но придают им большое значение. В свадебных песнях (например, песнях свах) припевная строка из междометий чередуется с основной поэтической строкой:

И вай, вай дёх, вай дяй дёх,	И вай, вай дёх, вай дяй дёх,
Ох, вай, вай дёх, вай дяй дёх,	Ох, вай, вай дёх, вай дяй дёх,
Ярцадо, сваткеть, ярцадо,	Кушайте, сваты, кушайте,
Симеде, сваткеть, симеде,	Пейте, сваты, пейте,
И вай, вай дёх, вай дяй дёх,	И вай, вай дёх, вай дяй дёх,
Ох, вай, вай дёх, вай дяй дёх,	Ох, вай, вай дёх, вай дяй дёх,
Пиряс педязо поилась,	Чтобы в голову ударило пойло,
Седейс молезэ киши-салось.	Чтобы в сердце дошли хлеб-соль.

Типичным в эрзянских причитаниях является поэтический прием контрастного сопоставления своего (положительного) и чужого (отрицательного) пространства. Это противопоставление оказывается характерным приемом для многих мордовских фольклорных жанров. Одной из разновидностей контрастного сопоставления будет преувеличение реальности или нравственных качеств героя в положительную или отрицательную стороны. Преувеличение — гипербола — употребляется в эрзянской причетной поэтике для идеализации своего мира и героя, достойного уважения и подражания, что больше свойственно похоронно-поминальным причитаниям. В свадебных текстах этот прием концентрируется вокруг пространства невесты — прощание «с девичеством». На это обращали внимание многие мордовские исследователи. Даже если прошлое невесты в доме ее родителей было не очень радостное, и невеста шла с охотой замуж, все равно она должна была восхвалять свой прежний порядок и хулить будущую жизнь в чужой семье:

У миня была как барыни жизнь,
А теперь сучачей жизней
пойду… (Пр. № 69).

У меня была жизнь,
как у барыни,
А теперь сучьей жизнью
пойду…

Для максимального достижения эффекта красочного изображения своего мира используются уменьшительно-ласкательные суффиксы, что сближает причетные поэтические тексты с эпическими. Согласно А. И. Маскаеву, «в преобладающем большинстве герои эпической песни изображаются сочувственно, идеализированно, поэтому <…> свое отношение выражают словами, употребленными в ласкательно-уменьшительной форме»[36]:

Ох, авакай, молян икелеть,
Сюконян мон кавто пильгезэт,
Сюконян кавто кедезэт,
Ох, тирень тетякай, молян малазот,
Сюконян мазый кедезэт.

Ох, мамочка, подойду к тебе,
Поклонюсь тебе в ноги,
Поклонюсь тебе в руки,
Ох, родной папочка,
подойду к тебе поближе,
Поклонюсь в красивые
руки твои.

Одним из приемов концентрации внимания на положительном или отрицательном началах в эрзянской поэтике является ступенчатое сужение образа. Сначала дается общая характеристика героя или обстановки, затем следует детализация, касающаяся характеристики речи героя, его внешнего описания (например, от рук до кончика ногтей). Этот прием широко распространен как в эпической, так и в лирической сферах эрзянского фольклора[37]:

Дайка, авакай, палатам.
Ужа пару превит паласынь,
Трудовой кедет паласынь.
Эштё сюконян кавто яки пильгезэть,
Кеминь пильге сурозут,
Сиянь копейка кенчизыть... (Пр. № 10).

Давай, мамочка, поцелую я тебя,
Подожди, хороший твой ум
поцелую,
Трудовые руки твои поцелую,
А еще поклонюсь двум
твоим ногам,
Десяти твоим пальцам на ногах,
Серебряному копеечному
ногтю...

В эрзянские причетные тексты (чаще в свадебные) включаются пословицы и поговорки, обогащающие поэтику и отражающие житейскую мудрость народа. Они чаще отражают негативное отношение к жизни на чужой стороне:

Мон прочейень кецэ бойка ютан — кежеян,	Я у других быстро пройду — злая,
Мон састо ютан — нузяксан (Пр. № 67).	Я тихо (медленно) пройду — ленивая.

Тетянь кудусту туимась,	Из отчего дома уход
Раужу кулумань кондямо.	Подобен черной смерти,
Авань кудусту туимась,	Из материнского дома уход
Калмос мадимань кондямо (Пр. № 48).	Все равно, что лечь в могилу.

Поэтический язык в поговорках и пословицах богат метафорами, характеризующими своеобразный стиль такого рода жанров:

Авань седеесь — вай поколь,	Мамино сердце — кусочек масла,
Авань седеесь — горбиянь пекставкске (Пр. № 15).	Мамино сердце — закрытый сундук.

Таким образом, поговорки и пословицы оживляют поэтические тексты «совместно со сравнениями, метафорами <…>, бесспорно, усиливают эмоциональную силу причитаний, способствуют созданию картинности, наглядности при описании совершающихся событий»[38].

1.4. Номинация действующих лиц

Важным содержательным компонентом эрзянских причитаний являются «действующие лица», к которым обращаются, которых оплакивают и жалеют. За действующими лицами закрепились устойчивые формы обращений либо по родственным признакам, либо по собственным именам:

— отец — *тетяй, тятинем*, *тятинем-корьминем* («отец», «батюшка», «батюшка-кормилец»; Пр. № 31, 41, 42, 46, 55);

— мать — *авай*, *авакай*, *авинем-корьминем*, *корьминем*, *тиринем*, *тирякай*, *авинем-мазыйнем*, *авинем-валынем* («мама», «мамочка», «мамочка-кормилица», «кормилица», «родная», «воспитательница», «мамочка-красавица»; Пр. № 28, 38, 46, 48, 50, 56, 59, 62, 64, 67);

— дочь, невеста — *тейтернем*, *дочинем*, *тякинем*, *сэрь ёмамо* («девочка моя», «доченька», «дитятко мое», «погибающая»; Пр. № 57 — 58);

— сын — *цёрынем*, *тякинем*, *эйдякай*, *эвакай*, *левакай* («ребеночек мой», «дитятко мое», «деточка»; Пр. № 24);

— муж — *полакай*, *онта*, *онтакай*, *нула*, *ялгинем* («муженек мой», «неподъемный», «неряшливый», «дружочек мой»; Пр. № 20, 25, 30);

— сестра — *дугинем*, *сазорнэм*, *патякай*, *вечкименем* («сестренка», «любимая»; Пр. № 10, 39, 59);

— брат — *лелякай*, *урьваля*, *урьвалинем*, *алинем* («братик», «дружка»; Пр. № 42, 59, 60, 61);

— сваха — *суваха-бояравинем*, *суваха-тиринем* («сваха-боярыня», «сваха-родная»; Пр. № 14);

— подруга — *ялгинем*, *вечкеминем*, *сырнень ялгинен* («подруженька моя», «любимая моя», «золотые мои подружки»; Пр. № 40, 44, 66);

— домашние духи-покровители — *юртонь кирди Юртава*, *юртонь кирди батюшка* («хранительница дома», «хранитель дома»; Пр. № 54, 69 — 71), *амбаронь кирди матушка* («хранительница амбара»), *Ведьава* («богиня воды»), *Банявушка* («богиня бани»), *Ульцянь кирди* («хранитель улицы»), *Каштомава* («богиня печки»)[39].

В устойчивых формах обращений к героям определен их социальный статус в общине, функциональное назначение: кормящая мать (*авакай-корьмакай*), кормящий отец (*тятинем-корьминем*), свахи-боярыни (*свахинем-бояравинем*), красивый сильный дружка (*уредев*). Их употребление позволяет отнести данные эрзянские тексты к архаическому историко-стилевому пласту. В обращениях к детям указывается их половозрастная принадлежность: парень (ребенок — *тякинем*), девушка (девочка — *тейтернем*). Употребление в причетах собственных имен (*Маня-дочинем*, *Ваня-цёрынем*) указывает на более поздний исторический пласт данных текстов, в которые внедрялось индивидуализированное начало и осуществлялся отход от общинного коллективизма. Необходимо отметить, что в причетных текстах, собранных более ста лет назад М. Е. Евсевьевым, А. А. Шахматовым и Х. Паасоненом, собственные имена не фигурируют. Согласно М. Е. Евсевьеву, молодой снохе после замужества давали другое имя, которое означало ее новое социальное положение в семье, а девичье имя забывалось навсегда.

Появление собственных имен в эрзянских текстах связано, видимо, под влиянием русской культуры. В более ранних записях номинации персоналий оформлены в виде отглагольных и причастных оборотов: мать, отец — «вскормившие, воспитавшие руки», «смотревшие, наблюдающие»; невеста — *ладянь патя* или *чиянь патя* — «просватанная старшая сестра»,

духи-покровители — «место держащая», «баню держащая», «амбар держащая», «двор держащая» матушки, *урьваля* — «провожающие невесту», зять — *содамо* (от глагола *содамс* «знать»).

1.5. Поэтические мотивы и принципы их сочетания

Похоронно-поминальные причитания функционируют в качестве коммуникационного канала для установления связи с миром предков. По мнению Б. Н. Путилова, мотивы, из которых выстраиваются поэтические тексты (в том числе и причитания), «не есть непосредственное воспроизведение некоего элемента реальности, но образное осмысление и преображение, обобщение, закрепляемое в элементарной формуле, наделяемое своими значениями»[40]. Для вычленения конструктивных элементов выстраивания поэтических текстов мы используем термин «поэтический мотив». В связи с этим выделяются следующие поэтические мотивы эрзянских похоронно-поминальных причитаний:

— сетование, жалобы, укоры («куда поторопилась?», «куда теперь я пойду?», «почему так рано уходишь?», «зачем поторопилась?», «на кого оставляешь?», «как рано потеряла свою красоту?»):

Ой, полакай, Колей.
Ой, кинь лангс тон(ы) мон(и) кадумик?
(Пр. № 30).

Ох, муженек мой, Коля.
Ой, на кого ты меня оставил?

Манякай, ков истя капшит(и,) дугиним,
Ков истя капшит(и) кулуму.
А тон(ы) сэринит(и) ёмавтык…
Э ков, дугай, кадык семият,
А ки лангс кадык тон тякат,
Э ки лангс кадык семият.
А дугинем, а таркантинь ней мадить,
А те таркасонть, дугинем, мейлеяк аулить поздая (Пр. № 7).

Маня, куда ты торопилась, родненькая,
Куда так торопилась умереть.
А ты красоту потеряла…
Куда, сестра, оставила свою семью,
На кого оставила ты детей,
На кого, сестра, оставила семью,
Сестренка, не в это место теперь легла,
В это место и потом не опоздала бы;

— побуждение умершего к действию (отведать поминальную трапезу, собрать ранее умерших для поминальной трапезы, выйти навстречу, поговорить с живыми, сменить одежду, вымыться в бане, увидеть, услышать родных и т. д.):

Ох, тон листяя, патякай,	Ох, выйди-ка, сестренка,
А минь тонеть одеженеть кандыник,	Мы тебе одежду принесли,
А минь одеженеть тонь полавтсыник,	Мы одежду твою поменяем,
А нете кото недлянь ютамусь,	Эти шесть недель прошли,
Нилиньгемень тонь чинис...	Твои 40 дней…
Ох, полавтытя одежат (Пр. № 6).	Ох, поменяй-ка свою одежду;

Ох, тетякай, авакай,	Ох, папочка, мамочка,
Адядо лиседе боказонок.	Выходите к нам.
Кавто бокава тынь озадо,	По обе стороны вы садитесь,
Пси пиштене тынь сэвиде,	Горячую еду вы ешьте,
Нучкань седяйнинк тынь витинк,	Голодное сердце вы утолите,
Вачодо пекенк тынь пештинк (Пр. № 3).	Голодные животы вы утолите;

Ох, авакай, авакай,	Ох, мамочка, мамочка,
Те чинень, те чинень,	В этот день тебе
Кото недлят тонь топодсть,	Исполнилось сорок дней (после смерти),
Авакай, тонеть стольне пурнынек,	Для тебя мы стол собрали,
Авакай, пурныть-сэрнеть,	Мамочка, собери всех
Тон роднят-племат (Пр. № 13).	Всех родных своих;

Адяда баняв, вана,	Пойдемте в баню,
Шлядо-нардадо, вана, весе,	Мойтесь-вытирайтесь все,
Нардамояк тесо, вана, сапынесяк.	Полотенце здесь и мыло,
Адядо весе, пырнынк родонк-племанк (Пр. № 21).	Пойдемте все, соберите свой род;

— просьба передать вести на тот свет (рассказать о живых, передать приветы давно умершим):

Молят, онта, тона чив,	Пойдешь, неподъемный, на тот свет,
Ефтнима-ка онтакай (Пр. № 20, 25).	Расскажи-ка про меня, неподъемненький;

— прощание с умершим (его целуют, кланяются ему):

Дай-ка, патякай, простятам,	Давай, сестра, простимся…
Ужа пару превит паласынь,	Хороший твой ум поцелую,
Пудовой кедет паласынь,	Пудовые руки твои поцелую,
Эштё сюконян кавто яки пильгезэть (Пр. № 10).	Еще поклонюсь в ноги тебе;

— выражение благодарности, теплого отношения к умершему (умерший представляется красивым, милым, любимым):

Авань кельме теланзо токаса,	Мамино холодное тело потрогаю,
Уш-ка, мерян, авань молян-кая,	Мама, подойду-ка, поговорю,
кортан ведь,	
Ох, авинем, мерян, авинем,	Ох, мамочка, мягкое сердечко мое,
чевти седейнем,	
Ох, авань, мон ведь симия, ловсонзо,	Ох, мамино я выпила молоко,
Ведь сэвия тюжа ойненэзэ	Мамино я съела коричневое
(Пр. № 26).	маслице;

Авань седеесь — вай поколь,	Мамино сердце — кусочек масла,
Авань седеесь — лембе ёжине,	От маминого сердца исходит тепло,
Авань седеесь — горбиянь	Мамино сердце — закрытый
пекставкске (Пр. № 15).	сундук;

— невозможность возврата умершего в мир живых, одиночество, сиротство (описание пустого дома, невозможность встречи):

Мон больче ведь, авакай,	Я больше ведь, мамочка,
Костояк тонь аф нетян,	Нигде тебя не увижу,
Удалды(як) мон тонь аф сасатан,	И сзади тебя не догоню,
Икельди(як) мон тонь ведь	И спереди я тебя не встречу
карчине аф вастан.	
Чаво кудос кадуван (Пр. № 16).	В пустом доме останусь.

Ой, кода тонстемить, Колей,	Ой, как без тебя, Коля, трудно,
трудна,	
Кода а тонстемить, Колей, берень...	Как без тебя, Коля, плохо…
Ой, кадымак(ы) тон мон(и)	Ой, оставил ты меня в пустом доме,
чавы кудос,	
Кадымик и вай стенатнень	Между стенами оставил меня;
юткс (Пр. № 30).	

— описание загробного мира (холодная могила, желтый песок — постель, глина — стены, черная земля — крыша, место умерших — перекресток сорока дорог):

Ох, Манякай, кельме калму	Ох, Машенька, холодную могилу
ней эжедят,	греешь,
Ох, Манякай, сонзо кудонть	Ох, Машенька, в этом доме
арасть, кенкшинзэ	нет дверей,
Ох, арасть сонзэ вальманзо,	Ох, нет у него окон,
Ох, тосто тон а лисеват,	Ох, оттуда ты не выйдешь,
Тосто тон а сават (Пр. № 8).	Оттуда ты не вернешься;

Тюжа песок тонь алксот,	Коричневый песок — твоя постель,
Ашо песок тон алксот,	Белый песок — твоя постель,
Тюжа сёвонь тонь стенат,	Коричневая глина — твои стены,
Авай, раужо мода тонь крышат (Пр. № 28).	Мама, черная земля — твоя крыша.

Поэтические мотивы свадебных причитаний связаны с обрядовой действительностью. Частым мотивом в них выступает просьба-побуждение, адресованная родне невесты, подругам и т. д. В связи с этим выделяются следующие поэтические мотивы свадебных причетов мордвы-эрзи Присурья:

— сетование, жалоба, укор («зачем меня отдаете?», «зачем покидаешь?», «зачем меня благословляете?», «зачем покрыли мое лицо?», «кинули, бросили в бездонный колодец», «лучше в гробу лежать», «зачем кормили, поили, растили?»):

Ух, авакай, авакай,	Ох, мамочка, мамочка,
Ай, мезень кисэ, авай, монь тримик?	Ай, зачем ты, мама, меня вырастила?
Мезень кисэ, авай, авай, тон тримик?	Зачем, мама, мама, ты воспитала?
Кевс вачкодить, авай, кеднеть,	Об камень разбила, мама, руки свои,
Ох, авай, вармас максык тон силат (Пр. № 62, 67).	Ох, мама, ветру отдала ты силы свои;

— невеста побуждает родных к действию (просьба подойти, исполнить последнюю просьбу, спеть последнюю песню, принять из рук икону, взять «девичество», послушать последние слова):

Саик монь ней уш пазаванть,	Возьми у меня икону,
Саик монь ней уш спасительской ликензэ,	Возьми у меня спасительский лик,
Саик монь благословениям,	Возьми мое благословение,
Инязорской сёрманзо (Пр. № 65).	Царское письмо;
Сака, Таня, малазом,	Подойди, Таня, поближе ко мне,
Налке ульцям мон кадса,	Я оставляю тебе улицу (где играли),
Налке ульцям мон макса,	Улицу я тебе отдам,
Мондень мейле тон лиссть мирдинень,	После меня ты выходи замуж,
Иля аште тон куватьс (Пр. № 49).	Не сиди ты долго;

— обращение к родителям (отцу, матери, крестным) с просьбой благословить ее «в чужие люди»:

Ох, тетинем, авинем,	Ох, папочка, мамочка,
Тынь монь баславамиська,	Вы меня благословите,
Тынь монень максуду накаске,	Вы мне дайте наказ,
Монень кудо чистэ лисема (Пр. № 38).	Мне из дома выходить;

Авакай, баславамака,	Мамочка, благослови-ка,
Чужой кудосонть эряма.	В чужом доме жить,
Авакай, баславамака,	Мамочка, благослови-ка,
Пильгень топодезь киштемга,	Хорошо плясать,
Авакай, баславамака,	Мамочка, благослови-ка,
Кедень юхадезь морамга,	Громко петь,
Ох, шкинякай, баславамака,	Ох, родная, благослови-ка,
Шумбраста-парсте эрямга (Пр. № 45).	Здорово, хорошо жить;

— обращение невесты к домашним духам-покровителям (просьба не сердиться за уход из дома, просьба благословить, не оставлять среди чужих людей):

Ах, юртонь кирде, а Юртава,	Ах, хранительница дома, Юртава,
Ох, кудонь Чипаз, а батюшка,	Ох, домашний бог, батюшка,
Тонетяк поклон ней теян…	И тебе поклон теперь делаю...
Ох, юртонь кирде, а Юртава…	Ох, дом держащая, Юртава…
А тонеть приказан, ох, наказан,	А тебе приказываю, ох, наказываю,
Покланюсь тонеть, а Юртава,	Поклонюсь тебе, Юртава,
Илямак кадо а юмамо…	Не оставляй меня пропадать…
Тондак баславамакай, Юртава (Пр. № 53).	И ты благослови-ка меня, Юртава;

— воспоминания о прежней жизни, прощание с «девичеством»:

У миня была, как барыни жизнь,	У меня была жизнь, как у барыни,
А теперь сучачей жизней пойду.	А теперь, сучьей жизнью пойду.
Касынь мон, честной душа,	Я выросла здесь, честная душа,
Да ней сучьем положении	А теперь в сучьем положении,
Честность ат миня уходит через високой лес.	Честность моя уходит через высокий лес,
Туи монь бояравакскчим…	Уходит мое барское девичество…
Ней туян незнакомоень… (Пр. № 69).	Ни в добро, ухожу в незнакомое…

Саинк бояравакссчим,	Возьмите мою барскую жизнь,
Саинк азоравакссчим,	Возьмите мою девичью жизнь,
Саинк монь честной чжим,	Возьмите мою честную жизнь,
Валски рана ней стямка,	Утром рано теперь вставать,
Чокшне поздна мадемка (Пр. № 68).	Вечером поздно ложиться;

— представление о чужой стороне, чужой семье (что бы ни сделала молодая в чужой семье — все плохо, тяжелая жизнь в чужой семье):

А якамс чужоень кедьса,	Ходить мне у чужих людей,
А ютамс весёласто,	Не пройдешь весело,
Бойка молят, мерить пек бойка,	Пройдешь быстро, скажут — лихая,
Састо молят, мерить тон нузякс (Пр. № 41, 43, 58).	Тихо пройдешь, скажут — ленивая...

В чужой дом пойду...	В чужой дом пойду…
Ни в возля капонгэ, туян незнакомоень,	Ни в добро, ухожу в незнакомое,
Честная моя девичая красивая жизнь,	Честная моя девичья красивая жизнь,
А щас молян оманс (Пр. № 69).	А сейчас наступает плохая жизнь;

— благодарность невесты своим родителям:

Ох, авакай, молян икелеть,	Ох, мамочка, подойду к тебе,
Сюконян мон кавто пильгезэть,	Поклонюсь я тебе в ноги,
Сюконян кавто кедезэть,	Поклонюсь твоим рукам,
Ох, тирень тетякай, молян малазот,	Ох, родной папочка, подойду поближе к тебе,
Сюконян мазый кедезэть.	Поклонюсь красивым рукам.
Пасиба тонь трямзут, ванумзут,	Спасибо, вырастил, выкормил,
Пасиба тонь просерядо андымик,	Спасибо, ты накормил просвирками,
Нармунь ловсодо симдимик (Пр. № 51).	Птичьим молоком напоил;

— отчуждение невесты от своего рода, невозможность возвращения:

Авай, авай, вечером к тебе,	Мама, мама, вечером к тебе,
Я не подойду к твоей двери,	Я не подойду к твоей двери,
Утром не приду к твоей двери,	Утром не приду к твоей двери,
Мамка, я ухожу ат тебя (Пр. № 62).	Мамка, я ухожу от тебя;

Ох, дугинем-сазорнэм,	Ох, сестра ты моя, сестренка,
Ох, молят тон ней лия семияв...	Ох, пойдешь ты теперь в другую семью…
Тонеть эряви тонадумс,	Тебе нужно научиться
Те семиясонть эрямс (Пр. № 39).	В этой семье жить.

В свадебных причитаниях, в отличие от похоронно-поминальных, появляются новые поэтические мотивы и образы, связанные со спецификой обрядовых действий. Так, к общим мотивам, семантика которых направлена на идею расставания с прежним миром, органично примыкают следующие мотивы: обращение к подруге с просьбой «расчесать головушку», «взять улицу», «занять ее место»; обращение к родителям, родственникам с просьбой не отдавать, не благословлять «в чужие люди», обращение к духам-покровителям и т. д.

Анализ текстов эрзянских причитаний позволяет констатировать наличие единого «фонда» поэтических средств, характерных как для похоронно-поминальных, так и для свадебных жанров, которые в то же время обладают собственными, специфическими чертами, связанными непосредственно с конкретной обрядовой ситуацией. Средства художественной выразительности — метафорические замены, гиперболы, сравнения, параллелизмы — в причитаниях не уступают своим разнообразием и во многом пересекаются с поэтическими приемами мордовских эпических песен. В связи с этим необходимо отметить, что в эрзянских текстах редко можно встретить такой поэтический прием, как параллелизм, который в большей степени свойственен песенной традиции мордвы-эрзи.

Членение строки и строфы в эрзянских причетных формах связано и соподчинено структурным закономерностям напева. Мелодическое развитие часто указывает на границы поэтической строки или строфы. Структура стиховой строки в эрзянской причетной поэтике выстраивается по-разному, что объясняется, с одной стороны, степенью мастерства исполнительниц, с другой — особыми композиционными приемами и принципами, свойственными эрзянской поэтике. Чем опытнее плакальщица, тем кристальнее выглядит стиховая строка, отличающаяся более или менее стабильным слоговым показателем. Местоположение акцента регулируется мелодической канвой. Однако необходимо отметить особые композиционные приемы, помогающие исполнительнице умело выстраивать тексты и способствующие «регулировке» поэтических строк в эрзянских причитаниях:

— количество слогов в строке регулируется за счет повторов, особых вставок-междометий, пропуска слов и т. д.;

— комбинаторика поэтических текстов причитаний основывается на выстраивании парной конструкции, основанной на синонимических повторах, либо повторах, складывающихся из замены эрзянских слов на аналогичные русские, что позволяет увеличивать пространственно-временные рамки фольклорного текста;

— для достижения внешнего эффекта однородного звучания эрзянского причета исполнительницы пользуются особой формой аллитерации, возникающей благодаря изменению корневой структуры некоторых слов. Эти изменения касаются, главным образом, гласных фонем, что приводит к определенным изменениям эрзянского языка.

Эрзянские поэтические тексты похоронно-поминальных и свадебных причитаний в основе имеют тонический двухакцентный стих, который может расширяться до трехакцентного. Такого рода стих обычно делится на два сегмента: анакрузу (начальный сегмент), отличающейся мобильностью, и клаузулу (заключительный сегмент), характеризующейся стабильностью. Это структурное свойство отличает причетную культуру мордвы-эрзи в целом и позволяет говорить о ее едином стиле. Более консервативная форма эрзянской поэтической строки представляет собой цезурированный семи- или восьмисложник, который делится на два неравных полустишия — 4+3, 5+3:

Авай, рана тон ней туить,	Мама, рано ты теперь ушла,
Авай, рана ней тон явить.	Мама, рано теперь ты отделилась.
Авань седеесь — вай поколь…	Мамино сердце — кусочек масла…
Пасиба, авай, пасиба… (Пр. № 15).	Спасибо, мама, спасибо…

Расширение происходит в области первого полустишия, которое может насчитывать до десяти слогов, в связи с этим увеличивается вся стиховая строка до 12 — 13 слогов:

Саик монь ней уш пазаванть,	Возьми у меня икону,
Саик монь ней уш спасительской ликензо,	Возьми у меня спасительский лик,
Саик монь благословениям,	Возьми мое благословение,
Инязорской сёрманзо (Пр. № 65).	Царское письмо.

При увеличении слогового объема строки и появлении дополнительных акцентов, фразовые ударения теряют стабильность в кадансовой зоне, и начальный стиховой акцент становится более

четким. Следовательно, стабильным показателем в стиховой строке надо считать начальный акцент, а мобильным — конечный.

В процессе стихосложения причетных текстов ярко выражено импровизационное начало, отчего причетная форма иногда приобретает черты вольного пересказа текста, оформленного в рамках типологически устойчивого напева.

Синтаксическое членение эрзянских причетных текстов на строки и строфы координируется музыкальным развитием, и от продолжительности заключительного каданса зависит как слоговой показатель в строке, так и количество строк в строфе. Процесс кадансирования в напеве регулируется содержательностью и смысловой наполненностью текста. Чаще встречается сплошное, сквозное развитие.

Для поэтики эрзянских причитаний прошлых столетий характерными чертами являлись повествовательность, развернутость сюжета, наличие типичных для эпоса художественных приемов. Механизм сложения причетных текстов, использование поэтических мотивов, определенных словесных оборотов свидетельствуют о том, что изучаемая традиция является составной частью общемордовской вербальной культуры.

В эрзянских причитаниях сюжетная канва выстраивается из типичных формульных оборотов, чередующихся с индивидуализированным повествованием, которое иногда не вписывается в стиховую структуру канонического текста, сбивает его ритм. Поэтические тексты эрзянских причитаний можно разделить на две группы: с крупно развернутыми и мало развернутыми поэтическими мотивами. Количество сюжетных мотивов в причитании насчитывается, как правило, не больше трех. Если сравнивать тексты, записанные в XIX — XX вв., с современными, то довольно отчетливо можно проследить эволюцию изменения масштабов причетных форм в сторону их сокращения.

Порядок выстраивания мотивов выглядит следующим образом: номинация «действующего лица», любой развивающийся сюжетный фрагмент и констатация настоящего эмоционального состояния героя (одиночество, горе, печаль и т. д.). Структура эрзянских поэтических текстов причитаний выстраивается из развития одного или двух сюжетных мотивов в развернутые фрагменты, иногда достигающие 120 поэтических строк. Такая масштабность текстов свидетельствует о глубинных мифологических и эпических связях причетной традиции мордвы-эрзи. В них можно проследить характерную последовательность как

относительно завершенных сюжетных фрагментов с ассоциативными связями (связь может отсутствовать), так и целостную сюжетную линию.

Поэтические тексты причитаний, записанные М. Е. Евсевьевым, А. А. Шахматовым, Л. С. Кавтаськиным, М. И. Чувашевым, указывали на то, что в прошлом фиксировались масштабные, монументально развернутые по времени формы. Сейчас мы встречаемся с отдельными фрагментами и осколками от былого величия, однако образный строй и средства художественной выразительности остались устойчивыми. М. Е. Евсевьев еще в 1930-е гг. заметил тенденцию к сокращению поэтических текстов и упрощению обрядовых действий: «С тех пор многое в жизни мордовского народа изменилось, изменилась и мордовская свадьба: ее обряды и причитания упрощены и сокращены до минимума, а местами и совсем оставлены»[41]. При этом он считал, что художественно-образная система, отразившаяся в причетной поэтике, не потеряла своего уникального и неповторимого колорита.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Чувашев М. И.** Мордовские (эрзянские) причитания // Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977. С. 353 — 384.

[2] См.: **Чувашев М. И., Касьянова И. А.** Мордовские (эрзянские) причитания. М., 1979. С. 8.

[3] См.: **Гнатюк Д. Н.** О ладомелодических особенностях свадебных причитаний мордвы-эрзи Присурья // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях : сб. науч. тр. Ижевск, 2002. С. 198 — 210.

[4] См.: **Бояркина Л. Б.** Мордовское народное музыкальное творчество : метод. рекомендации. Саранск, 1988. С. 13.

[5] **Толстая С. М.** Обрядовое голошение: лексика и семантика // Голос и ритуал. М., 1995. С. 60.

[6] Там же.

[7] См.: **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. М., 1931. С. 19 — 21.

[8] Там же. С. 36.

[9] Там же. С. 27.

[10] См.: **Конкка У. С.** Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 16.

[11] См.: **Евсевьев М. Е.** Указ. соч. С. 25.

[12] **Кузнецова В. П.** Причитания в северо-русском свадебном обряде. Петрозаводск, 1993. С. 15.

[13] **Барсов Е. В.** Погребальные обычаи на севере России // Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872. Т. 1.

[14] **Конкка У. С.** Указ. соч. С. 5.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 16.

[17] Там же.

[18] **Евсевьев М. Е.** Указ. соч. С. 31 — 32.

[19] См.: **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 16 — 17.

[20] **Евсевьев М. Е.** Указ. соч. С. 119.

[21] Там же. С. 27 — 28.

[22] **Мельников П. И.** (**Андрей Печерский**). Полн. собр. соч. : в 8 т. СПб., 1909. Т. 7. С. 439 — 440 ; **Фроянов И. Я.** О языческих «переживаниях» в Вернем Поволжье второй половины XI в. // Русский Север : Проблемы этнокультур. истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 35.

[23] **Фроянов И. Я.** Указ. соч. С. 36.

[24] См.: **Белицер В. Н.** Народная одежда мордвы // Тр. Моск. этногр. эксп. М., 1973. Вып. 3 ; т. 101. С. 13 — 14.

[25] **Евсевьев М. Е.** Указ. соч. С. 32.

[26] Там же. С. 35.

[27] Там же. С. 32 — 33.

[28] Там же. С. 108 — 110.

[29] См.: **Конкка У. С.** Указ. соч. С. 12.

[30] См.: **Маскаев А. И.** Указ. соч. С. 387.

[31] Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen. Helsinki, 1947. Bd. 4. S. 5.

[32] **Евсевьев М. Е.** Указ. соч. С. 5.

[33] Там же. С. 315.

[34] Там же. С. 309.

[35] См.: **Маскаев А. И.** Указ. соч. С. 393 — 394.

[36] Там же. С. 399.

[37] Там же. С. 403.

[38] **Плесовский Ф. В.** Свадьба народов коми (обряды и причитания). Сыктывкар, 1968. С. 285 — 288.

[39] См.: **Евсевьев М. Е.** Указ. соч. С. 108, 260 — 261, 275.

[40] **Путилов Б. Н.** Фольклор и народная культура. СПб., 2003. С. 180.

[41] **Евсевьев М. Е.** Указ. соч. С. 13.

Глава 2. ПРИНЦИПЫ МЕЛОДИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ТИПОЛОГИЯ НАПЕВОВ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ И СВАДЕБНЫХ ПРИЧИТАНИЙ МОРДВЫ-ЭРЗИ

2.1. Композиционные формы причитаний

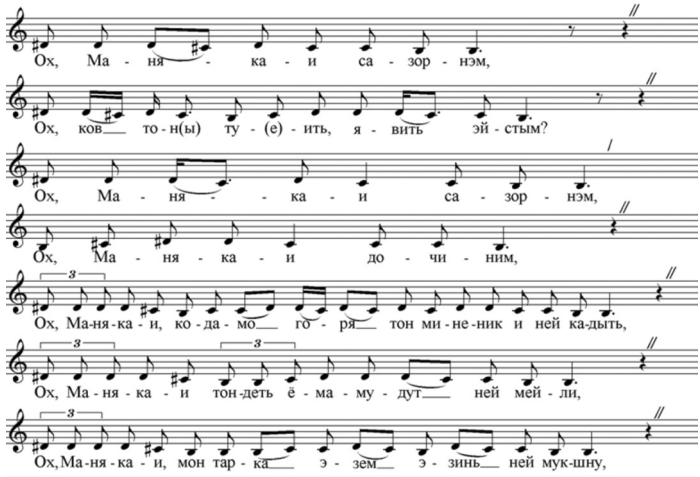
Композиция напевов эрзянских причитаний основана на музыкальной идее, выраженной в оппозиционности опорных тонов и воплощенной в кратком мотиве-формуле, закрепленным многократным его повторением. Речь идет о «типизации структуры под воздействием общественной функции и содержания»[1]. На протяжении многих веков в таких мотивах-формулах происходил отбор и концентрация оптимальных мелодических средств, наиболее точно отражающих функциональное назначение причитания. Этому во многом способствовала приуроченность причета к известным обстоятельствам: свадьба, похороны, поминальные и праздничные дни, а также события, связанные с календарным циклом. Эмоции, вызванные этими событиями, в свою очередь, диктовали необходимый выбор выразительных средств, из которых складывались напев, особенности интонирования, словесные формулы, жесты, осмысленные впоследствии как знаковые явления.

В условиях, когда песенная традиция функционирует в рамках одного определенного локуса, в постоянном соседстве с иноэтнической средой, возникает потребность консолидации всех средств художественной выразительности на уровне одного жанра. По словам Б. Б. Ефименковой, «важнейшей традицией в плаче является традиция напева. В живой практике каждый локальный песенный стиль, если он не подвергся значительным влияниям или разрушению, имеет всего одну-две типовые причетные мелодии, с которыми поются разнообразные <…> тексты <…>. Именно структура держит напев, способствует его превращению в стойкую и емкую мелодическую формулу»[2]. Сила воздействия причета объясняется неизменяемостью напева, основанного на естественном отборе в мелосе и ритме.

В развитии мелодических форм эрзянских причитаний учитываются два фактора: количество слогов в поэтической строке и певческое дыхание. Мелодии причетов никогда отдельно не

напеваются, ибо для носителей традиции слова и напев принципиально неразделимы, без слов они лишены выразительности, становятся интонационно безликими.

Большое соотношение поэтических строк причитаний мордвы-эрзи регулируется напевом. Именно в свободном подборе слов и количестве слогов в мелодической строке реализуется импровизация, иногда неожиданная и непредсказуемая. Протяженность мелодической строки задается певческим дыханием — кратким, средним и длительным. Количество слогов в поэтической строке колеблется от минимального числа (6 — 7 слогов; несколько слов короткого дыхания) до максимального числа (13 — 15 слогов; слова развернутого предложения в пределах длительного дыхания). Рассмотрим количество слогов, слагающих певческие строки похоронного причета «По сестре» (Пр. № 8 — 9, 14 — 15, 18):



Главной ритмической единицей, заполняющей большую часть пространства звучащих мелострок эрзянских причитаний, является одна восьмая (♪) длительность; одной из крупных — четвертная (♩) длительность. Эти две длительности играют важную роль в образовании ритмических групп. Появление шестнадцатых (𝅘𝅥𝅯) длительностей — результат дробления восьмых за счет увеличения количества слогов в поэтической строке. Увеличение длительностей возникает на стыке строк.

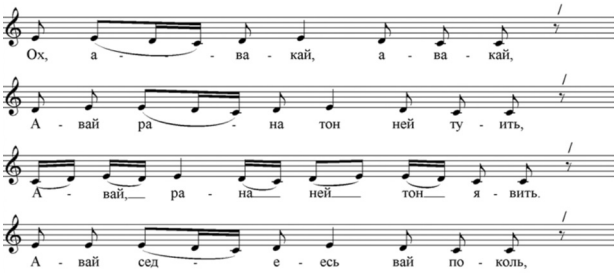
В причитаниях мордвы-эрзи наблюдается силлабический напев, когда каждому слогу соответствует один звук. В нотной записи такое сочетание слога с фиксированным звуком называется

термином «слогонота»*. Именно последовательности слогонот составляют большую часть мелодических строк. Это определяет базисную мелодическую характеристику эрзянских причитаний. Микрораспевы в музыкальной строке не влияют на общую картину напева.

Главные компоненты причетных жанров — поэтические тексты и мелодические формы — существуют обособленно. Однако мелодическая функция причетных композиций не является приоритетной. Она, возможно, не существует вне поэтического слова, и тогда мелодические контуры появляются лишь в момент возникновения в сознании исполнителя вербальной конкретики. Нам никогда не приходилось слышать, чтобы народные певицы исполняли мелодию причета отдельно, без поэтических слов.

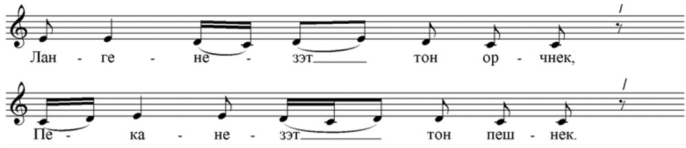
Поскольку существуют нотации эрзянских причитаний, в которых жестко зафиксированы поэтические тексты и мелодические формы, нет каких-либо ограничений в определении их связей. Иногда трудно определить порядок чередования кратких и долгих длительностей, хотя мы знаем, что звуки, на которые попадают гласные слоги, в продолжительности звучания имеют приоритет. Изучая целостные нотации причетов, можно заметить, что такое чередование не выдерживается в каждой мелострoке, а если не закрепляется повторность, то трудно говорить и о закономерности.

Характерной чертой ритмического рисунка эрзянских причитаний исследуемого региона является употребление более долгих звуков, не связанных с местоположением вербальных акцентов, в результате чего возникает синкопа. Это можно проследить, например, в поминальном причитании «Ох, мамочка, мамочка» (Пр. № 15):



* Термин А. В. Рудневой.

далее:



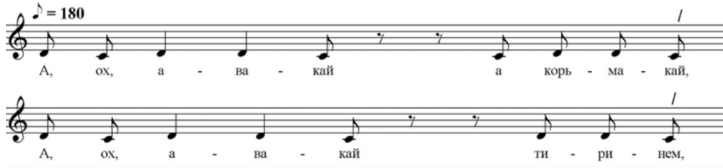
Следовательно, музыкальная форма причитаний мордвы-эрзи ограничивается рамками мелодической строки. В ее инициальной разновидности устанавливаются главные мелодические параметры — ладовая структура, общее количество ступеней, направленность движения звуков, ритмические группировки, зачинные и кадансовые зоны. Целостная композиция причитания представляет собой суммарную последовательность мелодических строк, что позволяет говорить о двух их разновидностях:

— причитания со строго повторяющейся мелострокой;

— причитания с вариантно повторяющимися мелостроками, в которых происходят различные изменения параметров в таких пределах, чтобы варьированные мелостроки узнавались, интонационная связь их с инициальной мелострокой не прерывалась и целостная звуковая картина музыкального произведения оставалась однородной.

Необходимо отметить, что мелодическая материя причитаний никогда не оказывается контрастной, т. е. последующие мелостроки никогда не сопоставляются, но они могут «вытекать» друг из друга. В данном случае можно прибегнуть к такому термину, как «сквозное развитие». Однако этот термин в полной мере не отражает сущности музыкального развития причетных форм, поскольку он связан с цепью разнородного материала. Поэтому говорить о принципах мелодического развития музыкальных форм причитаний мордвы-эрзи целесообразней с учетом понятия «мелостроки вариантной повторности», а не «мелостроки сквозного развития».

Поэтические тексты причитаний со строго повторяющимися мелостроками обладают изометрическими структурами, которые силлабически распеваются (Пр. № 46):



Поэтическая структура инициальной строки — 5 + 4, последующих строк — 5 + 3, 5 + 3, 5 + 3, 5 + 3. Слоговые группы разграничиваются цезурой из двух восьмых.

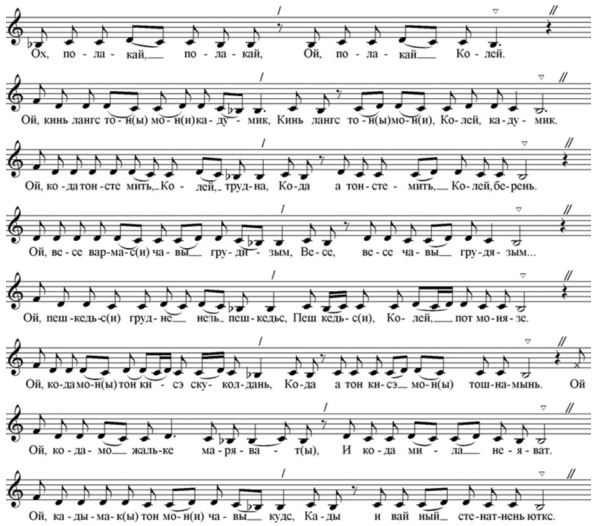
В подобных причитаниях в наибольшей степени выделяется композиционная модель, близкая к песенной структуре, в которой система взаимосвязей проявляется на нескольких уровнях:

— возникновение глубокой серединной цезуры за счет паузы или музыкального мотива-связки;

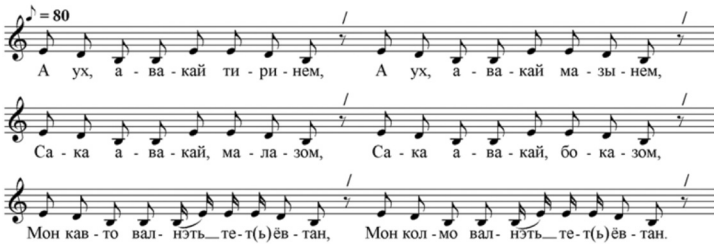
— соотношение кадансов на расстоянии;

— фразовые повторы;

— звуковысотное соотношение тонов начальных попевок каждой из мелодических фраз (Пр. № 30):

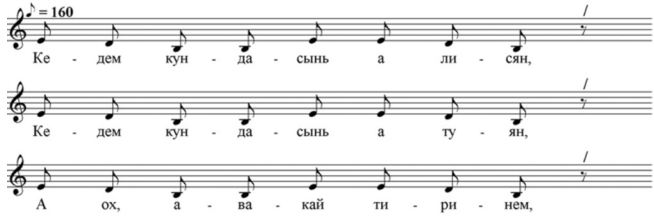


Следующий свадебный причет обладает другой слоговой разбивкой поэтических строк: 4 + 4, 4 + 4, 4 + 4, 4 + 4, 4 + 5, 4 + 5 (Пр. № 48):

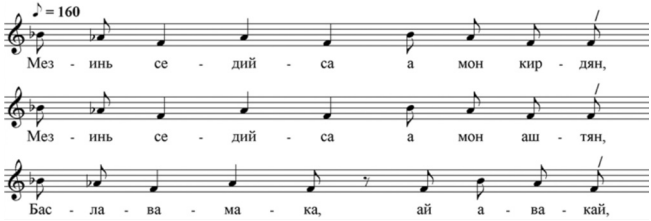


В первых четырех строках силлабический принцип распева строго выдерживается, а в паре заключительных мелострок происходит раздробление восьмых длительностей. Это связано с тем, чтобы не выйти за масштабные рамки, и группу из пяти слогов уместить по времени в 4-слоговую группировку.

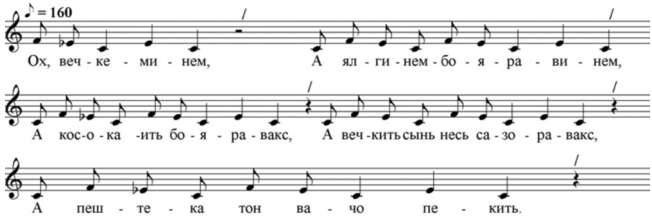
Довольно строгий распев стихов (4 + 4) наблюдаем в следующем свадебном причитании (Пр. № 50):



Редкую структуру слоговых групп (5 + 4) наблюдаем в причитании невесты «А какое сердце я держу» (Пр. № 53):

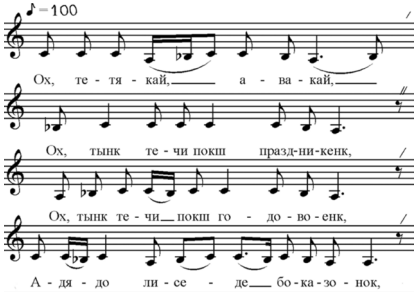


Подобный образец демонстрирует стабильные ритмо-композиционные характеристики напева (Пр. № 40):

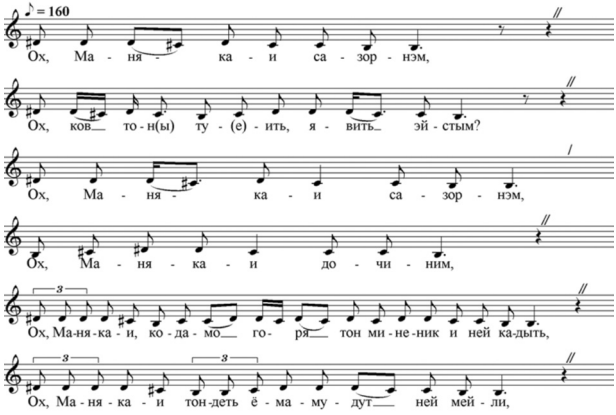


В приведенных свадебных причитаниях выделяются характерные для эрзянской причетной традиции маркированные остановки-паузы в конце музыкально-поэтической строки, создающие особое напряжение в музыкальном синтаксисе. Эти паузы не связаны с дыханием исполнительниц, они выполняют роль структурообразующего ядра в напеве, которые не разделяют, а еще больше скрепляют мелос причета.

Причитания мордвы-эрзи с вариантно повторяющимися мелостроками распространены в певческой традиции очень широко. В поминальном причете по свекрови зачины мелострок начинаются с различных ступеней звукоряда (Пр. № 3):



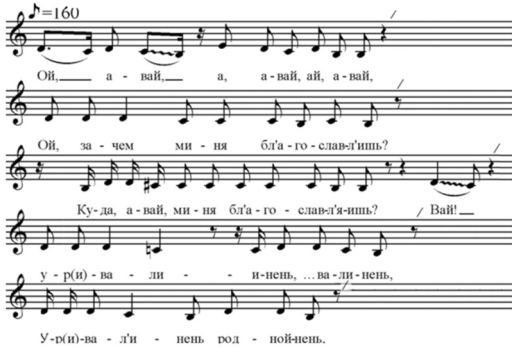
В похоронном причете по сестре «Ох, Машенька-сестренка» можно наблюдать, как варьируются мелостроки за счет различного количества слогов, и, следовательно, различной длительности звучания. Так, пятая мелострока превосходит первую (инициальную) в 2 раза (Пр. № 8):



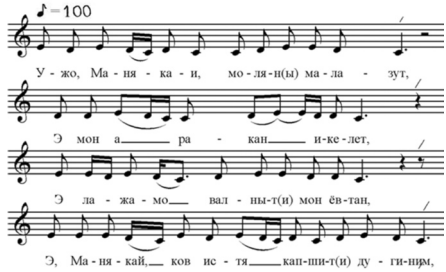
По такому же принципу варьируются мелостроки в причитаниях № 25, 31, 45, 60. Самый распространенный способ варьирования мелострок причитаний мордвы-эрзи заключается в перестановках звуков внутри диапазонных рамок последующих мелострок. Здесь возможности безграничные, хотя количество ступеней в их звукорядах обычно не превышает 3 или 4. Подобный процесс мелодического развития происходит практически в каждом причитании, за исключением выше приведенных с ме-

лостроками строгой повторности, и поэтому нет необходимости в демонстрации данной разновидности причитаний. Следует отметить, что вариантным процессам более подвержены срединные размеры мелострок, более или менее строгими в этом смысле являются зачинные, или начальные разделы. Самыми строгими, не поддающимися вариантным изменениям, остаются кадансовые зоны.

Музыкальную форму свадебного причитания «Ой, мама, мама, мама» (Пр. № 59) следует считать сквозной. Несмотря на узкое звуковысотное пространство в диапазоне терции, в нем происходят интенсивные процессы интонационного развития, связанные с перестановкой звуков, изменением ритмики, дроблением длительностей, введением хроматической дублировки II ступени (c^1-cis^1), колорированием с помощью нисходящего интонационного скольжения.



Следует выделить музыкальные формы причитаний с так называемыми усредненными характеристиками, когда мелостроки воспроизводятся не точно, но слегка варьируются, когда структурные параметры колеблются в незначительных пределах. Примером может служить похоронный причет по сестре «Подожди, Машенька, подойду к тебе поближе» (Пр. № 7):

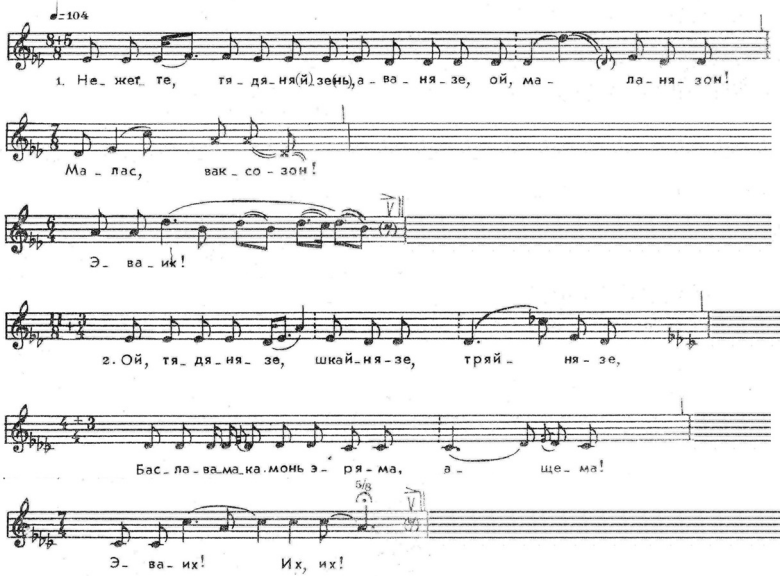


Здесь отчетливо заметны звуковысотные и ритмические колебания, мелостроки абсолютно узнаваемы, находятся в рамках единого интонационного поля.

Теперь более подробно остановимся на отдельных деталях плачевых мелострок, имеющих формообразующее значение. Необходимо отметить, что во всех причетных формах окончания необычайно стабильны и имеют одноуровневую высоту, обычно на I ступени. Важно, что разноуровневых парных кадансов на IV — I или V — I ступенях, с помощью которых пара мелострок образует период, нами в эрзянской причетной традиции не обнаружено.

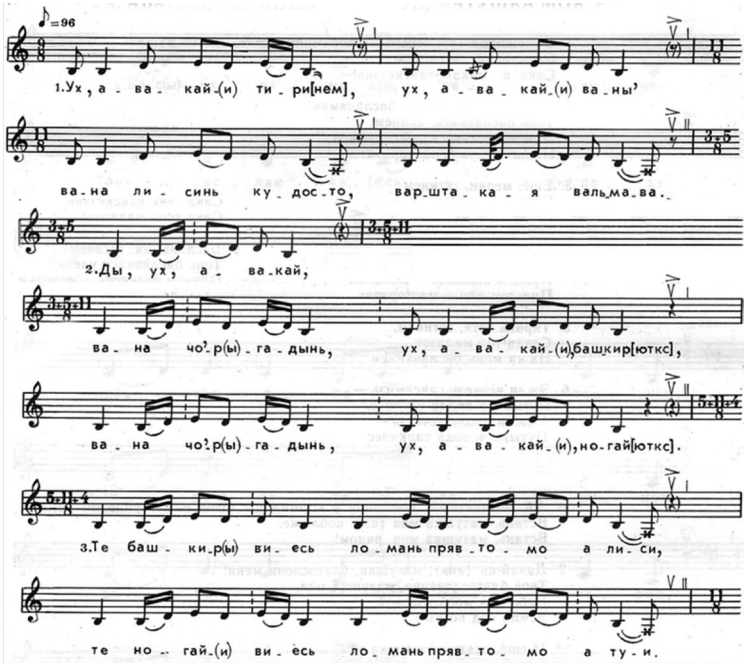
Таким образом, эрзянские причитания обладают стабильными жанровыми признаками, мелос весьма устойчив, практически не подвержен влиянию других жанров, например, песенных.

В большей части причитаний изучаемой традиции наблюдаются откристаллизовавшиеся формы кадансов в виде крупных длительностей, либо пары одинаковых по высоте и продолжительности звуков хореических прим*:



* Термин А. Должанского.

Появление октавного скачка в кадансе придает мелострoке яркий эмоциональный характер, возможно, связанный с рыданием. В эрзянском свадебном причете «Ух, матушка моя, родимая моя» наблюдаем такую форму каданса, где заключительный слог распевается на звук неопределенной высоты, «съезжающий» вниз на кварту:

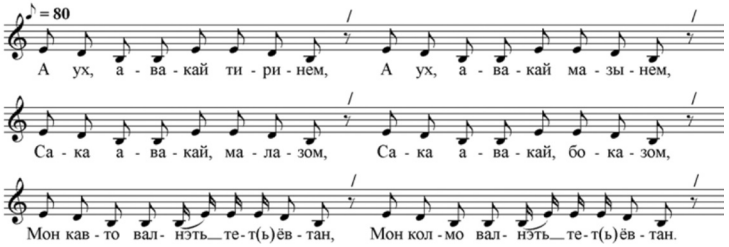


Мелодическое движение причетных форм обычно «горизонтальное», поскольку мелострокам с незначительным терцовым звуковым объемом трудно выдерживать восходящее, нисходящее или волнообразное движение. Вместе с тем продолжительные речитативные отрывки довольно редки. Они лишь небольшими «островками» вторгаются в мелодическую фактуру мелострок.

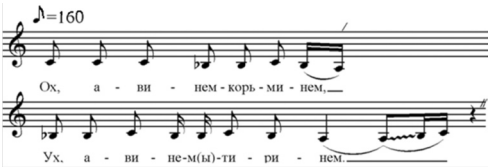
Таким образом, можно утверждать, что типичной композиционной формой причитаний мордвы-эрзи является мелодическая строка, которая уже в инициальном изложении целостно оформляется, хотя в последующих вариантных повторениях в нее могут интегрироваться некоторые интонационные детали —

агогические, темповые, расширения (сужения) масштабов, связанных с просодией изменчивого поэтического текста.

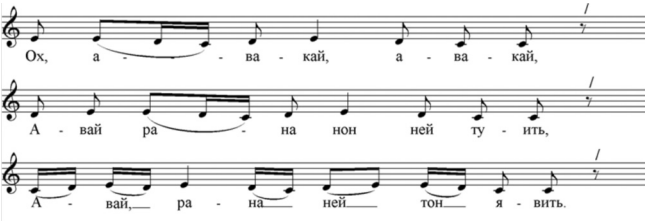
Расширение мелостроки способствует образованию тирады за счет увеличения слогов в строке, которые приводят к возникновению новых полустихов, и, соответственно, к образованию дополнительных мелодических ячеек в мелостроке. Иногда при расширении поэтической строки общий контур напева и его музыкальное время все же сохраняются благодаря дроблению ритмической пульсации, из-за чего слоги произносятся в два раза быстрее (Пр. № 48):



В целом похоронно-поминальным причитаниям свойственен тонический двух- или трехакцентный стих, который четко членится на два (и более) сегмента, отличающихся мобильными (инициальные сегменты) и стабильными (клаузульные сегменты) характеристиками (Пр. № 25):



(Пр. № 15):



Расширение обычно происходит в области начального полустишия, оно может достигать десяти слогов. В связи с этим вся стиховая строка увеличивается до тринадцати слогов. Расшире-

ние стиха приводит к образованию дополнительного стихового акцента, который реализуется двумя способами: с помощью репетиции одного звука или за счет дополнительных звуков в рамке терцовой ячейки.

В целом музыкальная форма эрзянских причитаний складывается из определенного количества мелострок, объединенных на основании принципа нанизывания цепочек неконтрастных мелодических построений, вытекающих один из другого. Общая протяженность причетной формы задается объемом поэтического текста, его сюжетом.

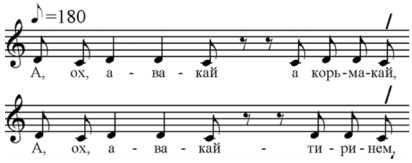
2.2. Ладоинтонационная природа и ритмика причетного мелоса

Интонационные свойства причетных мелодических форм в значительной степени зависят от ладовых и ритмических структур.

Ладовые свойства причитаний мордвы-эрзи отличаются малым числом ступеней звукоряда.

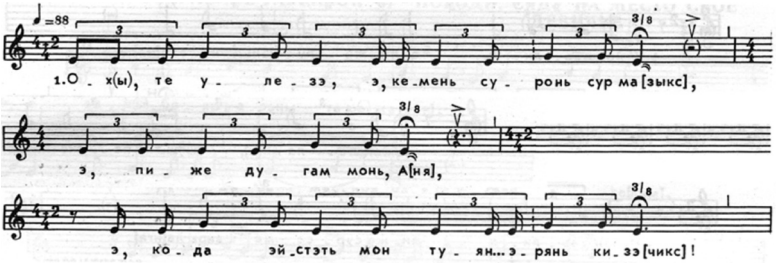
Ладовые структуры эрзянских причитаний с учетом соответствующих показателей для лаконичности записей сводятся в формулу такого вида: 3 х 3 (1—1), где первая цифра обозначает количество ступеней в звукоряде (трихорд — 3, тетрахорд — 4, пентахорд — 5 и т. д.), вторая — объем звукоряда (секунда — 2, терция — 3, кварта — 4, квинта — 5 и т. д.), цифры в скобках — интервалы между ступенями (½ — полтона, 1 — один тон, 1½ — полтора тона).

В нашей коллекции записей имеются два свадебных причета, интонируемых на двух звуках. В первом звуки находятся в секундовой связи, согласно формуле 2 х 2 (1) (Пр. № 46):



Здесь звуки c^1 и d^1 занимают разные края мелостроки — зачинный и заключительный. Отметим цезуру из двух восьмых, разделяющую мелостроку, отчего образуется зона каданса.

Второе свадебное причитание «Это кольцо пусть пальцы твои украшает»[3] распевается на два звука, разнесенных на терцию по формуле 2 х 3 (1½):

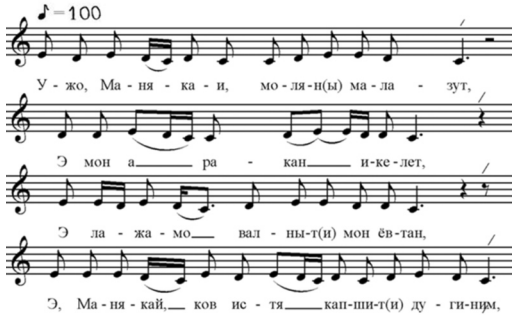


В данном причитании чаще появляется нижний тонический тон e[1]. Характерно, что в кадансе звучат оба тона, отчего терцовая интонация просветляется.

Приведенные формы свадебных причитаний можно охарактеризовать как речитативную декламацию, основанную на двух тонах в большесекундовом и малотерцовом соотношении. Речетация представляет собой простое ладовое образование — тон и его звуковысотное оппозиционное противопоставление, необходимое для создания элементарного импульса к музыкальному движению. Подобные ладовые образования можно обнаружить во многих архаических напевах раннего историко-культурного слоя. С. Н. Кондратьева, описывая простые фольклорные произведения, пришла к следующему выводу: «Тоникальность этой ладовой системы выражена в одном звуке, а звукоряд сводится к одному главному тону (или колебанию двух тонов, оспаривающих попеременно функцию устоя) и одного-двух его антиподов. В то же время здесь уже найден исходный момент ладовости как звукового выражения принципа внутреннего противоречия, так как в момент отхождения от устоя тоникальность колеблется, она подвергается сомнению или в какой-то мере даже опровергается: перестать звучать в этой системе плоского, натурального мышления уже означает перестать существовать, а если выдвигается новый тон, то это уже как бы новый претендент на тоникальность»[4].

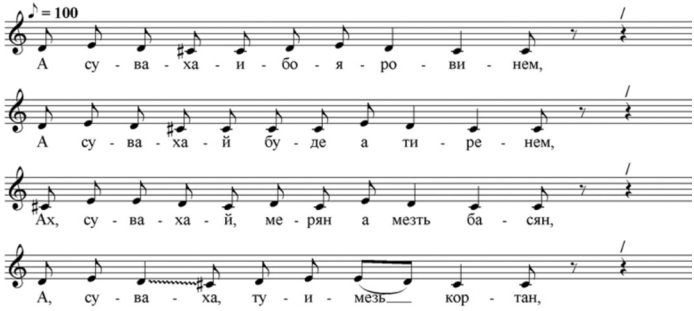
В причетной традиции мордвы-эрзи широкое распространение получили трихордовые ладовые структуры в объеме терции. Можно сказать, что именно такая ладовая разновидность характеризует интонационное содержание эрзянского причетного жанра. Большая часть нашей коллекции эрзянских причитаний имеет звукоряды заполненной терции (Пр. № 1, 7 — 8, 10, 14 — 15, 17 — 18, 23, 28, 31, 35, 39, 39а, 40, 48).

Рассмотрим причитания с трихордовыми звукорядами в объеме большой терции — формула 3 х 3 (1—1) (Пр. № 7):



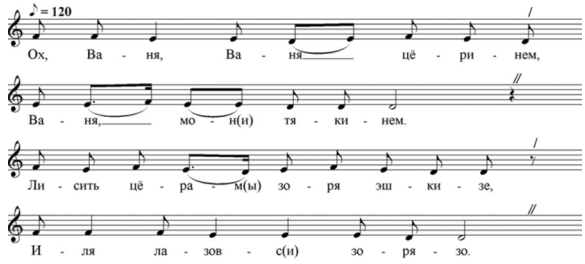
Данный похоронный причет обладает разномасштабными мелостроками и стойкой манерой интонирования близлежащих секундовых интервалов. Равноценную структурную формулу имеют эрзянские причитания № 10, 15, 18, 35.

Разновидностью рассмотренного причета является поминальный причет на Троицу «Ах, сваха-боярыня» (Пр. № 14):



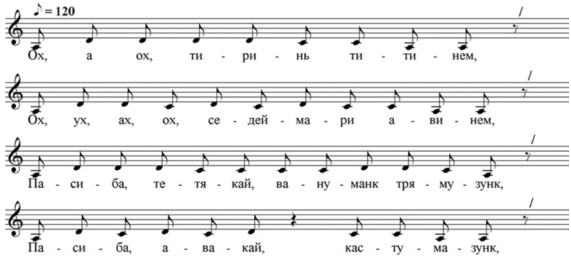
В мелодическом терцовом контуре этого причета средний звук отстает от нижнего на ½ тона, отчего его интонация обретает фригийский оттенок. Ладовая структура соответствует формуле 3 х 3 (½—1). Подобные причеты имеются в нашей коллекции: № 3, 25, 60.

Причет по сыну «Ох, Ваня, Ваня, сыночек мой» (Пр. № 23) от предыдущего примера отличается следующим моментом: полутоновый ход оказался задействованным между верхней парой звуков e^1—f^1:

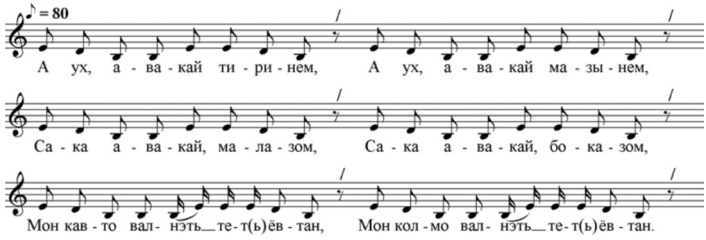


Данная ладовая структура сформировалась согласно формуле 3 х 3 (1—½). Такого рода данные зафиксированы в причетах № 24, 28, 31.

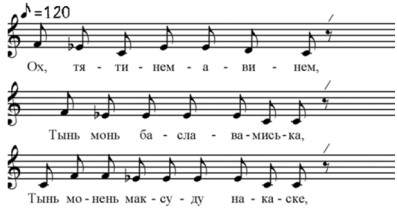
Мелодическое движение трихордовых причетных форм заключено в объеме кварты. Ярким примером является свадебный причет «Ох, папочка, папочка» (Пр. № 39а):



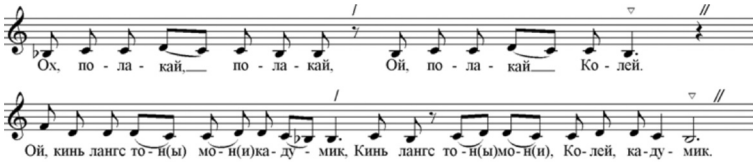
Ладоинтонационное содержание этого причета обобщается в формуле 3 х 4 (1½—1). В свадебных причитаниях выделяются секундовые и квартовые ладовые образования. Им свойственен речитативно-декламационный тип интонирования и нисходящие мелодические обороты. Как правило, формульный напев здесь доминирует над текстом, который подчиняется напеву (если текст не вмещается в напев, его произносят скороговоркой за счет ритмического дробления длительностей), увеличивается значимость пауз, выдерживается единое музыкальное время (Пр. № 48):



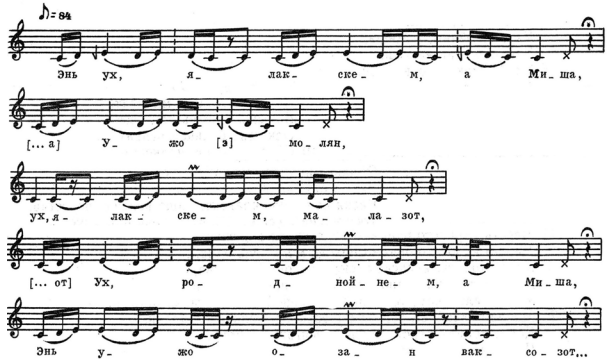
К тетрахордовой разновидности в диапазоне кварты относится следующий свадебный причет (Пр. № 38):



Ладовая структура этого причета сформировалась согласно формуле 4 х 4 (1—½—1). Ладовые тетрахордовые структуры в кварто-квинтовой рамке в эрзянской причетной традиции встречаются редко. У нас имеются лишь два соответствующих примера. Первый (похоронно-поминальный причет «Ох, муженек, муженек»; Пр. № 30) обладает ладоинтонационной формулой 3 х 5 (1—1—1½):



Ладоинтонационная формула следующего свадебного причета «Батюшка, батюшка» (Пр. № 55) отличается от предыдущего перемещением полуторатонового интервала вниз: 4 х 5 (1½—1—1). Подобные ладоинтонационные формы причитаний можно найти в сборнике М. И. Чувашева и И. А. Касьяновой[5]. Э. Алексеев отмечал, что в основе таких эрзянских причетов лежит терцовая попевка[6], разрастающаяся до четырех-пятизвучного квинтового комплекса:



Целостная ладоинтонационная картина нашей коллекции представлена в следующей таблице:

Таблица

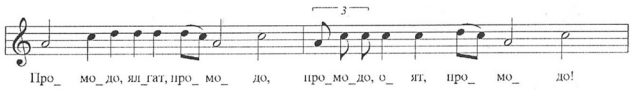
Частотность употребления ладоинтонационных причетных структур

Ладовая формула причета	№ нотного приложения
2 x 2 (1)	46
2 x 3 (1½)	92
3 x 3 (1—1)	1, 7 — 8, 10, 14 — 15, 17 — 18, 23, 28, 31, 35, 39 — 40, 48
3 x 3 (½—1)	3, 25, 60
3 x 3 (1—½)	24, 28, 31
3 x 4 (1½—1)	39а, 40, 48, 49, 50, 53
4 x 4 (1—½—1)	38
4 x 5 (1—1—1½)	30
4 x 5(1½—1—1)	55

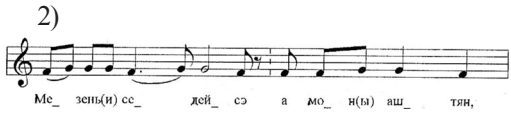
Как видно из таблицы, в эрзянской плачевой традиции преобладают трихордовые ладоинтонационные формы 3 x 3 (1—1), 3 x 4 (1—1½), 3 x 4 (1½—1); на втором месте — ладоинтонационные структуры 4 x 4. Если контекст данной таблицы с ладоинтонационными формулами рассмотреть в историческом ракурсе, то можно выявить, что бихордовые и трихордовые образования обладают значительной исторической глубиной, отсюда появились песнопения о событиях патриархально-племенной жизни. На наш взгляд, такого рода мелодические структуры в целостности сохранились именно в эрзянских причетных формах, представляющих нижнее эволюционное звено музыкального развития.

Д. Н. Гнатюк приводит несколько напевов, типология которых основана на ладовой структуре с основой на терцовой ладовой ячейке; квартовый ангемитонный трихорд с малой терцией у его основания; квинтовый ангемитонный тетрахорд, синтезированный из двух первых. В последнем типе напева автор ссылается не на собственно мордовские причеты, а на песенный репертуар эрзянской свадьбы, поэтому, возможно, он не совсем свойственен собственно плачевому ладоинтонационному строению эрзянских свадебных причетов Присурья[7]:

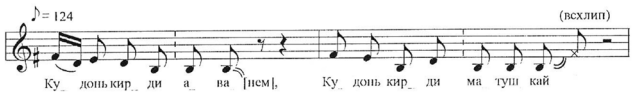
1)



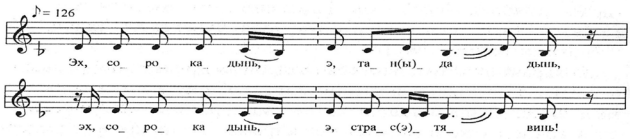
2)



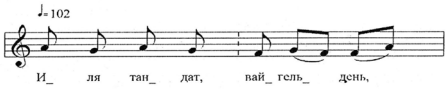
3)



4)

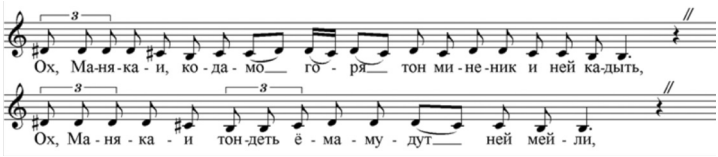


5)



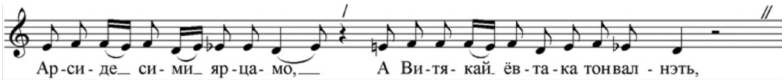
Частота повторяемости и сменяемость секундовых и терцовых мелодических ячеек наглядно отражает творческий процесс сложения причетного мелоса, в котором преобладают большесекундовые обороты, соединяющие терцовый и основной опорные тоны. Исходя из общих слуховых и акустических ощущений, звучание эрзянских причетов складывается вокруг терцовых интервалов, что позволяет говорить об интервале терции как о знаковом явлении. Известный венгерский этномузыколог Ласло Викар, обнаружив у удмуртов, проживавших на территории Марий Эл, трехвучные терцовые квантитативные напевы, пришел к выводу, что «трихордовые мелодии были аутентичными, точными, и, вероятно, очень архаичными музыкальными проявлениями небольшой удмуртской диаспоры, инстинктивно придерживающейся своих традиций. Это был так называемый подлинный финно-угорский реликт, очень редкий в нашей практике»[8].

Большинство похоронно-поминальных и рекрутских причитаний составляет мелодически заполненная малотерцовая или большетерцовая ячейка (Пр. № 8):



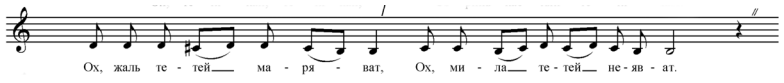
Некоторым мелодическим образцам эрзянских причетов свойственно явление ладового перекрашивания верхнего терцового тона — «мерцание». Этномузыколог И. А. Касьянова определяет стиль похоронных эрзянских причетов на территории Заволжья как импровизационный, позволяющий «в пределах одной мелодической формулы варьирование не только напева, но и его ладового колорита»[9]. Д. Н. Гнатюк также отмечает «нестабильное положение верхнего тона» в эрзянских причетах и его «высотные модификации»[10] в терцовой ладовой системе.

Для эрзянских причетов характерным является не только «мерцание» терцового, но и понижение секундового тона, что придает напеву фригийский оттенок, связанный с тенденцией понижения музыкального строя причетов. Понижение оппозиционного тона создает еще большее тяготение к опорному звуку, усиливая его централизацию (Пр. № 1):

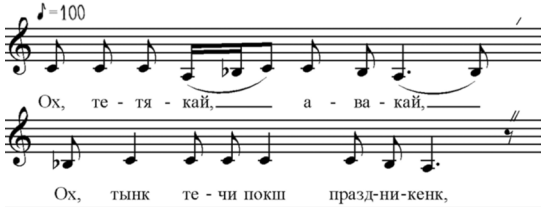


Ладовое строение рассматриваемых форм делает возможным вычленение композиционных единиц напева — мотивов, фраз, строк и строф. На всех уровнях структурообразования звуковысотное соотношение ладовых опор задействовано следующим образом:

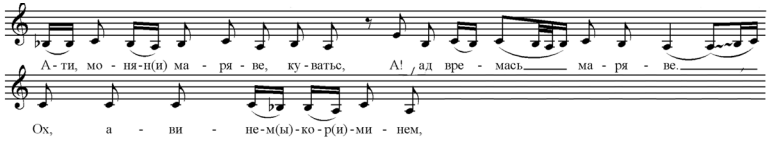
— на уровне мелодических мотивов и фраз — нисходящий мелодический оборот с верхнего опорного тона к нижнему или волнообразное движение от нижней опоры к верхней и возвращение назад (Пр. № 31):



— на уровне строк: а) возникновение мотивов-связок, соединяющих строки строфы и сглаживающих цезуру (Пр. № 3):



б) возникновение вопросно-ответной ладовой структуры между начальной и последующими строками, благодаря звуковысотному соотношению начальных тонов-импульсов на расстоянии: первая строка начинается чаще с терцового тона, вторая — с секундового или основного (Пр. № 25):



Эту характерную особенность в архаических мордовских жанрах отмечают многие исследователи. Вопросно-ответная структура возникает на всех уровнях образования музыкально-поэтического произведения. А. И. Маскаев отмечал: «Многие эрзянские, частично и мокшанские, эпические песни представляют собой двухчленное произведение, первая часть которого — вопрос, а вторая часть — основное содержание песни — пространный ответ на этот вопрос»[11].

В ладовом строении эрзянских причетов выделяются формообразующая роль попевки в объеме терции — большой, малой, нейтральной или «мерцающей» с фригийской окраской и свойство мелодической формульности причитаний.

Мелодическое развитие эрзянских причитаний (в особенности похоронно-поминальных и рекрутских) в целом можно охарактеризовать как волнообразное, кружащееся вокруг опорных тонов. Мотивное развитие складывается на основе секундовых образований, связано больше с речитацией. Такое мелодическое развитие свойственно больше эпической манере развертывания музыкальной мысли. На эпический тип мелодики причитаний указывают архаические принципы развития музыкальной ткани, основанные на минимальном использовании музыкальных средств выразительности. Данный тип мелодики связан с процессом запоминания длинных, пространственных, развернутых поэтических текстов, что требует хорошего знания и навыков складывания обрядового текста.

Интонационное свойство мелодики эрзянских причитаний раскрывает архаическую природу музыкально-поэтических форм, восходящих к древности. Акт исполнения причитаний можно рассматривать как специфический «звуковой ритуал». Интонация как звуковой код в обрядах отчуждения и перехода в иной статус выступает центральным элементом ритуала, выпол-

няющего функцию коммуникации, так как исполнение причитаний всегда подразумевает адресата.

Любое обрядовое действие представляет собой определенный временной период, границы которого закреплены в традиционном сознании. Реальное время, переходя в ритуальное, останавливается, активно заполняется обрядовыми формами, среди которых наиболее эффективными коммуникативными посредниками оказываются мелодические интонационно-ритмические коды, хорошо прочитывающиеся и узнаваемые общиной. В эрзянских обрядах отчуждения такими формами являются причитания, представляющие архаический пласт мордовского народного вокального творчества.

Исполнение эрзянских причитаний строго регламентировано и связано с обязательностью четкого звучания причитаний, потому что, как отмечал А. К. Байбурин, «звук является признаком жизни, а его отсутствие — указанием на близость смерти или на саму смерть»[12].

Исполнители музыкальную сторону и манеру исполнения разных видов причетов характеризуют следующим образом: «У лайшеме другой мотив, чем у урнема» (ПМА: Кузнецова П. П.); «По рекруту лайшема — матив как на похоронах» (ПМА: Лушкина Е. А.); «Адинаковый матив, хоть на паминальный, хоть на кладбище» (ПМА: Кирюшкина Е. И.). Исполнение похоронных причитаний часто принимало коллективную форму: «У меня мамка кагда умерла, у нас все вместе плакали, все хором: я вот себе, ана себе, када уж забирают из дома, после начинают. У нас ведь семь сестёр, все были, вот и все плакали, племянницы там эти всё, внучата, все вместе уж плакали, там народу многа ведь» (ПМА: Коткина М. Д.). Причитания на похоронах и во время поминальных дней практически не отличаются. Однако на похоронах причитания исполняются более эмоционально, экспрессивно.

Характерной чертой исполнения эрзянских похоронно-поминальных и свадебных причитаний является однорегистровое пение в среднем вокальном диапазоне. Примерный диапазон плачевого интонирования от *a* малой октавы до *f* первой октавы, хотя встречается интонирование в более низком певческом диапазоне. Темброво-тесситурные особенности причитаний мордвы-эрзи отличаются мягкостью подачи обрядового голоса, певучестью грудного звука. Эрзянские причитания больше тяготеют к лиро-эпическому высказыванию, чем к сильным эмоциональным всплескам и воплям, хотя их исполнение порой сопровождается рыданиями, и, как отмечал Ф. А. Рубцов,

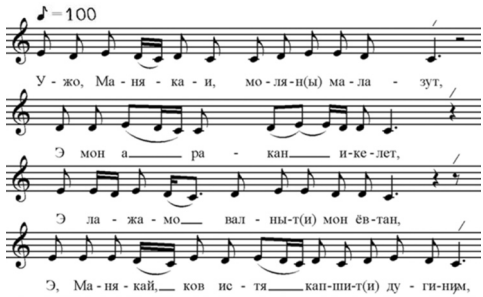
«в напевах причитаний интонации плача не воспроизводятся натуралистически, а претворяются в мелодии, обобщающие наиболее характерные черты этих интонаций»[13].

Сравнивая исполнительскую традицию мордвы-эрзи и русских, исследователи выделяют следующие особенности традиционного плачевого интонирования последних: «кричать» (вопить, выть), «плакать» (лёлёкать, оплакивать) и «петь» (напевать)[14]. Е. А. Дорохова отмечала: «Выделенность обрядового пения в сфере традиционного вокального музицирования восточных славян… не воспринимается носителями традиции как пение, что нашло выражение в терминологии, обозначающей процесс ритуального интонирования („кричать“, „гукать“, „ржать“, „рявкать“, „выть“, „вопить“ и др.). Каждый из терминов имеет свое семантическое поле и связан с большим кругом мифологических представлений»[15]. У карел, например, заклинание и причитание имеют одинаковое значение для обозначения причетов, которые отражают их семантическое содержание[16].

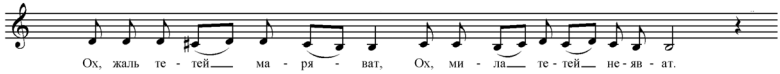
В традиционной культуре обрядовое интонирование отличается от обычного пения, связано с особой смысловой направленностью голоса. Это характерно для причетных форм интонирования, где нередко сочетаются признаки «речевого и музыкального интонирования в одном тексте. Иногда весь текст интонируется с неопределенной звуковысотностью»[17]. В связи с этим необходимо отметить особую культуру звука, задействованного в ритуальных актах человека традиционной культуры: «Звук — одно из коммуникативных средств, обладающее большей по сравнению с другими универсальностью. Зона действия звука, равная области его распространения, значительно обширнее, чем у коммуникативных средств, основанных на визуальном, осязательном и др. контактах»[18]. Особая роль звука в обрядовой практике может выполнять функцию «созидателя ритуального хронотипа»: «Он [звук. — *Л. Ш.*] одновременно создает и разрушает границу между „тем“ и „этим“ светом, защищает людей от потустороннего влияния, но и служит средством установления контакта, связи с обитателями иного мира <…>. Звук „очерчивает“ ритуальное пространство и структурирует, организует его»[19]. «Голос как природная функция человека служит приметой „этого“, земного, звучащего мира в противоположность „тому“, потустороннему миру, лишенному звуков и голосов»[20]. Звуковому акту приписывают первостепенное значение в обрядовой сфере, все остальные коды выступают как вспомогательные.

В широком смысле причетная сфера, связанная с эмоциональностью человека, отвечает таким формам, как крик, вопль, и сам причет включает подобные виды интонирования, однако в эрзянской причетной традиции этот спектр заметно сужен до сдержанного, напевного и во многом эпического характера исполнения. В большей степени это касается похоронно-поминальных причитаний, стилистика интонирования которых приближена, с одной стороны, к эпической манере, а с другой — к церковному исполнению псалма. Необходимо отметить, что среди мордвы-эрзи широко распространена традиция исполнения над покойным псалмов и духовных стихов, которые были заимствованы эрзей у русских, проживавших с мордвой. Они звучали как на русском, так и на эрзянском языках.

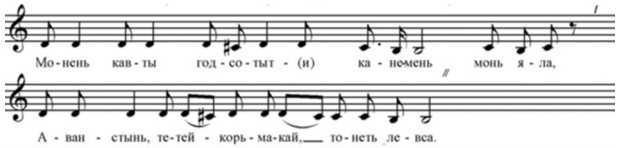
Манера исполнения эрзянских причитаний связана с эпическим интонированием причетных напевов, которым свойственен сказовый (повествовательный) стиль, определяемый силлабической природой распева. Количество музыкального времени, как правило, совпадает со слогочислительным показателем, благодаря силлабической структуре напева, в котором слог равен одной ноте. Иногда встречаются микровнутрислоговые распевы из двух, трех звуков. Они существенно не меняют общей картины силлабического распева. Наличие или отсутствие слогораспевов четко закреплено за определенными видами причитаний. Так, например, в свадебных причитаниях слогораспевов нет, а в похоронно-поминальных и рекрутских они встречаются, и музыкальное время в мелостроках последних увеличивается за счет долгих кадансирующих звуков, на которых происходит ритмическая остановка, связанная со смысловой завершенностью в поэтическом тексте. Таким образом, в причитаниях мордвы-эрзи, главным образом в похоронно-поминальных, распевы поэтических текстов эпические, интонируемые в спокойной, сказительской манере (Пр. № 15):



Интонирование эрзянских причитаний происходит в низком регистре. Возможно, это связано с тем, что носителями традиции являются пожилые люди. Однако, если сравнить диапазон звучания других жанров, записанных в разные годы от разных исполнителей, то становится очевидной общая тенденция выбора звучания мордовского музыкального фольклора в более низких регистрах. Н. Н. Гилярова обратила внимание на данный феномен у пензенской мордвы-мокши (территориально близкой к мордве-эрзе Присурья), которая, по словам их русских соседей, поет, «точно быки ревут». Кроме того, Н. Н. Гилярова на материале весенних хороводов сделала важные наблюдения по поводу изменения мордвой музыкальных форм хороводов, заимствованных у русских. Автор различает мордовские версии русских хороводов с тонической и силлабической организацией стиха, где в последних напевах появляется секундовый сдвиг при перекрытии цезуры* — «излюбленный в мордовских версиях прием»[21], который оказался характерным для структуры эрзянских причитаний (Пр. № 31):



и далее:



Таким образом, можно констатировать единство характерных структурообразующих элементов, свойственных многим мордовским музыкальным формам, восходящих к некоему общему корню.

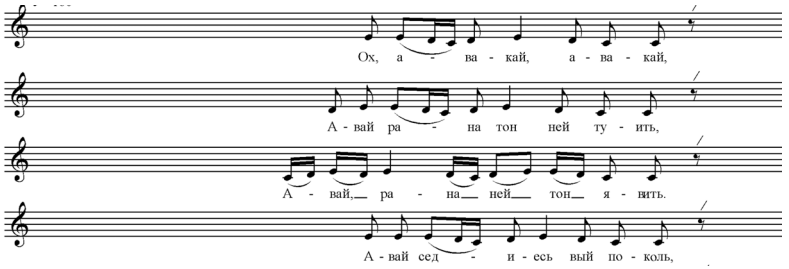
При увеличении слогового объема стиховой строки и появлении дополнительных акцентов, местоположение фразовых ударений меняется в кадансовой зоне, в то время как начальный стиховой акцент является наиболее стабильным компонентом в структуре стиха.

В процессе стихосложения поэтического текста ярко выражено импровизационное начало, в результате чего причетная форма в целом приобретает черты вольного пересказа, оформ-

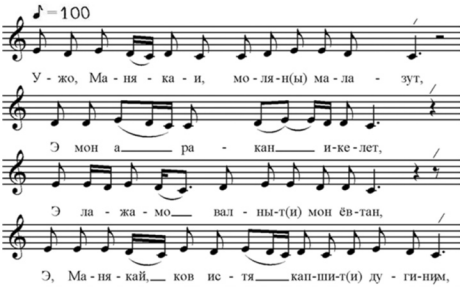
* Термин А. В. Рудневой.

ленного в рамках типологически устойчивого напева. В таких текстовых пересказах регулирование ненормированной стиховой строки, переходящей в пересказ поэтического текста, принадлежит музыкальному началу, которое организует и структурирует музыкально-поэтическую форму. Соотношение стиха и напева в эрзянских причетных формах находится в диалектической взаимосвязи, выраженной в противоречии нестабильности слогового показателя стиховой строки и стабильности напева.

В связи с этим необходимо отметить, что поэтические тексты в эрзянских причитаниях не влияют на их мелодические формы, которые остаются стабильными, отражая единственный стиль — эпические речитации для запоминания длинных текстов. Приведем два примера, записанных в с. Русское Давыдово и Старые Турдаки, где на подобные мелодии складываются разные сюжеты (Пр. № 15):



(Пр. № 7):



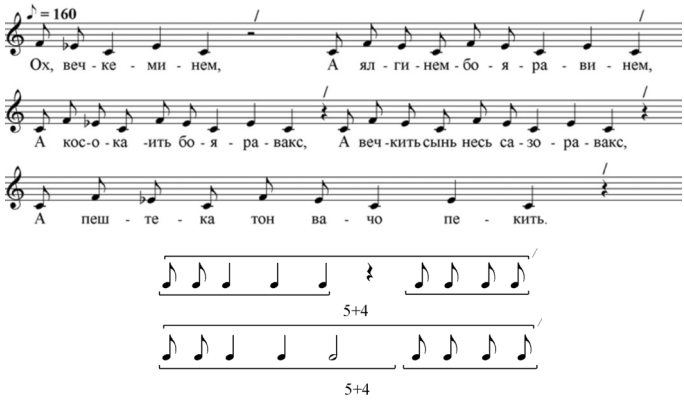
Единицей периодичности такой мелостроки является простая попевка, в которой распевается стиховая строка чаще с двумя стиховыми акцентами, не всегда совпадающими с акцентуацией напева. В композиционном отношении попевка выступает как структурообразующий элемент в построении тирадно-строфической формы. Количество попевок в каждой строфе значительно варьируется, образуя сравнительно крупные построения.

«Интонационное поле»* эрзянских причитаний включает не только элементы, фиксируемые в нотациях, но и многие исполнительские нюансы: агогику, темп, динамику и артикуляцию.

Когда ладоинтонационные характеристики звучания причитания в реальных условиях ослабевают, конструктивными элементами выступают ритмические показатели (особенно в сфере клаузулы). Ритмическая сетка мелодической строки является одним из важных элементов формообразования напева. На наш взгляд, целесообразно представлять ритмические образования именно в масштабах целостных мелострок, не разбивая их, чтобы определить типологию масштабных соотношений ритмических длительностей.

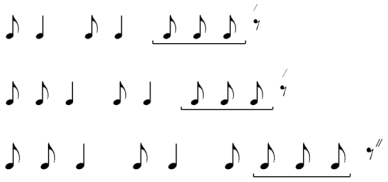
Ритмика причетного мелоса основана на мотивном образовании и соотнесена с поэтическими строфами и размерами стиха (ямб, хорей, амфибрахий и т. д.). Ритмические формы причетных мелострок, в значительной степени зависящие от просодии причетного текста, обладают разнообразными структурами, образующими ритмические зоны — начальную, развивающую середину мелостроки, и заключительную. Они не всегда разделяются на ритмические группы.

Ритмические структуры эрзянских причитаний связаны с ладовыми и композиционными закономерностями и чаще всего основаны на чередовании коротких и долгих длительностях. Как правило, на короткие ритмические единицы попадают проходящие в ладовом отношении неустойчивые звуки, на долгие — значимые или же опорные звуки (Пр. № 40):



* Термин И. И. Земцовского.

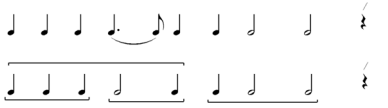
Одним из показательных структурообразующих элементов причетной ритмики мордвы-эрзи выступает синкопа (Пр. № 15):



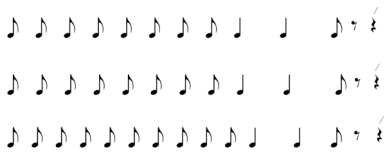
Необходимо отметить зависимость и видоизменяемость ритмических структур от того, как складывается и развивается поэтический текст причитаний мордвы-эрзи. Относительная композиционная устойчивость причета в целом на всех уровнях структурообразования зависит от степени мастерства причитальщицы. Чем больше эмоционального начала, тем чаще мы наблюдаем картину нестабильности структурообразующих показателей.

Подробнее рассмотрим ритмические структуры эрзянских причитаний:

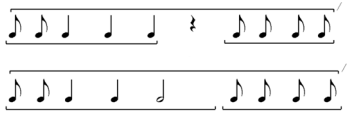
1) восьмисложник — 5 (3 + 2) + 3 = 8, в котором первая ячейка подвижная — «разгон», а далее следует ритмическая остановка (этот напев типологически сходен с эрзянскими свадебными песнями, исполняемыми свахами; Пр. № 55):



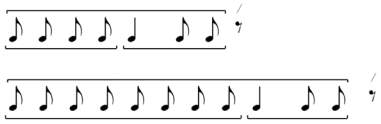
2) одиннадцатисложник — 8 + 3 = 11 и тринадцатисложник — 10 + 3 = 13 (Пр. № 14):



3) девятисложник — 5 + 4 = 9 (Пр. № 40):

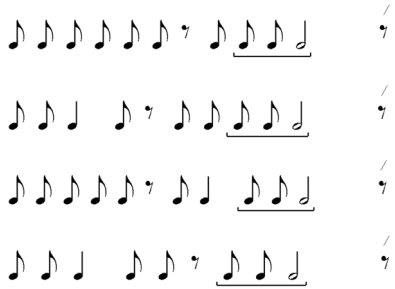


4) семисложник — 4 + 3 = 7 и одиннадцатисложник — 8 + 3 = 11, в котором подвижен первый сегмент (Пр. № 45):

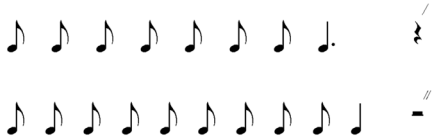


(Пр. № 59):

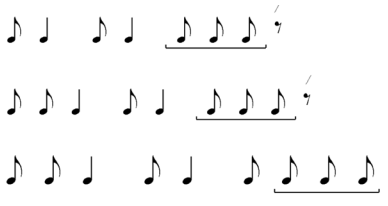
5) от восьми до десяти слогов — 5 + 3 = 8, 6 + 3 = 9, 7 + 3 = 10 со стабильным заключительным сегментом (Пр. № 18 — 19):



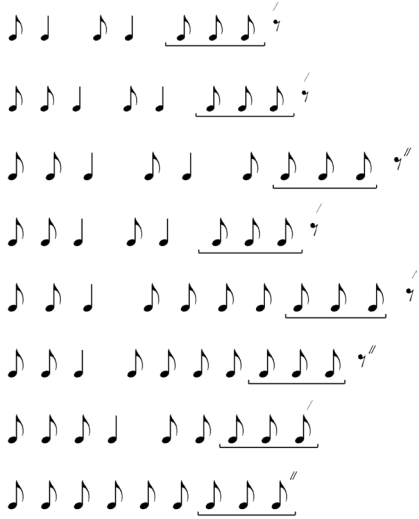
6) неделимый восьми-десятисложник (Пр. № 1):



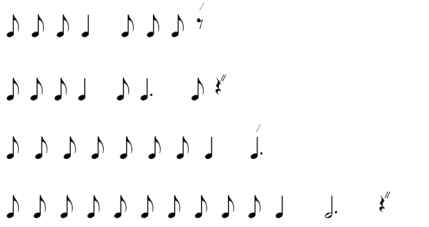
7) ритмические формы напевов тирадного строения (Пр. № 16):



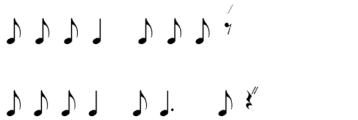
(Пр. № 15):



8) ритмические структуры с вариантным развитием внутри строки (Пр. № 30):

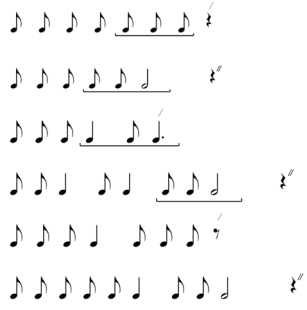


первая строфа напева:

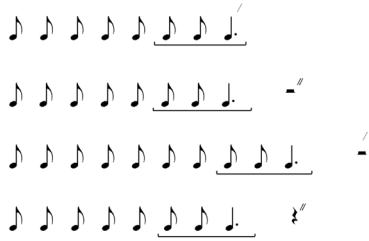


вторая строфа напева:

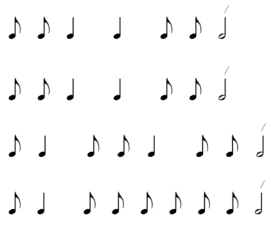
(Пр. № 31)



(Пр. № 40 — 41)



(Пр. № 3)

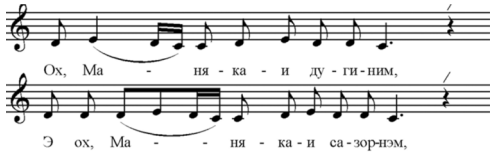


Особенности напевов эрзянских причетов проявляются на уровне ритмической организации, соотносящейся с ритмикой стиха, ладоинтонационными особенностями и композицией. «Музыкальные (интонационные) формы в фольклоре более консервативны, чем словесные: они носят более общий и постоянный характер типологических, интонационных „констант“ со сменными текстами и находятся в прямой зависимости от функции данного песенного акта»[22].

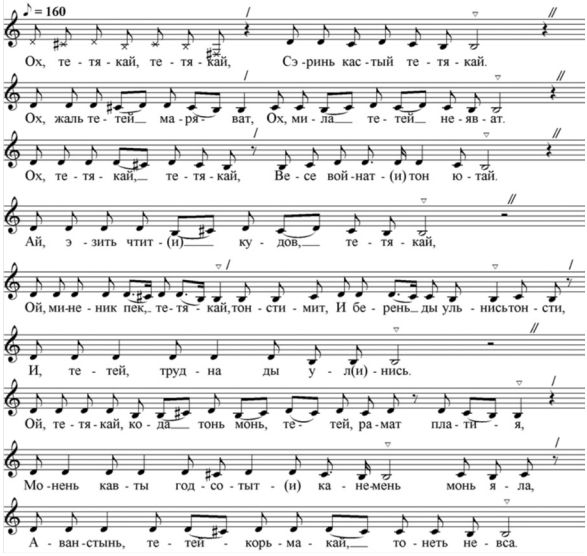
В композиционно-ритмическом строении напевов эрзянских причитаний особо выделяются области анакрузы и клаузулы, отличающиеся ладоинтонационными и ритмическими показа-

телями. В качестве конечного звена в поэтической строке выступает трехслоговое слово, в результате чего данный стиховой сегмент является стабильным компонентом в стиховой строке в целом. В музыкальном отношении рассматриваемый сегмент в певческих традициях мордвы-эрзи Присурья воплощается в различных вариантах ритмического рисунка, что приводит к возникновению вариации одного и того же типа напева похоронно-поминальных причитаний. Слогоритмические формы эрзянских похоронно-поминальных причитаний представляются в нескольких видах:

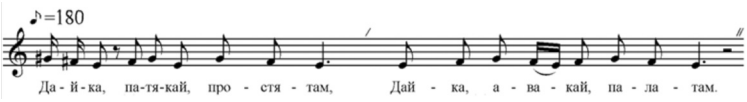
1) музыкально-поэтическая семисложная строка, расширяющаяся до одиннадцати слогов, с ритмическим соотношением конечного тона первой и последней строки — 1 : 4 (Пр. № 7):



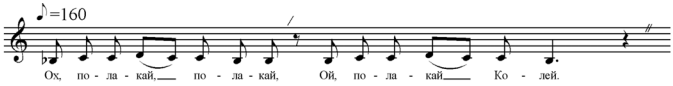
2) музыкально-поэтическая шестисложная строка, расширяющаяся до двенадцати слогов, с синкопированной ритмикой в первом полустишии (иногда дважды синкопированной), ритмическое соотношение конечного тона первой и последней строки — 1 : 2, 1 : 4 (Пр. № 31):



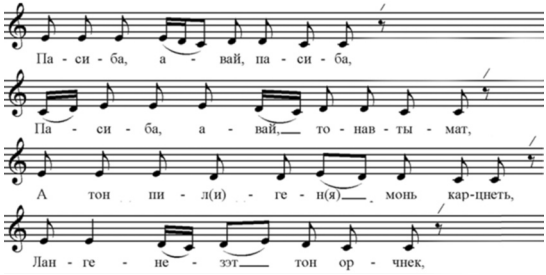
3) подвижное структурно-композиционное строение от напева, равного стиху, до тирадно-строфической формы с характерной кадансирующей ритмикой — две восьмые и половинная (Пр. № 10):



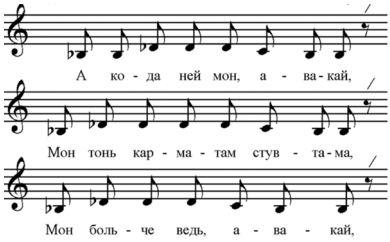
4) музыкально-поэтическая строка, возникающая в зоне каданса, ритмическая пульсация фиксируется неравномерными длительностями, а оттяжкой на две последние доли в арифметической прогрессии: восьмая, четвертная и половинная (Пр. № 30):



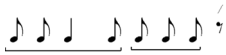
5) музыкально-поэтическая строка с синкопированной ритмикой в первом полустишии и равномерной пульсацией в зоне каданса (Пр. № 15):



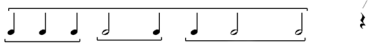
6) «стих-напев», в основе которого лежит семисложник с расширением в первом полустишии до десяти слогов, отличается равномерным слогопроизнесением (Пр. № 16):



Необходимо отметить, что во всех причетных формах лежит общая основа, связанная с особенностями мордовского стихосложения, — цезурированный семи- и восьмисложник, отраженный в следующей ритмической форме 5 (3 + 2) + 3 = 8:



или:



Таким образом, поэтика и мелодика причетных форм мордвы-эрзи Присурья развивались неравномерно. Интонационное свойство мелодики, художественные образы и некоторые поэтические приемы эрзянских причитаний с различных сторон раскрывают архаическую природу музыкально-поэтических форм, восходящих к древности. Если эрзянские поэтические тексты со временем претерпели определенные изменения, то музыкальная форма оказалась «законсервированной» до настоящего времени. Напевы эрзянских причитаний можно отнести к эпохе патриархально-племенного строя мордовского народа, что подтверждается их мелодической природой. Им в большой степени свойственны равномерность и сказительский характер, выполняющий мнемоническую функцию запоминания больших эпических текстов.

Библиографические ссылки

[1] **Гиппиус Е. В.** Мелодический склад, мыслимый вне гармонии и тактовой ритмики, и мелодический склад, гармонически опосредованный // Материалы и статьи : К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. М., 2003. С. 73.

[2] **Ефименкова Б. Б.** Северорусская причеть (Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область)). М., 1980. С. 30.

[3] См.: Памятники мордовского народного музыкального искусства : в 3 т. Саранск, 1988. Т. 3. С. 206.

[4] **Кондратьева С. Н.** Карельская народная песня. Петрозаводск, 1977. С. 163.

[5] См.: **Чувашев М. И., Касьянова И. А.** Мордовские (эрзянские) причитания. М., 1979. С. 77 — 78.

[6] **Алексеев Э. Е.** Раннефольклорное интонирование: звуковысотный аспект. М., 1986. С. 96 — 97.

[7] См.: **Гнатюк Д. Н.** О ладомелодических особенностях свадебных причитаний мордвы-эрзи Присурья // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск, 2002. С. 204 — 207.

[8] **Викар Л.** Финно-угорские и тюркские взаимовлияния в музыке // Там же. С. 9.

[9] Цит. по: Духовное наследие народов Поволжья : Живые истоки. Самара, 2001. С. 191.

[10] **Гнатюк Д. Н.** Указ. соч. С. 200.

[11] **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 389.

[12] **Байбурин А. К.** Ритуал в традиционной культуре : Структурно-семантич. анализ восточнослав. обрядов. СПб., 1993. С. 207.

[13] **Рубцов Ф. А.** Основы ладового строения русских народных песен. Л., 1964. С. 51 — 52.

[14] См.: **Кирюшина Т. В.** Голос в народной терминологии Верхнего Поволжья // Голос и ритуал. М., 1995. С. 72 — 73.

[15] **Дорохова Е. А.** Виды ритуального вокального интонирования и структура традиционного сообщества // Там же. С. 89 — 92.

[16] См.: **Конкка У. С.** Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 18.

[17] **Дорохова Е. А.** Указ. соч. С. 89.

[18] **Пашина О. А.** Мир живых и мир мертвых в музыкальных звуках // Голос и ритуал. М., 1995. С. 76.

[19] Там же. С. 78.

[20] **Толстая С. М.** Обрядовые голошения: лексика и семантика // Голос и ритуал. М., 1995. С. 60.

[21] **Гилярова Н. Н.** Об особенностях весенних хороводных песен русско-мордовского пограничья (Пензенская область) // Проблемы композиции народной песни. М., 1997. С. 107.

[22] **Коргузалов В. В.** Генетические предпосылки жанровой классификации музыкального фольклора // Русский фольклор. Л., 1975. Т. 15. С. 240.

Глава 3. ПРИЧИТАНИЯ МОРДВЫ-ЭРЗИ В ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЦЕПИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

3.1. Причитания мордвы-эрзи и северо-западных финно-угров

В настоящее время более двух десятков финно-угорских народов, разных по численности, проживают в восточной Европе и в отдельных регионах Сибири. Для аналитического сравнения выбраны музыкальные культуры тех финно-угорских народов, этнические территории которых расположены на Европейском Севере (карелы, ингерманландцы, ижоры), а также в географически-меридиальной цепи вдоль течения р. Волги (коми, удмурты, марийцы). Тексты причитаний северных карел архаичны как по смысловому содержанию, так и по формам выражения. Практически везде выдерживаются нормы употребления поэтических приемов — метафорических замен, повторов, параллелизмов и аллитераций; наблюдается стабильность и неизменность поэтических форм, фиксируется их остановка на архаическом этапе развития, хотя говорится о редких случаях исключения из плачей метафорических замен с тем, чтобы вместо них употребить слова «маменька» или «доченька», но при этом не допускается упоминание собственных имен, которые подлежат строгому табуированию.

В номинациях эрзянских плачей четко прослеживается использование обращений ко всем персонажам, характеризующих их социальный статус. Исключение составляют обращения к детям — дочери или сыну, к которым добавляются имена собственные. Употребление собственных имен в плачах свидетельствует о более позднем историческом пласте, внедрении индивидуализированного начала в жанр причитаний и отход от общинного коллективизма. Необходимо отметить, что тексты причитаний мордвы-эрзи в образно-поэтическом отношении более свободны и не так жестко связаны с традиционными условностями и ритуальными формами, что характерно для карельской причетной культуры.

Как в карельских, так в эрзянских причетных текстах прочитывается жизненная конкретика о быте, пропитании, о сиротстве

и другие мотивы, складывающиеся в плачевые сюжеты, например, в причете «Ах, папочка, папочка» (Пр. № 31):

И, тетей, трудна ды ул(и)нись,	Папочка, как трудно было без тебя,
Ой, тетякай, кода тон монень рамить платия,	Ой, папочка, когда ты купил мне платье,
Монень кавты годсотыт(и) канемень монь яла,	Два года я его носила,
Аванстынь, тетей-корьмакай, тонеть невса.	Не сберегла, папочка-кормилец, тебе покажу.

Доминирующими поэтическими приемами причитаний северо-западных карел выступают метафорические замены и аллитерация. По словам К. В. Чистова, метафорические замены в архаических обрядовых текстах появлялись тогда, когда возникала потребность скрыть прямое обращение к действующему лицу в желании уберечь «причитывающую и других членов рода от дальнейшего воздействия злых сил, уже проявившихся в смерти оплакиваемого»[1].

Самыми распространенными являются метафорические замены следующих действующих лиц: «мать», «дочь», «дочь-невеста», «сын», «жених», «женихи», «отец», «подруги». В них семантически опорное слово замены состоит из отглагольного имени, связанного с функцией матери, отца, подруги: вынашивание, рождение, кормление, одевание ребенка, воспитание, уход и забота, обучение и т. д. Часть семантически опорных слов отражает чувства и эмоции: любовь, нежность, заботу, стремление утешить, уберечь. Опорное слово в метафорических заменах, как правило, дополняется уменьшительно-ласкательными и притяжательными суффиксами, например, в свадебном причете «Дай-ка стану сказывать и жаловаться»:

Tulkuapat ni, tuuveh hyvaseni	Подойди-ка, моя славная, хорошая,
tai tuuvehilla ilmoilla siatelija tuuvittai aiseni,	на славный свет создавшая, меня баюкавшая,
tunnon nuorukkaisie tussalieminoisieni turvual'omah	мои молоденькие волосики-душечки порасчесать
tunnon omattomih tuuvittamih varoin[2].	перед уходом к неродным.

Если для метафорических замен всех терминов родства и вообще для причетного языка северо-западных карел обычным является избыточное употребление уменьшительно-ласкательных форм, то метафорическим заменам, например, понятия

«чужой стороны» свойственны следующие словосочетания: «чужие созданные», «чужедальний, незнакомый», «далекие взращенные», «неродные чужие принятые». Обычно в таком сочетании и выступают эпитеты, в которых варьируется только семантический стержень.

Похожие поэтические элементы и приемы характерны и для эрзянской причетной поэтики. Так, среди метафорических замен первичного образования, не относящихся к терминологии родства, обращают на себя внимание метафорические замены невесты и жениха. Например, в карельских поэтических текстах образ невесты проводится посредством ключевого слова «стан», которое употребляется в значении красоты и жизни: «печальный стан», «потухший стан», «сникший стан». Сходные моменты есть и в эрзянских причитаниях, где в номинации невесты употребляется метафора, чаще связанная с эпитетами «голос» и «рост»: «голос погибающей», «гибнущий голос», «сучий замужний голос», «плохой, жалкий рост» и т. д. (Пр. № 80):

Лисьмань кирди, кастарго!	Владычица колодца, красавица!
Иля тандат шумнедень,	Не пугайся моего шума,
Сэрь ёмамо вайгельдень,	Голоса погибающей,
Аволь тонть мон тандавтлян,	Не тебя я пугаю,
Аволь тонть мон тормошан,	Не тебя я беспокою,
Монсинь сэрень коволян,	Свое тело причитаю,
Монсинь эрямон мон лажан.	Свою жизнь я оплакиваю.

В карельских и эрзянских текстах причитаний большое внимание уделяется бережному и уважительному отношению к умершим прародителям, к которым применимы важные поэтические приемы — гипербола и метафорические замены (Пр. № 82):

Покш покштинень, бодинень!	Великие деды мои, дедушки!
Мода мазыйть бабинень!	Красы земли мои бабушки!
Сырк мерезэ, бодинень,	Пусть пошевелится, деды мои,
Матразь, оймазь киськинень,	Ваше осевшее, успокоившееся тельце,
Сырк мерезэ, бабинень,	Пусть приподнимется, бабушки мои,
Равужо човоля модыненк.	Ваша чернобисерная землица.
Покш покштинень, бодинень!	Великие деды мои, дедушки!
Мода мазыйть бабинень!	Красы земли мои бабушки!
Аволь шкастонк порастонк,	Не в пору, не вовремя
Мазы леменк ушоцынь,	Ваши красивые имена называю,
Мода челькенк явавцынь.	Вашу земную пыль стряхиваю.

В карельской плачевой традиции номинация предков также употребляется в почтительном значении — «знатные, доблестные, милые прародители»[3].

Метафорические замены терминов родства и неродных лиц в карельских и эрзянских причитаниях подтверждают положение о всеобщем характере иносказаний и развитой системе замен, имеющей строгие закономерности в поэтике данных народов[4]:

Вай атят-пабат кафэнест,	Ой, старик со старухой вдвоем,
Аш шачисна, касысна	Нет у них рожденного, растущего,
Аяш мельгаст пакисна.	Нет у них за ними ходящего.

В меньшей степени эрзянским причитаниям свойственен такой поэтический прием, как аллитерация, хотя известный финно-угорский исследователь В. Я. Евсеев на материале поэтики финнов, карел, мордвы, мари, манси, вепсов, ливов и других финно-угорских народов рассматривал аллитерацию как характерную поэтическую особенность[5]. Однако исследовательница причетной традиции карел У. С. Конкка отмечала тот факт, что некоторые признаки, «присущие карельской причети, в своем полном единстве не встречаются у других народов, в том числе и у остальных финно-угров»[6], особенно это касается аллитерации. Так, например, только в текстах карельских причетов при сильной аллитерации слова начинаются либо с одной и той же гласной, либо с сочетания одинаковых согласных с одной и той же последующей гласной. В качестве такой единицы текста служит строфа-период, которая характеризуется единством аллитерации внутри нее. Это мы наблюдаем в следующих причетах: «Не сможешь ли проснуться, мой суженый»:

Vaimalo vartuvoni, olen varuššellun vallan jälkimmäiset val'uškaveroset, tai valkie narotakuntani vallan keräyvykšennelty siun vallan jälkimmäisillä val'uškaverosilla[7].

Сникший стан, в последний раз приготовила [для тебя]
последние столы с валушками, и светлый народ-община
в последний раз собрался за эти столы с валушками

или:
«Отойдите-ка в сторону»:

Šiirryksennelkyä, šivun omattomat šilie mielijen šinččimät, iestä šivun ylähäisien šileijen šyntyjen. Anna šivun nuorikkaini šiikavaltani šivun täysikkäisien šilmivetysieni kera šilmittäyvyn iešša šivun ylähäisien šileijen šyntyjen. Ennen kun šinččimät šanojen šeisattamattomiksi šieklasiksi šivun ašetellah šivun nuorikkaiset šiikavaltaset. Vet olen šivun nuorikkaini šiikavaltan[8].

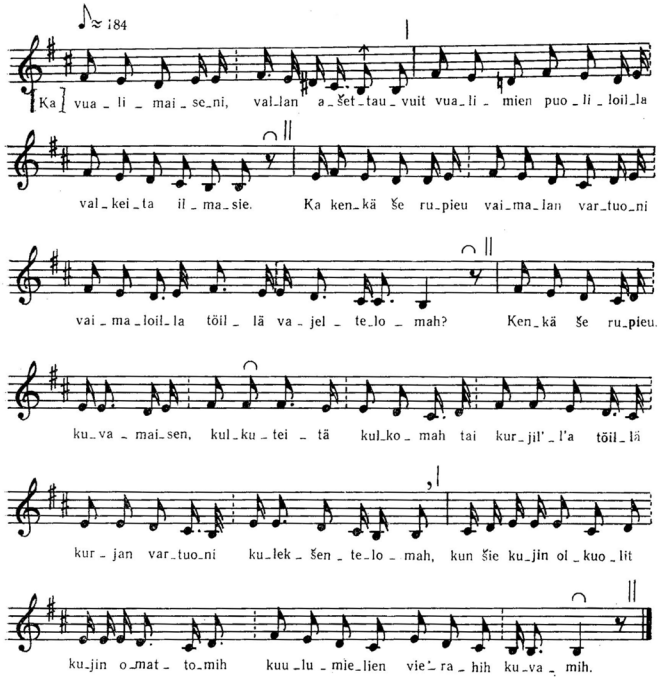
Отойдите-ка в сторону, неродные выношенные [усл.]
ясных разумных, от высших ясных прародителей.
Дайте [мне] молоденькой, вольной, как рыба сиг,
с переполненными от слез глазами, показаться перед высокими
ясными прародителями, прежде чем [чужие] выношенные [усл.]
не превратят [меня] молоденькую, вольную, как рыба сиг,
в решето, не удерживающее слов (то есть в бессловесное
существо). Ведь я еще молоденькая, вольная, как рыба сиг.

В результате сравнительного анализа причетных форм северо-западных карел и мордвы-эрзи можно выделить общие тенденции развития и механизмы сложения поэтического строя причитаний, которые, в первую очередь, касаются замены обращений к «действующим лицам» посредством особой символики, связанной с особым почтительным отношением к прародителям, стремлением к красочному отбору поэтических средств в описании умершего. В течение длительного времени в причетной поэтике карел и мордвы-эрзи происходил непрекращающийся творческий процесс поиска и отбора средств художественной выразительности, которые адаптировались к важным архаическим стереотипам и нормативам.

Мелодические формы карельских плачей отличаются сквозными, неповторяющимися формами; руническим типом мелодии; современной песенной формой с четко выраженной «третьей четвертью» мелодического развития; речитативным типом мелодии и типом однострочной мелодии нисходящей направленности.

Исходя из множества мелодических форм, следует обратить внимание на общую жанровую картину современной карельской песенной культуры, в которой приоритетны эпические и рунические жанровые разновидности, обладающие глубокой традицией. Хотя они заполонили большую часть карельского певческого поля, но лишь частично оказали влияние на жанр плачей и причитаний, которые в своем развитии обладали определенной степенью свободы. Естественно, после каждого исторического поворота возникала определенная мелодическая форма — новая или обновленная, которая в дальнейшем не исчезала, а накладывалась на мелодические формы предыдущего художественного опыта, и, таким образом, путем накопления, сложилась карельская певческая культура.

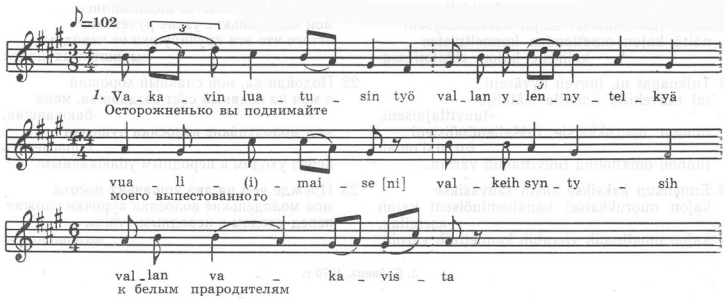
Представим некоторые примеры, поясняющие стадиальность развития карельских причетных мелодических форм. Ранний тип — однострочные мелодии нисходящей направленности[9]:



Согласно Э. Е. Алексееву, именно такие мелодии представляют «естественный способ исходной вокализации — плавный спуск голоса, словно бы поступенно теряющего высоту»[10].

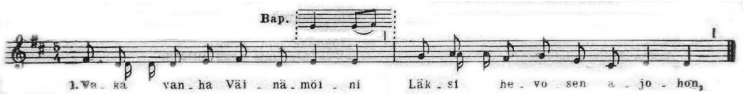
В. М. Беляев отмечал в этой разновидности мелодического движения «постепенное истощение запаса воздуха в легких и ослабление голосовых связок»[11].

Более поздний исторический слой в карельской плачевой культуре представляет погребальное причитание по ребенку «Осторожненько вы поднимайте»[12]:

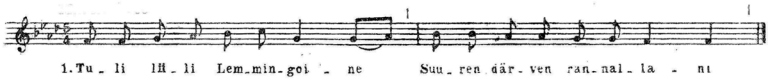


Здесь можно проследить влияние калевальского рунического стиля, утвердившегося в карельской песенной традиции позже форм однострочных мелодий нисходящей направленности. Это погребальное причитание обладает более развитой музыкальной формой, складывающейся из цепи мелодических периодов. Калевальский рунический период состоит из двух мелодических строк, из которых первая мелострока завершается звуками II ступени, а вторая — звуками I ступени[13].

1.

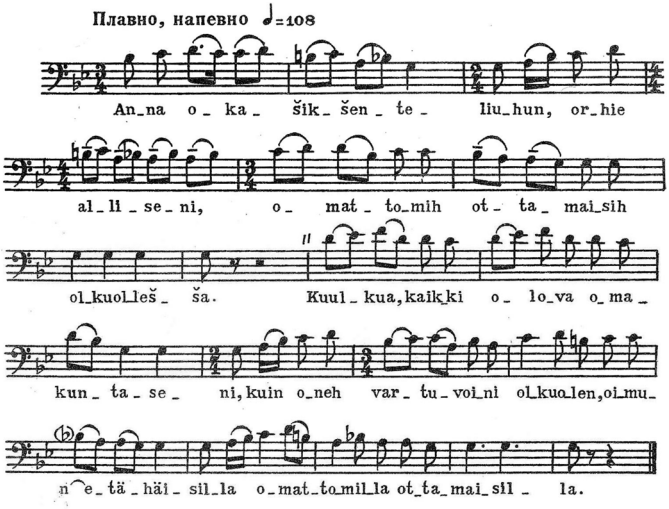


2.



Возможно, музыкальная форма вышеприведенных причетов не совсем соответствует рунической организации мелодии. Это объясняется нечетко выраженной пятидольной метроритмической формулой. Что касается кадансовой части причетных периодов, то не возникает никаких сомнений в их рунической природе.

Следующий уникальный свадебный причет «Ой, и поплачу я» отличается от традиционных образцов:



Anna okašikšentehuhun, orhie allisenii, omattomih ottamaisih olkuolleśśa. Kuulkua, kaikki olova omakuntaseni, kuin oneh vartuvoini olkuolen oimun etähäisillä omattomaisilla[14].

Ой, и поплачу я перед родителем-батюшкой, прежде чем покинуть родимый дом.

Слушайте, все собравшиеся, мой род-племя, как я, совсем молоденькая, оставляю родимый дом, как я отправляюсь к чужедальнему, незнакомому.

В данном примере выделяются, во-первых, расширенный звукоряд, охватывающий звуковой диапазон септимы g-f^1, во-вторых, второй период начинается с предложения, вступающего на терцию выше подобно расположенного предложения первого периода (такты 9 — 11). В этом свадебном плаче наблюдается прием мелодического развития, очевидно, заимствованный из городской песенной культуры или из авторской песни, когда в исполнении мелодии преодолеваются узкий диапазон, обычный для причетных песнопений, и однорегистровое звуковедение. Таким образом, эта причетная форма приближается к современному лирическому песенному жанру.

В карельской традиции бытуют и речитативные типы с преобладанием речевого начала, в которых просодия слова становится ведущим фактором в становлении целостных произведений. Следующий свадебный «плач прощения» отличается оригинальным строением периода из трех предложений:

Mitä vaššen olet, tuuvis hyväsen, totutukšennellun tulituohuk[šu]ot esih tunnon ylähäisien šuurien spuassujen?

Mitä vaššen olet, valkie hyväsen, vallan ašetellun valotuohukšuot, vallan ylähäisien valkeijen spuassujen?

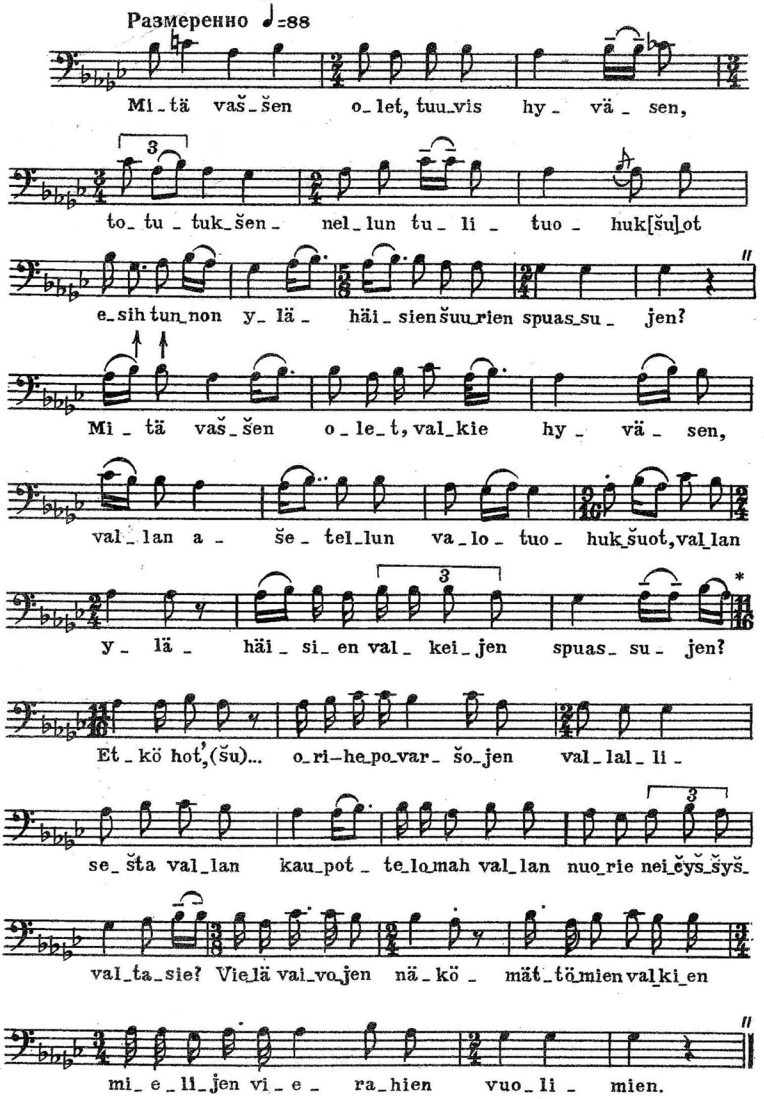
Etkö hot', ori-hepovaršojen vallallisešta vallankaupottelomah vallan nuorie neičyššyšvaltasie? Vielä vaivojen näkömättömien valkien mielijen vierahien vualimien[15].

Ты почему, родитель-батюшка, зажег свечи, ярким пламенем горящие свечи перед великим Спасом?

Ты почему, милый родитель-батюшка, поставил свечи восковые перед ликом всевышнего Спаса?

Неужели ты собираешься продавать, как молодого жеребенка, мою девичью вольную волюшку, которая еще не видела никакого горя, передать ее в совсем незнакомые руки (жениха)?

Поэтическая структура и музыкальное содержание этого причитания отличаются, здесь импровизация сказывается в полной мере. Текст складывается из трех строф. Стихи гетерометриче-

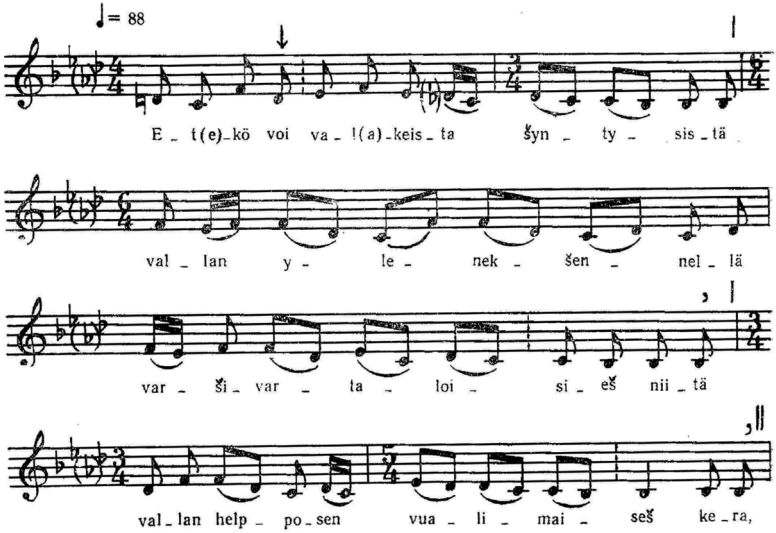


ские, разносложные, распеваются на вариантные мелодии как по продолжительности, так и по метроритмическим показателям. Характерные черты этого причитания проявляются в ритмической дробности 2-й и 3-й мелострок, оживляющих мелодическое движение.

При сопоставлении традиций плачевых жанров карел и мордвы-эрзи выявляется, что поэтические тексты первых обладают более архаичной семантикой, отражающей образы загробного мира и всю его атрибутику. В то же время у карел и у мордвы-эрзи отмечается общая сюжетная линия, связанная с особым почитанием прародителей, к которым исполнители обращаются с просьбами достойно принять усопшего. Примером этому служит следующий карельский похоронный причет:

Ettäkö voi kujin ylenekšennellä, Tuonelan narotakuntani,
Tuonelan kulkuovijen korvasih kujin vaštual'omah kujin
kohtal'ähimmäistäni Tuonelan korvašijasilla?
Anna ei Tuonelan koirat kujin haukukšenneltais.
Ettäkö voi vallan ylenekšennellä, Tuonelan valkie narotakuntani,
vaštual'omah vallan kohtal'ähimmäistäni Tuonelan
vajosien korvasih vahatuohukšuisien kera?[16]

Не можете ли подняться, народ [племя] Туонелы,
у входных ворот, [чтобы] встретить у входа
в Туонелу моего суженого?
Чтобы собаки Туонелы [его] не облаяли.
Не можете ли, белое племя Туонелы, подняться,
чтобы встретить моего суженого с восковыми свечами
у ступенек Туонелы?



Подобные мотивы — наследие карельской мифологии и рунических сказаний, свидетельствующие о древних представлениях карел и мордвы-эрзи о мироустройстве, на основании которых и разворачивались сюжеты похоронных причитаний (Пр. № 28):

Тюжа песок тонь алксот,	Коричневый песок — твоя постель,
Ашо песок тонь алксот,	Белый песок — твоя постель,
Тюжа сёвонь тонь стенат,	Коричневая глина — твои стены,
Авай, раужо мода тонь крышат.	Мама, черная земля — твоя крыша.

У карел свадебные причитания в некоторой степени изоморфны похоронным, поскольку они изображали переход невесты из девического состояния в статус замужней женщины, из дома родителей в чуждый мир жениха и его родни. Невзирая на разброс лексических деталей, национальная поэтическая сущность свадебных плачей всегда узнается и надежно сохраняется в народном сознании.

Тексты похоронных и свадебных причитаний мордвы-эрзи имеют более лирический характер, обновленный лексическими оборотами с использованием каких-либо деталей современного быта. В них отмечается широкое употребление собственных имен, которые в карельских причитаниях отсутствовали, т. к. они относились к разряду строго табуированных, охраняемых от нечистой силы.

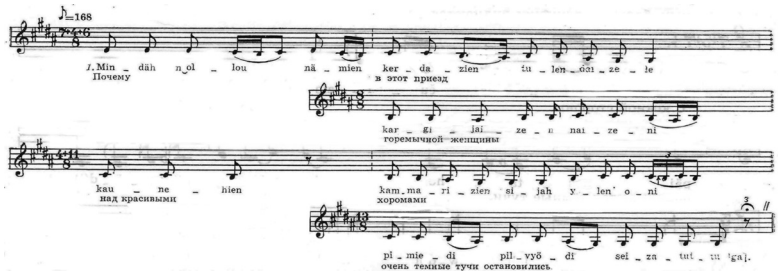
Музыкальная составляющая карельских плачей отличается от мелодических форм эрзянских причетов наличием различных мелодических типов, обусловленных этапами исторического развития общины. Речь идет не о хронологии, а о стадиальности, причем в таком порядке: однострочные нисходящие причетные напевы, рунические причеты с двухстиховой мелодической строфой и кадансами на II и I ступенях, причитания с формой песенного периода с ярко выраженной третьей четвертью, характеризующие современную городскую песенную культуру. Необходимо отметить, что эти формы в эволюционном процессе не исчезали, а наслаивались, сосуществовали вместе, появление новой не отвергало старую, предыдущую, в связи с чем расширялись жанровые рамки. В эрзянских причитаниях преобладает силлабическая организация напева, ограниченного терцовым объемом звучания и развивающегося в рамках, как правило, протяженных гетерометрических строк. Мелодическая направленность чаще всего выдержана в горизонтальном направлении с терцово-секундовыми колебаниями вверх — вниз, с замедлениями и понижениями в клаузульных зонах, в которых

фиксируются ритмические суммирования звуков, обычно в форме хореических прим.

Похоронные и свадебные причитания ингерманландцев, проживающих на территории Южной Карелии, отличаются разнообразием развернутого сюжета. Для похоронного причитания по матери «Почему в этот приезд горемычной женщины» характерен продолжительный поэтический текст. Усопшая мать номинирована как «женщина горемычная», к которой устремилась в «гости» плакальщица:

Menin naine kargijaizeni	Подошла женщина горемычная
kaksien seinien seizojien	к стоящим между двух стен
spuassaizien edeh,	спасушкам,
g olibo kallistu n ar'moistu	так ведь дорогую мою, милостивую
jo valgieloil stolazil šuoritettu	уже на белых столах обрядили,
dai katepalttinaizien alle katettu.	под полотняный саван укрыли.
Dai kallehile spuassaizil	И для дорогих спасов
oli varustettu,	приготовили,
valgieloin syndyzien valdaizih	во власть белых прародителей
on valmistettu	собрали
kallistu n ar'mostu.	дорогую мою, милостивую.
Kai aigamazele naizele nämien	Для меня, женщины, взращенной
ihalan ilmaizien	на этом свете,
n ar'moized dai sulaized hävittih[17].	все милости и ласки исчезли.

В тексте этого плача отразились древние представления, связанные с «обряжением покойного» и «отдании» его «во власть белых прародителей». Для данного примера характерна повествовательная интонация, в то же время не лишенная минимальных слогораспевов, придающих некий лирический оттенок мелодике плача. Процитируем первую мелодическую строфу:



Композиция этого плача начинается четырехстрочной мелострофой, типичной для ингерманландской причетной традиции. Слегка распетая речитативная мелодия обладает нисходящей направленностью, ее интонационная основа сохраняется на протяжении всего причета, из чего можно заключить, что в основе формы лежит принцип варьирования мелострок, то есть перестановки звуков внутри квинтовой рамки.

Жанровые свойства ингерманландских причетов в значительной степени испытали лирическое влияние. В поэтических текстах не встречаются мифологические и космологические мотивы или представления о потустороннем мире, как это наблюдается в карельских плачах. Здесь сюжетная канва основывается на жизненных реалиях, на бытовой атрибутике. В связи с этим создается впечатление, что эти произведения не лишены возможности отражать реалии современного времени.

Мелодические формы, на первый взгляд, обладают речевой монотонностью, которая концентрируется в клаузульных частях мелострок, однако, вслушиваясь в звучание ингерманландских причетов, проникаешься их лирической интонацией, несколько расширенной в звуковом объеме мелодией, родственной лирической песне.

Образно-поэтический строй и структурные компоненты эрзянских, карельских и ингерманландских причитаний характеризуются разнообразием поэтических приемов, таких, как метафора, аллитерация, синонимические повторы, гипербола и т. д. Причитания карел и ингерманладцев отличаются развернутыми формами как поэтических, так и мелодических текстов, часто объем мелодических звукорядов напевов достигает диапазона октавы и более. Наличие слогораспевов, своеобразная мелодическая линия, строфическая композиционная структура говорят об общей тенденции лиризации данных причетных традиций.

3.2. Причитания мордвы-эрзи и северо-восточных финно-угров

В певческом фольклоре коми жанр причитаний обладает самобытными чертами, отличающимися от причетных форм других финно-угорских народов. В первую очередь следует сказать о номинации «действующих лиц». В качестве метафорической замены персонажа служит заметный космический объект — солнце, которое используется в следующих номинациях:

— отца: «полуденное солнышко, ты мой батюшка», «солнцеликий да ты, мой батюшка», «дневное светило мое, мой батюшка» и т. д.;

— матери: «полуденное солнышко, моя матушка», «дневное светило, моя матушка», «солнышко-мама», «мое солнышко»;

— мужа: «головушка-солнышко», «утреннее солнышко», «мое солнышко», например:

Шондібандӧй кӧ менам *дай батюшкоӧй,*	Солнцеликий да ты, мой батюшка,
Кӧрмылечӧй кӧ менам *дай батюшкоӧй,*	Кормилец ты, мой батюшка,
Лун шондыӧй кӧ менам *дай на матушкаӧй,*	Дневное светило, моя матушка,
Кычӧ нӧ тай дай мӧдӧдчин[18].	Куда же это ты собралась идти.

В свадебных причетах слово «солнце» также часто встречается в поэтических оборотах: «да по полуденному солнышку-матушке ударило» (речь идет о молнии), «полуденное солнышко мое» (причет невесты), «милое солнышко, мой милый брат», «полуденное солнце-матушка» (оплакивание девичьей косы), «светлое солнце мое, мой великий девичий чин» (оплакивание девичества), например:

Югид шондіӧй менам	Светлое солнце мое,
Ныы чин ыджид чинӧй,	Мой великий девичий чин,
Ныы ыджид вӧляӧй,	Моя великая девичья воля,
Усьні бара пондін![19]	Расстаешься со мной!

Эпитеты «солнце», «солнцеликий», «дневное светило» и т. д. встречаются не только в причитаниях. Они используются в заговорах, масленичных песнях, частушках и так называемых элегических песнях-воспоминаниях, близких лирическим песням[20].

В текстах коми причитаний мы наблюдаем немногочисленные сюжетные мотивы, среди которых наиболее характерными являются благодарность детей и близких, восхваление личных качеств покойного, перечисление его благородных дел по воспитанию и содержанию детей, жалостные мотивы расставания с покойным и благие ему пожелания. При этом в причетных текстах коми ничего не говорится о потусторонних силах, о загробной жизни, о прародителях, которые должны хорошо встретить вновь представленных. Однако встречаются совершенно уни-

кальные причетные тексты, сфокусированные на личной жизни, на биографических данных умерших, например, в похоронном причете по внучке «Хорошим людям, счастливцам»:

Йӧзлы тай нӧ, майбыръясӧйлы,
Гажа тулыс локтӧ, а менам тай нӧ, конеръясӧй,
Вердӧмӧй дитяясӧй,
Бур пуыслы тай нӧ сьӧвмӧс пыдьди пырисны дай,
Бур муыслы тай нӧ куйӧд пыдьди
Мейӧй тіянӧс сюйи.
Та вылӧ ӧмӧй нӧ тіянӧс, конеръясӧс,
Кызь арӧсӧдзыс быдтӧма,
Лы кузьтаныдӧ нюжтӧма дай, яй кызтатӧ
Тіянлысь кызтӧма дай, кӧмӧдӧма дай пасьтӧдӧма?
Та вылӧ ӧмӧй нӧ тіянлы
Ыджыд грамотаыс вӧлі колӧ?
Дас куйим во вӧд тэнӧ, муса нылӧс, мийӧ
Велӧдім дай на ум наставитім,
Мутӧм муӧ тай, конерӧй, мунін дай некор
кывлытӧм вылӧ ни аддзывтӧм вылӧ.
Кыдзи вӧд силанкылас силӧны:
«Тэяд гу вылад некод волысьыс абу,
Тувсов птичкаясыс толькӧ тэныд силӧны…»[21].

Хорошим людям, счастливцам,
Весна-красна идет, а мои бедняжки,
Мои родные детки
Сердцевиной дереву становятся,
Для удобрения земле
Я вам отдаю.
Для того ли вас, бедняжек,
Двадцать лет растили,
В длину тело вытянули, в ширину расширили,
Одевали вас, обували?
Для того ли вам
Большая грамота нужна была?
Ведь двадцать лет, дочка милая, мы
Обучали тебя, на ум наставляли.
На тот свет (букв. в землю без земли)
ушла, горемычная, ты, чтоб тебя
не слыхали, не видели более,
Как в той песне поется:
«На твою на могилку уж никто не придет,
Только раннею весною соловей пропоет…».

В этом тексте синтезировались и традиционное обращение к 20-летней умершей внучке, и заключительные слова,

процитированные из народной песни. Такие сюжетные мотивы в причитаниях других финно-угорских народов не наблюдаются.

Особое внимание следует обратить на причет по свекрови «Прости, благослови, матушка Полисовья Романовна», отличающийся неповторимым содержанием, отражающим плохое, даже злобное отношение свекрови к невестке. Обычно при оплакивании покойных находят добрые слова благодарности и любви, однако в этом причете — все наоборот. Он начинается редким зачином, когда усопшая именуется по имени и отчеству — Полисовья Романовна. Необходимо отметить, что этот причет лишен каких-либо традиционных вербальных формульных мотивов, основан на автобиографических моментах, отражающих безрадостную жизнь невестки и ее тягостные отношения с нелюбимой свекровью:

Прӧсти бласлӧвит, Пӧлисовъя Рӧмановна матушка,
Кулін тай пӧ да, менӧлӧ ёна и напраснӧыд видлывлін.
Эг жӧ нин и нем вед ме тэныд вӧчлывлы да,
ӧні тай тэ мӧдін пӧ кыз муӧй увтӧ,
Ог вед пӧ сэсся тэнӧ аддзывлы да вӧта войын,
не тӧ штӧ мӧй пӧ да йӧшшӧ явей,
Олі ме тэныд дінын йӧшшӧ комын во,
Быдтор жӧ тэ менӧлӧ вежсямӧн ёна шулін да,
Ёна и ме тэнад дінын йӧшшӧ мучитчылі.
Ёна жӧ тэ кӧсйин дыр овны, а кватитчи кӧ — кулӧмыд да,
Ёна жӧ нин менӧлӧ тэ омӧля видзин,
Ёна вед и менӧ сёйӧмысь и юӧмысь йӧшшӧ вӧйплін,
Эз жӧ нин и вӧвлы тэныд йӧшшӧ чесь-радӧсь,
Ёна ме чайта бура уджалі, а тэ уван да йӧшшӧ ёнджыка видан.
Во пӧвнад ветлывлігӧн гӧльӧ муна асывнад да,
Кор лакта йӧшшӧ пемыднам, ува да ёнджыка менӧлӧ видан.
Вайлі ме тэныд веськӧ чесю-радосю, чайта, нин кӧть мый вӧчлі да,
век жӧ нин тэнад абы чесь, ой.
Робота вылад гӧльӧ ветла да абы тай тэныд чесь,
Ӧтік войнад муна да мӧд войнад воа да, век менӧлӧ ёнджыка видан,
Ог лысьты ме сёйны не юны тэяд дінын.
Чайтін, пӧ татӧн увны, а колин пӧ татчӧ тэ йӧшшӧ весь олӧмтӧ,
Дыр вед кӧсйин овны, а эн жӧ сэсся дырыд ов.
Эн тшӧкты менӧ гу вылад воны некор да,
ӧні вед век йӧшшӧ гу вылӧ ува,
Эн пӧ менам вунлы тэ некор,
Ёна жӧ нин тэ менӧлӧ видлін, эн жӧ нин пукты йӧшшӧ морттуйӧ.
Олі ме тэнад дінын комын во да,
Эг жӧ нин тэнад дінын сьылӧбтыв, не йӧктышты,
Быдтор тай шуин тэ менӧ вӧрзьӧдіг,
Аслыд да добраанӧс сьӧрсьыд тай эн ну[22].

Прости, благослови, матушка Полисовья Романовна,
Ты представилась, но много ж ты меня ругала понапрасну,
Ничего плохого ведь тебе я не делала. Ты сейчас лежишь в сырой земле,
Не увижу я тебя даже ночью во сне, а не то, что наяву.
Я жила с тобою ровно тридцать лет,
Да всегда со мною разговаривала с бранью,
Много я помучалася при тебе.
Еще долго жить хотела ты, а спохватилася — уж представилась.
Очень плохо ведь со мной ты обращалась,
Много раз меня корила за питье-еду,
Никогда ведь не была тебе я честью-радостью,
а приду домой, еще сильней бранишь,
Когда возчиком работала, бывало, утром ухожу,
Прихожу, уже стемнеется, а приду — ты пуще
прежнего бранишь меня.
Приносила я тебе честь честью, где б хоть ни
работала, а тебе опять не угодила.
И хожу я на работу — все не по сердцу тебе,
Ночь работаю, другую — пуще прежнего,
бывало, ты ругаешься,
И не смею при тебе ни пить, ни есть.
Жить ты думала здесь, а пришлось оставить все хозяйство здесь,
Не велела навещать твою могилку, а я все хожу,
Никогда ты у меня не забывалась,
Крепко ты меня ругала, даже человеком не считала.
За все тридцать лет, что вместе жили,
При тебе ведь никогда бывало не станцуешь, не затянешь песню,
Всякий раз сказать старалась так, чтоб больнее уколоть меня,
А добро свое ты все равно не унесла с собой.

Этот причет распевается на оригинальную мелодию, которая, возможно, выражает контрастное настроение по отношению к поэтическому тексту.

Если судить о поэтических текстах причитаний коми в целом, то можно сказать, что они по отношению к эрзянским и карельским причетными формам обрели новую традицию, мало связанную с рунической архаикой, с языческими представлениями о потустороннем мире, с мифологическими видениями и т. д. В коми причитаниях вся атрибутика земная, связанная, например, с тем, что с уходом отца вдова с детьми лишается кормильца, как ей предстоит их кормить, обувать, одевать и т. д. Эти жизненные проблемы оказываются главными в сюжете и они оглашаются, оплакиваются. Конечно, в причетах находятся слова благодарности, воспоминания о хорошей жизни, вплетаются и биографические отрывки из прошлого. Можно сказать, что семантика поэтических текстов коми причитаний

обрела лирический характер, связанный с личными чувствами, переживаниями, с которыми делятся близкие усопшего.

Необходимо отметить, что этнографический контекст, в котором функционировали коми причитания, близок эрзянской традиции и связан с разнообразными обрядовыми посещениями кладбища в родительские субботы, сопровождающимися обильными поминальными трапезами и причитаниями. Свадебные и рекрутские обряды коми и мордвы-эрзи также свидетельствуют о родстве традиций, которое особенно проявляется в детализации некоторых компонентов определенного обряда.

Особенностью текстов коми и эрзянских причетов является широкое употребление русской лексики с некоторыми изменениями, обусловленными закономерностями грамматики эрзянского и коми языков, например:

Яснӧй сӧкӧлӧ да бур кӧзяинӧ менам,
А муя инӧ тэ-а татшӧм-а томӧс менӧ
кольылыштін тай тэ?
А ме тай тэ саяд мунлі да, думайті да ассьым
том бур ой-лунӧс да-а тэ дінад колляла.
А тэ тай вӧлін менам да-а,
яснӧй шонды кӧйд югыд-а,
Ловзьӧм нянь койд тай вӧлін, ён да лӧсьыд-а[23].

Ясный сокол, да мой добрый хозяин,
Что же ты такой молодою оставил меня одну?
Я ведь думала, когда шла за тебя, что
молодость свою с тобой вместе проведу.
Ты ведь был у меня,
как ясное солнышко ярким.
Словно поднявшийся хлеб, ты был ладным и статным.

В текстах похоронно-поминальных причитаний коми при описании умерших проявляются эстетические идеалы народной поэтики. Например, муж представляется как герой-труженик, отец и мать — кормильцы, все вместе они сравниваются с солнцем. Яркой чертой коми причитаний является композиционный прием «противопоставления двух картин, двух взаимоисключающих образов»[24], связанных с супружеством:

— при жизни мужа — «жизнь под раскидистой елью», муж это «оборонушка»;

— после смерти мужа — «разрушение стен, обороны», «каждый ветер обдувает», «каждый дождь мочит»:

Öні нин тай ме да и казялі,
Кутшӧм тэтӧг дай ооныас.
А квайт вежоолун уин ме тэтӧг олі,
А войтӧлыс вӧлӧм дай ёна тӧлалӧ,
А йи зэрыс вӧлӧм дай ёна зэрӧ.
А быдӧнлы вед меным лоӧ
Уна бур дай пуктыны,
Тӧӧсьыс лоӧ дай ёна небзьӧдчыны,
А ваасьыс лоӧ дай ёна кизьӧрмӧдчыны,
А турунсьыс лоӧ дай ляпкӧдчыны,
А сэтшӧм ёна вед меным лоӧ-а,
А коньӧрыльӧлы да, пооны быдӧнысь,
А тэ дыръя вӧлі вед менам, коньӧрлӧн,
Морӧс, шондыӧ, дай паськыдджык,
А пельпом, шондыӧ, да джуджыдджык,
А öні вед менам дай векнялӧма,
А öні вед менам дай ляпкалӧма,
А коньӧрыльӧлӧн дай, менам ставыс
Долыдлуным дай тэкӧд мунӧма,
А вердан вердысьӧй дай бур мужикӧй[25].

Уже теперь я испытала,
Что значит без тебя жить.
Шесть недель без тебя прожила,
Да ветер северный, оказывается, жгуче продувает,
И градом без тебя меня сечет.
Всем ведь мне сейчас приходится
Угождать, быть в услужении,
Ветра мне приходится много мягче быть,
Воды приходится мне много жиже быть,
Травы придется мне ниже быть,
Да ведь приходится мне,
Горемычной, всех бояться,
А при тебе ведь у меня, бедняжки,
Грудь, мое солнышко, пошире была,
Плечи, мое солнышко, повыше были,
А теперь ведь у меня (грудь) сузилась,
А теперь ведь у меня (плечи) поопустились,
У меня, горемычной,
Радость с тобой ушла,
Кормилец мой, мой добрый муж.

Содержание данного поэтического текста во многом пересекается с эрзянскими мотивами одиночества и сиротства, например:

Ох, полакай, полакай,
Ой, полакай, Колей.
Ой, кинь лангс тон(ы) мон(и) кадумик?
Кинь лангс тон(ы) мон(и), Колей, кадумик.
Ой, кода тонстемить, Колей, трудна,
Кода а тонстемить, Колей, берень.
Ой, весе вармас(и) чавы грудизым,
Весе, весе чавы грудизым.
Ой, пешкедьс(и) грудне незь пешкедьс,
Пешкедьс, Колей, потмонязе.
Ой, кода мон(ы) тон кисэ скуколдынь,
Кода а тон кисэ мон(ы) тошнамынь.
Ой, кодамо жальне маряват(ы),
Кода мила неяват.
Ой, кадымак(ы) тон мон(и) чавы кудс,
Кадымик и вай ный стенатнень юткс (Пр. № 30).

Ох, муженек, муженек,
Ох, муженек Коля.
Ой, на кого ты оставил меня?
На кого ты, Коля, оставил меня.
Ой, как без тебя, Коля, трудно,
Как без тебя, Коля, плохо.
Ой, ветер бьет мне в грудь,
Весь, весь бьет мне в грудь.
Ой, наполнилась грудь или не наполнилась,
Наполнилась, Коля, грудь моя.
Ой, как по тебе соскучилась я,
Как без тебя мне тошно.
Ой, как мне жаль тебя,
Каким милым кажешься,
Ой, оставил ты меня в пустом доме,
Между стенами оставил меня.

В текстах причитаний коми, карел и мордвы-эрзи часто встречается «дом без углов», «комната без окон»:

Любее мамӧ да сёкатӧ мамӧ,
Отико менам вӧльнӧй свет вылас эд тэ эд вӧлілыштін-а,
Э, ласкӧвӧйӧ кӧ слӧвенькинад да пӧтешитісьыс-а,
Лебединӧ да бур языкнад тэ эд менӧ успӧкӧйтысьӧ,
Э, колин эд, колин менӧ тэ да нэм кежӧ, нэм кежӧ,
А мунан эд тэ да муыслы кӧ да му пыдӧсӧдзыс-а,
Э, ваыслы кӧ да тэ ва пыдӧсӧдзыс,
Э, синмӧн кӧ тэ да аддзытӧминӧ-а,
Э, пельӧн кӧ тэ да кывлытӧминӧ,
Э, царскӧйӧ кӧ да бур життьӧсьыд-а,

Э, каменнӧйӧ кӧ бур пӧлатасьыд-э мӧдылыштін жӧ.
Э, дӧмтӧ тай тэныд тшупӧмаэсь да пелестӧмӧйӧ,
А кӧмнататӧ тай вӧчӧмаэсь да ӧшиньтӧмӧс[26].

Милая мама, любимая мама,
Одна ведь ты на белом свете у меня была,
Ласковыми ли словами утешала,
Лебединым ли языком ты успокаивала,
Меня покинула, покинула меня ты навек,
Отправляешься ведь ты под землю, до самого дна земли,
Под воду ведь ты да, на самое дно реки,
Туда, откуда глазами не увидеть,
Ни ушами не услышать,
Из царского из доброго жилища,
Из каменной да добротной палаты отправляешься.
Дом-то ведь тебе срублен без углов,
Комната ведь сделана тебе без окон.

Известно, что древней формой захоронения финно-угров были так называемые домики, которые выстраивались над могилой. У северных карел распространенной формой погребения был гроб с окошком, у мордвы-эрзи мы также встречаем в текстах причитаний гроб с окошком, хотя по традиции не принято было делать такие гробы. Однако мордве известна другая форма так называемого вместилища умерших — гробы из цельных долбленных стволов деревьев. У мордвы до настоящего времени существует обычай настилать в могиле над гробом доски, чтобы при закапывании могилы земля не попадала на гроб. Таким образом, гроб не соприкасается с землей, а выложенная досками могила напоминает склеп. В долбленных колодах хоронили умерших коми и мари. Такие формы захоронения были обнаружены в старообрядческих районах Удоры, Верхней Вычегды и Верхней Печоры[27]. Приведем ряд примеров, в поэтических текстах которых отразились формы древних захоронений умерших. Карельский причет «Приготовьте и наладьте милые места» интересен тем, что исполняется от имени покойницы, а напев в интонационном отношении родственен карельской сиротской лирической песне «Анни-дочка молодая»:

Tai ikkunan keralliset innon luajitelkua ihaloih šyntysih innon
aššuntašijaset, jottei ikävien inhuset innon luajiteltais inhutta varruttani[28].

И сделайте с окошечком строеньице для отхода
к красивым прародителям, чтобы тоска-кручинушка
не мучила мой кручинный стан.

В эрзянском свадебном причитании, записанным М. Е. Евсевьевым, невеста обращается к предкам-покровителям за помощью и призывает их встать из могилы:

Явшевест кото лазыненк,	Пусть раздвинутся ваши шесть досок,
Илиштявост одрыненк,	Развернутся ваши саваны,
Панжинк глухой вальминенк,	Откройте ваше глухое окошечко,
Кулсонинк тейтерь вальгеем...	Послушайте мой голос девичий…

В погребальных причетах коми в иносказательной форме говорится, что человек, лежащий в гробу, становится «сердцевиной» дерева, из которого сделан этот гроб:

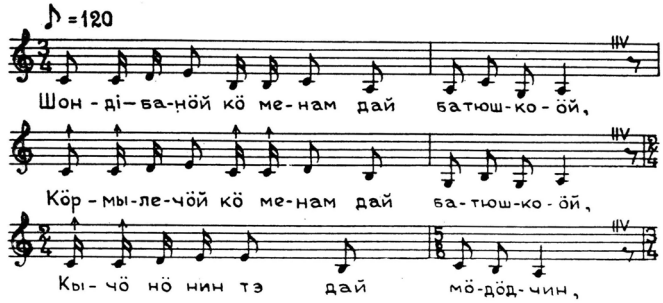
Ме вед сэсся тэнӧ гуад сюи дай пу сьӧлӧмӧдзыс,
Муас ми тэнӧ сэсся сюям дай му пыдӧсӧдзыс.
Чӧскыд, шонды, йӧла вердысь мамӧй,
Ме вед сэсся тэнӧ ен уу джуджыдсьыс,
Му выы паськыдсьыс дай некор ог аддзыл, вердысьӧй мамӧй[29].

Я тебя ведь теперь уложила в дерево, в сердцевину самую,
Потом в землю уложим на самое дно ямы.
Сладкомолочная кормилица, солнышко-мама,
Я ведь тебя под высоким небом,
На земле обширной никогда не увижу больше, кормилица-мама

или:

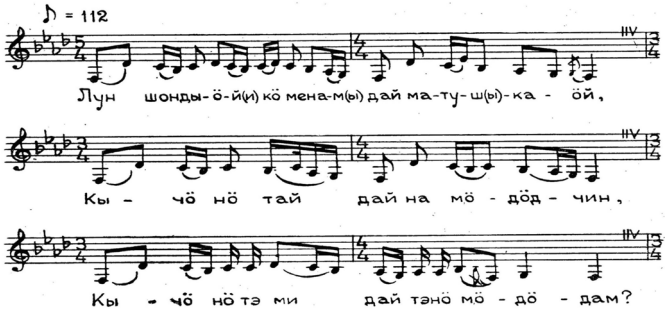
Йӧзлы тай нӧ, майбыръясӧлы,	Хорошим людям, счастливцам,
Гажа тулыс локтӧ, а менам тай нӧ, конеръясӧй,	Весна-красна идет, а мои бедняжки,
Вердӧмӧй дитяясӧй,	Мои родные детки
Бур пуыслы тай нӧ сьӧвмӧс пыдьди пырисны дай,	Сердцевиной дереву ставятся,
Бур муыслы тай нӧ куйӧд пыдьди	Для удобрения земле
Мейӧй тіянӧс сюйи[30]	Я вас отдаю.

Для большинства коми причитаний характерной чертой является развитие мелодической линии в плавных секундовых и терцовых попевочных интонациях с типичными нисходящими кварто-квинтовыми кадансовыми оборотами. Коми похоронный причет «Солнцеликий да ты, мой батюшка» в структурном отношении согласован с традиционной причетной формой. Возможно, здесь осуществляется формульный принцип организации мелоса, несмотря на значительные перепады в количестве слогонот в мелодических строках:



Этот причет основан на моностроках, вариантно повторяющихся. Каждая мелострока ладоинтонационно делится на две части: трихорд в большетерцовой ячейке и трихорд в кварте. Такого рода ладовый признак свидетельствует о том, что интонационная настройка мелоса этого причета относится к архаическому периоду.

Необходимо отметить, что большая часть коми причитаний базируется на гексахордовых звукорядах, и именно этот факт определяет отличительную специфику причетной традиции коми. Например, в похоронном причитании по матери «Дневное светило, моя матушка» зачинные интервалы мелострок — секстовые*, причем вторые половины мелострок также начинаются с этого интервала, то есть секста является интонационным остовом данного причета:

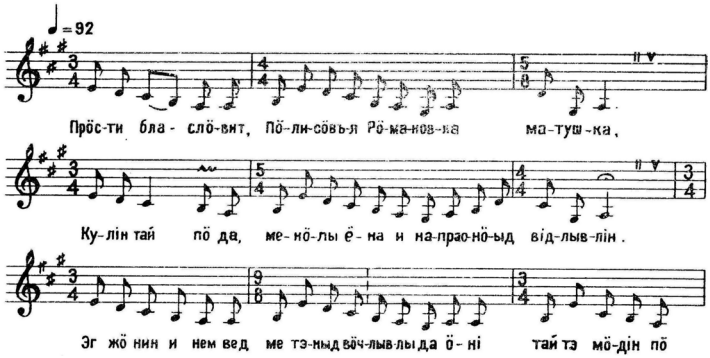


Другой интонационный сдвиг в сторону лиризации этой формы, зафиксированной как причет, связан с внутрислоговыми распевами — от двух до четырех звуков на один слог. Звуковой

* Академик Б. Асафьев указывал на роль интервала сексты в интонационном ореоле русских городских лирических романсов.

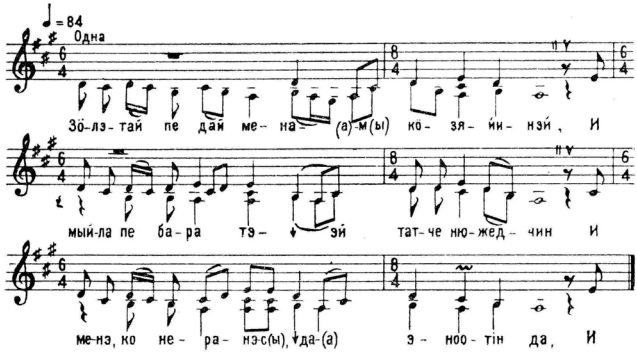
материал этого причета — семиступенный эолийский звукоряд — воспринимается как чуждый для узкообъемной последовательности звуков, формирующих традиционные мелодические формы эрзянских причитаний.

В интонации мелодического контура причети по свекрови «Прости, благослови, матушка Полисовья Романовна» прослеживаются характер плясового движения. Невеселое содержание поэтического текста, выражающего обиду и ненависть к усопшей свекрови, воспроизводится на игривый, веселый напев:



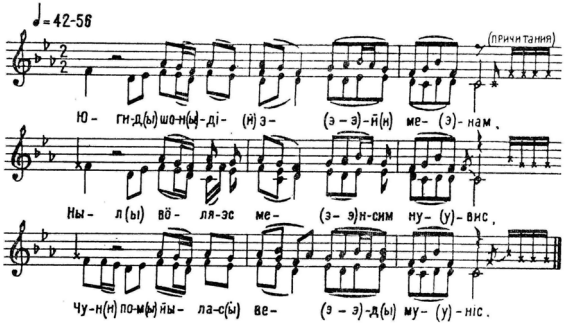
Этот причет обладает бинарной семантикой, складывающейся из горестного вербального начала и подвижно-светлого мелоса.

Характерными для коми причетной традиции являются ансамблевые формы (двух- или трехголосные), звучащие как на похоронах, так и на свадьбах. В похоронном причитании по мужу «Золотой ты, да мой хозяин» три мелостроки между собой подобны, внутрислоговые распевы минимальны, причет исполняется в неспешной эпической манере[31]:



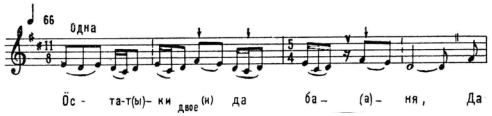
Данный причет распевается в стиле лирической песни более позднего историко-стилевого пласта. Е. Н. Калинина исследовала поэтику и мелодику причитаний и песенный фольклор народа коми и пришла к выводу, что свадебный причет тесно связан с лирической песней[32].

В коми свадебной традиции бытует обряд «оплакивания девичества». Причети, посвященные этому обряду, также исполняются ансамблем на два или три голоса, например, причет «Солнце светлое мое, воля девичья»[33]:

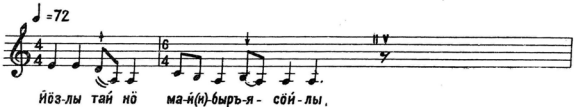


Этот причет обладает песенной морфологической структурой, по характеру — лирический, по исполнительскому стилю — несколько замедленный. В голосоведении преобладают параллельные терции, сменяемые квинтами и секстами. Зачины мелострок, как правило, одноголосные, в клаузульных зонах голоса унисонно соединяются. Подобные формы в эрзянской причетной традиции не встречаются.

В напевах похоронных и свадебных причитаний коми Вычегды и Сысолы наблюдается альтерация отдельных ступеней лада — повышение IV и VI ступеней, понижение II и III, которая в нотном тексте обозначена стрелками, расположенными над нотами[34]:

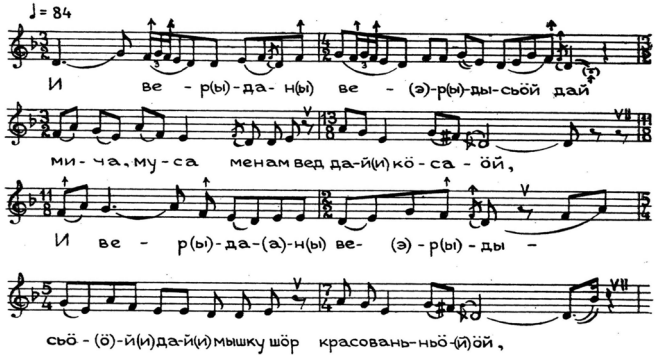


или:

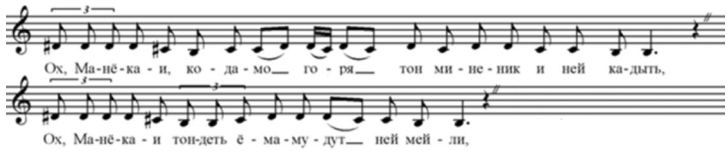


В процессе исполнения этих причитаний наблюдается постепенное повышение ладовой системы на 1½ тона. Это связано с напряженным динамическим эмоциональным произнесением ритуального текста, сопровождающегося всхлипами-рыданиями.

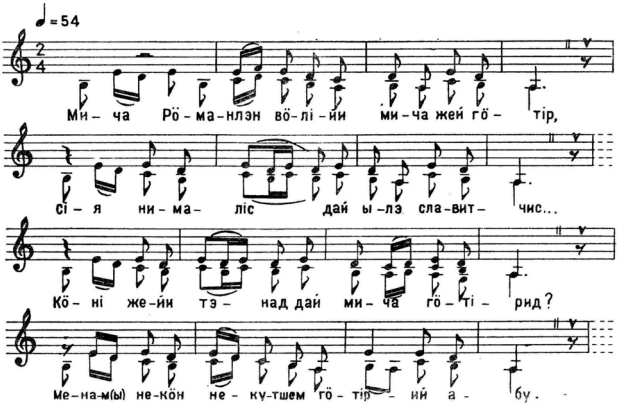
В некоторых напевах коми причитаний встречаются так называемые мерцающие терции[35]:



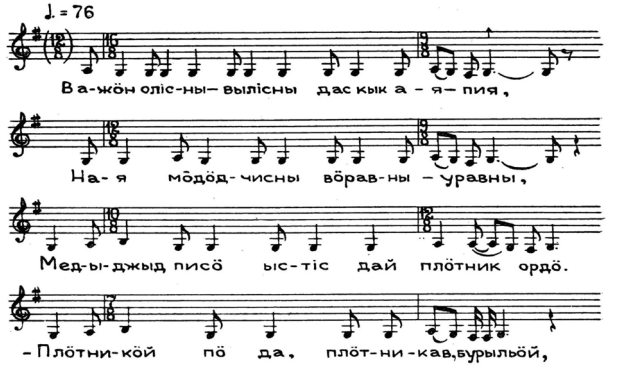
Альтерация свойственна многим певческим традициям, активно проявляется в эрзянском причетном мелосе, например, в похоронном причете «Ох, Машенька-сестренка» (Пр. № 8):



Для напевов коми причитаний в равной степени свойственна как лирическая, так и эпическая манера реализации поэтического текста. Известный исследователь песенной традиции коми А. К. Микушев отмечал, что напев коми причитаний в общем плане отличается «яркостью музыкального языка и исполняется в стиле ровного эпического повествования»[36]. Необходимо отметить, что под воздействием напевов коми причитаний складывался особый стиль эпических песен коми. Если обратиться к однострочным эпическим напевам коми, в основе которых заложена поэтическая строка с неравнослоговым и неакцентным стихом, то становится очевидным, что формообразующим элементом в таких эпических песнях является напев, например:



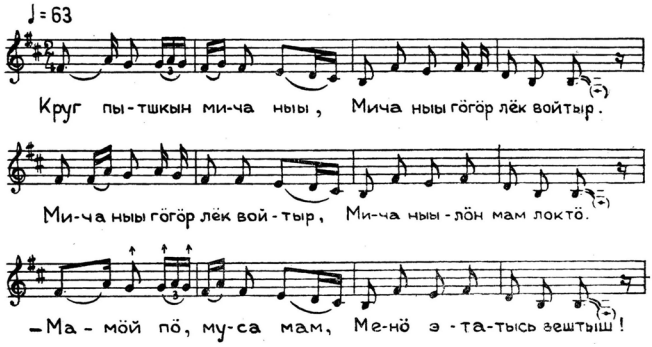
Музыкальному языку коми эпических песен свойственна обобщенность интонационного склада, неспешная сказительская манера произнесения поэтического текста, ровный песенный ритм, развитие напевов в рамках диатонических пятиступенных ладов, в которых сопоставляются терцовые и квартовые тоны, I и II ступени лада:



Начальная и заключительная части данного напева остаются почти неизменными. Незначительные структурно-метрические колебания касаются только серединной части, которые не вносят особых изменений в интонационный строй напева.

В песне «Чожмӧр-ныы» («Девушка-горностай») музыкальное заполнение больше тяготеет к лирическому типу высказывания, на что указывают микрораспевы. В то же время напеву характерны все признаки не только эпического, но причетного начала, которые распознаются в общей ниспадающей мелодической

волне в диапазоне септимы, характерная для эпических напевов тенденция к повышению VI тона, терцовый каданс с конечным повтором основного тона и последующим сбросом вниз, связанным с особым дыханием:



Тот же музыкальный принцип заложен в формообразовании эрзянских причитаний, а эпическое начало, так ярко проявившееся в изучаемой нами причетной культуре мордвы-эрзи, имеет мощное глубинное основание, на генетическом уровне заложенное в песенных культурах многих финно-угорских этнических формаций.

Таким образом, мелодические построения причитаний мордвы-эрзи, карел, ингерманландцев и коми испытали различные стилистические направления. Эрзянские причитания тяготеют больше к эпической выразительности, причитания коми и ингерманландцев склонны к лирическому влиянию, а карельские — сохранили различные типы, определившиеся в различные эпохи исторического развития.

Особенностью песенного фольклора марийцев и удмуртов является отсутствие в их жанровых системах свадебных и похоронных причетов, а также института профессиональных плакальщиц. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд определили марийскую и удмуртскую песенные культуры как культуры лирической песенной традиции[37].

У марийцев и удмуртов также отсутствуют музыкальные эпические формы, хотя в народной традиции имеются эпические устно-поэтические произведения. В работах Т. Г. Перевозчиковой, М. Г. Хрущевой, И. М. Нуриевой и др. приводятся факты фиксации песенных форм, называемых «похоронные», «поминальные», «горестные» напевы[38].

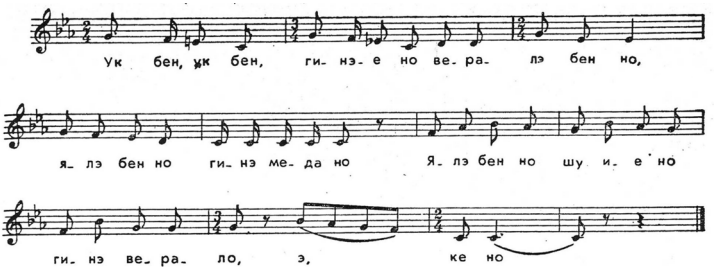
Похоронно-поминальные, свадебные и рекрутские обряды с их художественными формами в удмуртской традиции в целом представляли собой развернутые масштабные комплексы, связанные с развитым обычаем гостевания. Многие ученые отмечают сильное влияние тюркского компонента на песенную культуру данных восточных финно-угорских народов.

В работах Е. В. Гиппиуса, З. В. Эвальд[39], Е. Б. Бойковой[40], В. Е. Владыкина[41], Т. Г. Перевозчиковой[42], Л. С. Христолюбовой[43], И. М. Нуриевой[44], Р. А. Чураковой[45] широко освещаются жанровая система, обрядности и другие вопросы. Однако в этих работах отсутствуют материалы об удмуртских эпических жанрах и, в частности, о причитаниях, вместо которых функционируют во многих случаях поминальные или свадебные мелодии, которые в музыкальном отношении представляют собой варианты гостевых или семейно-родовых песен.

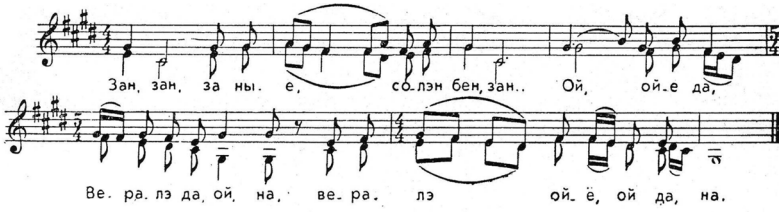
Т. Г. Перевозчикова определила жанр причитаний, функционировавший в похоронно-поминальной, свадебной и рекрутской обрядностях у удмуртов, как переходный жанр от «лиро-эпики в лирику»[46]. Удмуртские причитания могут выходить за рамки определенного обряда и самостоятельно функционировать вне этого обряда, т. е. «жить своей жизнью». Удмуртские похоронные песни относятся «к развитым формам музыкального искусства <…> они приближаются к лирическим песням. Самое главное, что отличает удмуртские похоронно-поминальные напевы от причитаний в целом — это присутствие в них припевных слов, которые таким образом сближают эти напевы с лирическими песнями»[47].

В удмуртской музыкальной народной культуре существует традиция распевания на один и тот же напев как гостевых (застольных) песен, так и поминальных. Этот феномен указывает на глубинную архаическую основу, из которой некогда и возникло жанровое многообразие.

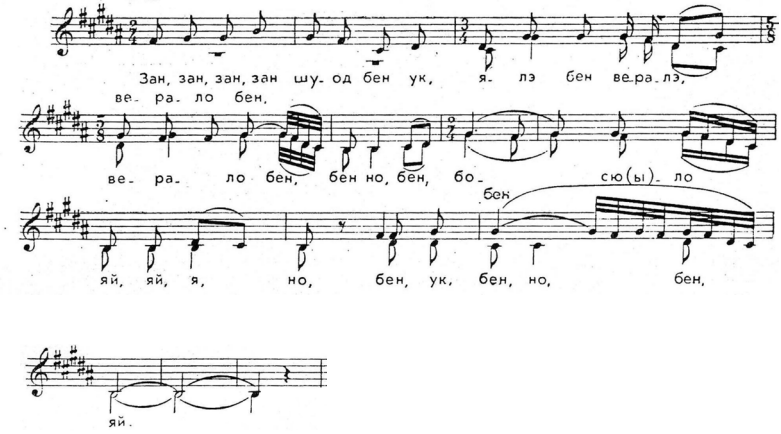
Для удмуртских похоронно-поминальных напевов свойственны широкое мелодическое развитие и напевная декламация[48]:



Удмуртские похоронно-поминальные напевы в основном исполняются коллективно. На 40-й день после похорон приглашаются родственники и соседи (до 40 человек), которые и исполняют за столом поминальные песни, поэтому в многоголосной фактуре этих напевов можно обнаружить своеобразное полифоническое развитие, приводящее иногда к острым диссонансным созвучиям[49]:



или:



Для образной системы удмуртского обрядового фольклора, в частности для причитаний, характерными являются такие поэтические приемы, как метафорические замены, сравнительные конструкции образов-символов, параллелизмы, тавтология, вариационное перечисление и ступенчатое сужение образов.

Особый интерес представляют поэтические тексты удмуртских поминальных песен, в которых говорится о жертвенных животных — корове и лошади, предназначенных для души умершего:

Возьма, дыр, ук, возьма, дыр, ук,	Ждет, наверное, да ждет, наверное,
Палагей песяймы,	ведь бабушка Пелагея,
Отвор гинэ капкаоссэ, ой но, усьтыса.	Отворяющиеся ворота, да свои, ой да, растворив.
Отвор гинэ капкаоссэ(й),	Отворяющиеся, да ворота свои,
ой но(й), усьтыса.	ой да растворив,
Зучы ку но шубаоссэ(й) но(й) дӧсяса.	Лисью шубу свою, да надев

или:

Ондырей но агайлы ыскал сётйськом,	Дяде Андрею корову жертвуем,
Со дуннее мыныса,	На тот свет уйдя,
йӧло-вӧё медло.	молочно-масляной пусть будет.
Со дуннее мыныса,	На тот свет уйдя,
йӧло-вӧё медло.	молочно-масляной пусть будет.
Чеччылом но чигылом выдъёстылэсь	Прыгнем и проломим переводы
сайгактэс,	вашего дома,
Жутылом но поттылом пурисьтам	Поднимем и вынесем
бекчедэс[50].	заплесневевшую бочку.

В таких текстах проявляется архаическая модель потустороннего мира, где умершему понадобятся предметы и вещи, которые необходимы в мире живых.

Последним «путешествием» умершего является «безответная дорога»:

Пригнем и переломим переводы вашего дома,
Поднимем и вынесем заплесневевшую бочку.
В круг вставайте, любимые друзья,
Безответная, да дорога, ой эта.

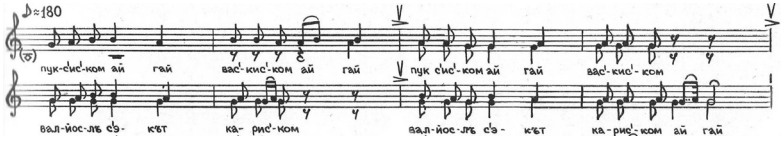
В удмуртской песенной народной культуре отмечается полифункциональность напевов, которые переходят из одного обряда в другой. Иногда один и тот же напев выступает в качестве родового знака*, который функционировал только для определенной семьи, общины. Такое же явление можно проследить в эрзянской певческой традиции. Например, в с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия на каждой улице звучал

* У удмуртов такие знаки назывались бортными пятнами, которыми подписывались различные документы. Свое название они получили от вида традиционного для удмуртов промысла — бортничества. Знаки вырубались на борти с пчелами (см.: **Луппов П. Н.** Удмурты в XV — XVII веках : док. по истории Удмуртии XV — XVII веков. Ижевск, 1958. С. 37).

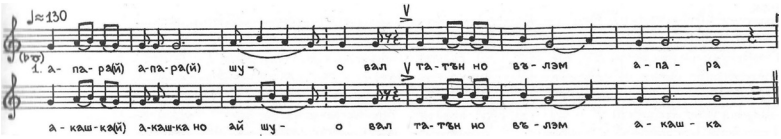
собственный напев, выполнявший функцию родового знака. Наличие родовых напевов в песенных культурах удмуртов и мордвы-эрзи является мощным объединяющим фактором двух отличающихся друг от друга музыкальных традиций.

У завятских удмуртов каждая деревня представлена своим типом деревенского напева, на который распеваются песни гостевые, семейного цикла, обрядовые (масленичные, весенние, пасхальные (песня Акашки), качельные, троицкие и осенние). Ниже представлены разножанровые примеры, которые обладают сходными чертами[51]:

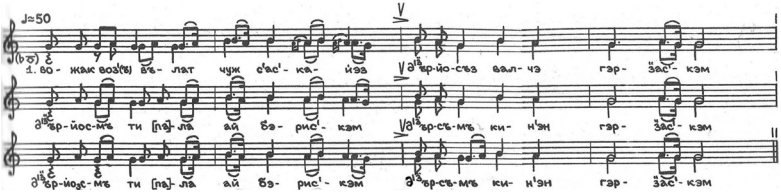
масленичная песня



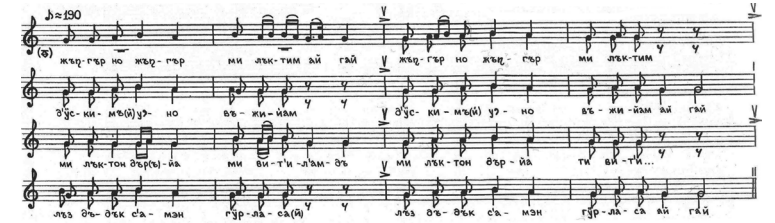
пасхальная (песня Акашки)



троицкая песня



свадебный напев:

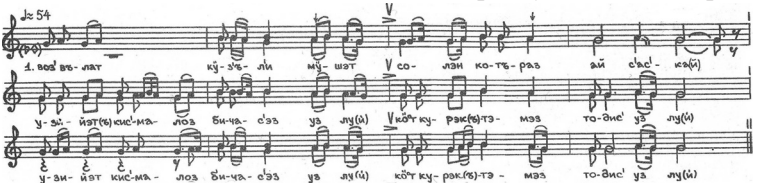


И. М. Нуриева объясняет явление полижанровости напевов присутствием элемента гостевания во всех обрядах. Таким образом гостевая песня становится знаком рода, общины, деревни, что отводит нас к семейно-родовому культу[52].

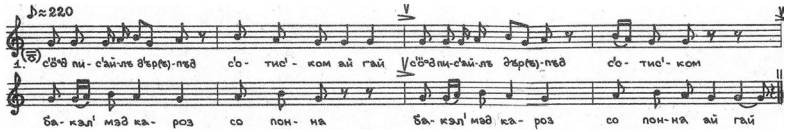
Многие исследователи отмечают в удмуртской традиционной культуре развитый семейно-родовой культ, связанный с особым божеством-покровителем — Воршудом. В каждой семье был свой Воршуд, как по материнской, так и по отцовской линии: «Все удмурты знали, к какому Воршуду они относятся»; у каждого Воршуда было «свое родовое святилище в виде срубной постройки, располагающейся у ручья или какого-либо водоема»[53]. Семейно-родовой культ и связанная с ним обрядовая система предполагали наличие своего собственного родового формульного напева, который принадлежал конкретной семье. При собирании удмуртских песен многие исполнительницы отказывались петь обрядовые песни, объясняя, что: «Я не местная, у нас так не поют»[54] или «<…> поют только в своей деревне или своим родом, чужих не пускают»[55].

Характерными чертами всех напевов являются узкообъемность, не выходящая за пределы большой терции, периодическое повышение II ступени лада, обостряющее движение к вершине источника напева и одновременно придающее оригинальную окраску всей музыкальной системе завятской песенной традиции. Календарно-обрядовые и свадебные напевы объединяет «единый» попевочный словарь, основанный на волнообразном движении к терцовому тону и возвращение к опорному тону. Из этих кратких мотивов-попевок, которые могут варьироваться в количественном соотношении от четырех до шестнадцати, складывается композиция песенной строфы. Количество попевок определяется степенью законченности смысловой поэтической строки.

Поминальные песни данной традиции в содержательном и структурном отношениях типологически родственны обрядовым, гостевым и песням семейного цикла с той лишь разницей, что снимаются четкое скандирование в пении и элементы, связанные с хореографическим движением (припляс, притоп, хлопки и т. д.), и исполняются они в более приглушенной манере[56].



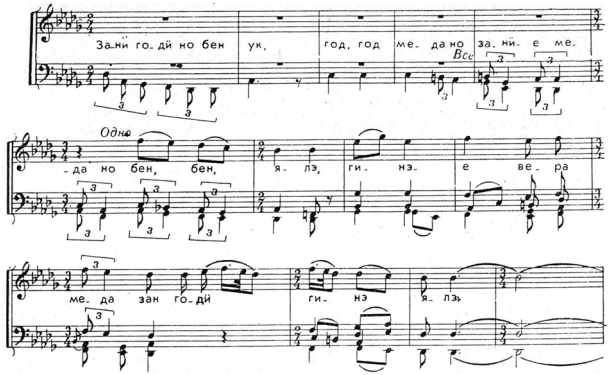
Следующая поминальная песня, исполняемая на сороковой день после похорон (когда покойному выносят последнюю поминальную трапезу), представляет собой как бы сжатый вариант предыдущего напева:



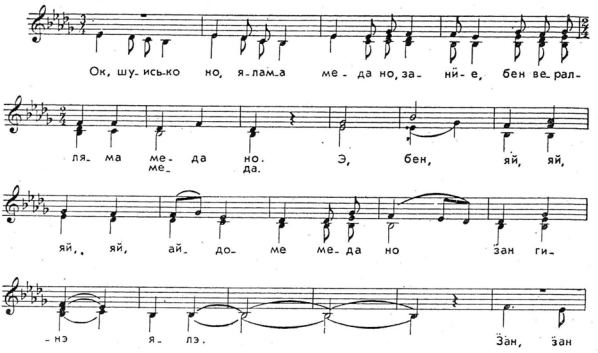
Т. Г. Перевозчикова отмечала наличие «причетных песен», функционировавших в переломные моменты свадебного обряда: невеста, уходя из родительского дома, причитала, прощаясь с родителями. Однако в удмуртской традиции нет каких-либо жестких жанровых правил для такого рода песнопений. Согласно южно-удмуртским традициям, скорбь по умершему не принято было выражать на людях, и тот, кто был не в силах сдержать рыдания, должен уединиться, ибо «плакать над гробом не принято, чтобы слеза не упала на покойника, иначе он на том свете будет плавать в море слез»[57]. В то же время на свадьбе положено было, чтобы невеста поплакала, иначе «будет несчастлива в жизни»[58].

Необходимо отметить, что в удмуртской причетно-песенной традиционной культуре преобладает коллективная форма исполнения. В зависимости от определенной этнической разновидности групп удмуртов, заметны различия в многоголосной фактуре напевов. Так, например, у завятских удмуртов напевы поминальных песен в большинстве гетерофонны, а в южно-удмуртской песенной традиции наблюдается развитое многоголосие с самостоятельными подголосками:

1.



2.



У северных удмуртов бытовали так называемые песни без слов на припевные не переводимые слова. Такие песни мы находим и в мордовском, и марийском музыкальных традиционных культурах.

В марийском и удмуртском фольклоре не существует понятия «причет», но речь может идти о похоронных или поминальных песнях, которые по характеру приближаются к лирическим песням. На наш взгляд, в финно-угорском мире наиболее близкими оказались карельская и эрзянская причетные традиции.

Таким образом, причетные жанры финно-угорских народов распространены весьма неравномерно, их формы разнообразны. Причетные мелодические построения испытали различные стилистические направления. Причитания мордвы-эрзи характеризуются эпическими чертами, причитания коми и ингерманландцев обладают лирической выразительностью, а карельские — сохранили различные стилистические типы, определившиеся в различные эпохи исторического развития.

Библиографические ссылки

[1] **Чистов К. В.** Русская причеть // Причитания. Л., 1960. С. 13.

[2] **Краснопольская Т. В.** Песни Карельского края. Петрозаводск, 1977. С. 44 — 47, № 17.

[3] См.: Карельские причитания. Петрозаводск, 1976. С. 97 — 99.

[4] См.: **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 387.

[5] См.: **Евсеев В. Я.** Исторические основы карело-финского эпоса. М. ; Л., 1960. С. 131 — 140.

[6] **Конкка У. С.** Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 15.

[7] Карельские причитания. С. 41 — 42, № 1.

[8] Там же. С. 48 — 49, № 7.

[9] Там же. С. 69 — 71, № 23.

[10] **Алексеев Э. Е.** Раннефольклорные интонирование : Звуковысотный аспект. М., 1986. С. 64.

[11] **Беляев В. М.** О музыкальном фольклоре и древней письменности. М., 1971. С. 109.

[12] См.: **Краснопольская Т. В.** Указ. соч. С. 48, № 18.

[13] См.: **Кершнер Л.** Карельские народные песни. М., 1962. С. 42, № 3 ; С. 37 — 38, № 1.

[14] См.: **Кондратьева С. Н.** Карельская народная песня. Петрозаводск, 1977. С. 63 — 64, № 22.

[15] Там же. С. 61 — 62, № 20.

[16] См.: **Кершнер Л.** Указ. соч. С. 94 — 95, № 38.

[17] См.: **Краснопольская Т. В.** Указ. соч. С. 88 — 92, № 57.

[18] Коми народные песни : в 3 т. Сыктывкар, 1971. Т. 3. С. 127 — 129, № 55 — 56.

[19] Там же. 1966. Т. 1. С. 232 — 234, № 101.

[20] Там же. С. 10.

[21] Там же. С. 241, № 106.

[22] Там же. С. 243 — 244, № 108.

[23] Там же. Т. 3. С. 180 — 181, № 84.

[24] Там же. Т. 1. С. 66.

[25] Там же. Т. 3. С. 131 — 132, № 57.

[26] Там же. С. 172 — 173, № 80.

[27] См.: **Белицер В. Н.** Основные итоги этнографического изучения финно-угорских народов СССР за последнее десятилетие // Международный конгресс финно-угроведов. Будапешт, 1960. С. 327.

[28] **Кершнер Л.** Указ. соч. С. 86 — 87, № 33.

[29] Коми народные песни. Т. 3. С. 130, № 56.

[30] Там же. С. 130, № 56 а.

[31] Там же. С. 242, № 107.

[32] См.: **Калинина Е. Н.** Межжанровые связи свадебного причета и лирической песни в коми фольклоре // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 182 — 189.

[33] Коми народные песни. Т. 1. С. 237, № 103.

[34] Там же. С. 240, № 105.

[35] Там же. Т. 3. С. 121 — 122, № 52.

[36] Там же. С. 239.

[37] См.: **Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.** К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Зап. УдНИИ. Ижевск, 1941. Вып. 10. С. 63.

[38] См.: **Перевозчикова Т. Г.** Свадебная песня как основа воссоздания поэтических форм эпоса пермских народов // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора. Устинов, 1986 ; **Ее же.** Своеобразие жанра причитаний в удмуртской литературе и фольклоре // Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора. Устинов, 1986 ; **Хрущева М. Г.** О свадебных напевах удмуртов (К проблеме этнического и диалектного) // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов.

Таллин, 1986. С. 332 — 341 ; **Нуриева И. М.** Песни завятских удмуртов // Зап. УИИЯЛ УрОРАН. Ижевск, 1995. Вып. 1.

[39] См.: **Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.** Указ. соч.

[40] См.: **Бойкова Е. Б.** О классификации жанров южно-удмуртского музыкального фольклора // Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора. Устинов, 1986.

[41] См.: **Владыкин В. Е.** Религиозные верования // Удмурты : историко-этногр. очерки. Ижевск, 1993. С. 232 — 250 ; **Владыкин В. Е., Чуракова Р. А.** Обряд «Йыр-пыд сётон» в поминальном ритуале удмуртов // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 108 — 133.

[42] См.: **Перевозчикова Т. Г.** Своеобразие жанра причитаний в удмуртской литературе и фольклоре.

[43] См.: **Христолюбова Л. С.** Погребальный ритуал удмуртов // Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978.

[44] См.: **Нуриева И. М.** Импровизация в песенном искусстве удмуртов в контексте финно-угорских культур // Русский Север и восточные финно-угры : Проблемы пространственно-временного фольклорного диалога. Ижевск, 2005. С. 205 — 217.

[45] См.: **Чуракова Р. А.** Песни южных удмуртов // Зап. УИИЯЛ УрОРАН. Ижевск, 1999. Вып. 2.

[46] **Перевозчикова Т. Г.** Своеобразие жанра причитаний в удмуртской литературе и фольклоре. С. 273.

[47] Там же.

[48] См.: **Травина И. К.** Удмуртские народные песни. Ижевск, 1964. С. 131, № 67.

[49] Там же.

[50] См.: **Бойкова И. К., Владыкин Т. Г.** Песни южных удмуртов : материалы и исслед. // Зап. УИИЯЛ УрОРАН. Ижевск, 1992. Вып. 1. С. 110.

[51] См.: **Нуриева И. М.** Песни завятских удмуртов. С. 15, № 1 ; С. 21, № 6.

[52] Там же.

[53] **Владыкин В. Е.** Религиозные верования. С 241 — 242.

[54] **Голубкова А. Н.** Народная музыка // Удмурты : историко-этногр. очерки. Ижевск, 1993. С. 276 — 284.

[55] **Нуриева И. М.** Песни завятских удмуртов. С. 7.

[56] Там же. С. 76 — 77.

[57] **Перевозчикова Т. Г.** Устно-поэтическиое творчество // Удмурты : историко-этногр. очерки. Ижевск, 1993. С. 22.

[58] **Нуриева И. М.** Песни завятских удмуртов. С. 11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев эрзянские причитания, мы можем констатировать, что поэтические и мелодические тексты эволюционировали неравномерно. Вместе с тем каждая исполнительская версия причитания представляет собой нерасторжимое целое, тесно спаянное из поэтических и мелодических форм.

В поэтике эрзянских причетных форм были выделены две стороны: семантическая, раскрывающая образы, символику и поэтические приемы, и структурная, описывающая композиционные формы и принципы организации поэтических текстов.

Отличительной чертой похоронно-поминальных причитаний мордвы-эрзи является персонификация «действующих лиц» с помощью собственных имен. Подобный факт отсутствует у карел и ингерманландцев, поскольку собственные имена в причитаниях строго подвергались табу, что дало толчок к развитию метафорических замен. Необходимо отметить, что в более ранних источниках в причитаниях мордвы-эрзи собственные имена не фиксировались. Можно предположить, что обычай внедрять в причитания собственные имена был заимствован у русских.

В мелодике причетных форм у мордвы-эрзи ярко выделяются две характерные стороны: силлабический принцип распева и архаическое ладовое устройство — преимущественно трихордового склада в терцовой ячейке. Распевы эрзянских причитаний осуществляются в форме одиночных, вариантно повторяющихся мелодических строк с одинаковыми окончаниями. Это более ранняя форма интонирования, чем у калевальских распевов карел, в которых наблюдается образование парной мелострофы с помощью кадансовых построений на II и I ступенях. Вышеперечисленные формы эрзянских причетных распевов совпадают с эпическими музыкальными жанрами, в которых также наблюдается силлабический принцип распева мелостроки малоступенного склада в объеме терции и кварты. Такое сходство наталкивает на мысль, что эти черты эрзянских причитаний обладают таким генетическим свойством, как отсутствие реакции поэтического текста на мелодическое движение, другими словами, поэтические эмоциональные всплески не влияют на ход мелодического движения сказительского характера, агогически равномерного, выполняющего мнемоническую функцию

запоминания больших эпических текстов. Возможно, эрзянские причитания сформировались и жанрово оформились в период расцвета патриархального общественного строя, когда песни о событиях племени, о предводителях, героях распевались на общие, коллективные мелодии, совместные, на наш взгляд, с плачевыми и свадебными песнопениями. Тогда еще не было индивидуального стиля, появившегося значительно позже в период лирического восприятия и отражения жизни. В настоящее время подобное можно наблюдать у северных карел, у которых свадебные, колыбельные песни, причитания и песни на лирические тексты одинаково распеваются на рунические мелодии с пятисложной метроритмической формулой.

В связи с процессом распада патриархального общества эпические тексты потеряли функцию, постепенно выйдя из употребления. Причитания сохранили этот эпический мелос, который в свое время практиковали рапсодии. Эти эпические мелодии (несколько интонационно безликие), не обладающие индивидуализированными чертами, но наделенные мнемоническим свойством способствовать запоминанию обширных эпических текстов, в таком архаическом виде существуют до настоящего времени, причем их не коснулась лиризация более позднего времени, потому что жанровые черты их созрели, «откристаллизовались» и прочно закрепились в народном сознании. Этому способствовала традиция «причитания в платок», когда исполнительница к губам прикладывала край платка, звучание сдерживалось, динамически ограничивалось, а распев мелодически сужался, сглаживался и более походил на эпическую сказительскую манеру. В связи с этим мы пришли к такому выводу: эрзянские причитания коренятся в недрах эпически-сказительских жанров мордовской духовной культуры, истоки их восходят к этапу становления эпических форм, разумеется, еще до распада патриархальной племенной организации общественной жизни мордовского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Э. Е. Раннефольклорное интонирование : Звуковысотный аспект / Э. Е. Алексеев. М., 1986. 240 с.

Атаманов М. Г. Погребальный ритуал южных удмуртов (конец XIX — начало XX в.) / М. Г. Атаманов, В. Е. Владыкин // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. С. 131 — 153.

Ауновский В. Этнографический очерк мордвы-мокши / В. Ауновский // Из памятной книжки Симбирской губернии на 1869 г. С. 85 — 107.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре : Структурно-семантич. анализ восточнослав. обрядов / А. К. Байбурин. СПб., 1993. 240 с.

Балашов В. А. Структура семьи и ее уклад / В. А. Балашов // Мордва : ист.-культур. очерки. Саранск, 1995. С. 209 — 222.

Баранов П. Н. Свадебные обряды мордвы-эрзи (Из быта крестьян Бузаевской и Неклюдовской волостей Ардатовского уезда Симбирской губернии) / П. Н. Баранов // Этногр. обозрение. 1910. № 3 — 4. С. 117 — 129.

Барсов Е. В. Погребальные обычаи на севере России / Е. В. Барсов // Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872. Т. 1.

Беззубова Ф. И. Песни и сказы / Ф. И. Беззубова. Саранск, 1955. 67 с.

Белицер В. Н. Народная одежда мордвы / В. Н. Белицер // Тр. Мордов. этногр. экспедиции. М., 1973. Т. 101 ; вып. 3. 216 с.

Беляев В. М. О музыкальном фольклоре и древней письменности / В. М. Беляев. М., 1971. 238 с.

Биленко М. В. О мордовской семье XVII века / М. В. Биленко // Совет. этнография. 1979. № 1. С. 92 — 104.

Бойкова Е. Б. О классификации жанров южноудмуртского музыкального фольклора / Е. Б. Бойкова // Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора : сб. ст. Устинов, 1986. С. 50 — 52.

Бойкова Е. Б. Песни южных удмуртов : материалы и исслед./ Е. Б. Бойкова, Т. Г. Владыкина // Зап. УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1992. Вып. 1.

Бордюг Н. Д. О музыкальном складе мордовских свадебных плачей (На примере мордовских сел Горьковской области) / Н. Д. Бордюг // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 28 — 38.

Бояркин Н. И. К вопросу о роли вокальной и инструментальной музыки в мордовских обрядах и ее жанровой специфике / Н. И. Бояркин // Вопросы мордовского фольклора. Саранск, 1974. С. 76 — 103. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 56).

Бояркин Н. И. Об устно-поэтических и фольклорно-музыкальных истоках мордовского народного эпоса / Н. И. Бояркин, Л. С. Кавтаськин // Вопросы финно-угорского фольклора. Саранск, 1974. С. 168 — 194. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 50).

Бояркин Н. И. Мокша-мордовские плачи об умерших и черты сходства их строфового строя с карельскими плачами / Н. И. Бояркин // Проблемы изучения музыкального фольклора русского и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада : тезисы докл. М., 1977. С. 6 — 7.

Бояркина Л. Б. Плачи по умершим у эрзи Заволжья / Л. Б. Бояркина // Финно-угорский музыкальный фольклор : Проблемы синкретизма. Таллин, 1982. С. 15 — 16.

Бояркина Л. Б. Эрзя-мордовское народное песенное искусство Среднего Заволжья и его взаимосвязи с традиционной русской песней : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения / Л. Б. Бояркина. Саранск, 1984. 18 с.

Бояркина Л. Б. Мордовское народное музыкальное творчество / Л. Б. Бояркина. Саранск, 1988. 24 с.

Бутузов Ф. Верования и культ мордвы (эрзи) с. Сабанчеева Алатырского уезда Симбирской губернии / Ф. Бутузов // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. 1893. Вып. 4 ; т. 11. С. 381 — 385.

Васильев В. М. Марий муро=Марийские песни / В. М. Васильев. М., 1923. 88 с.

Васильев В. М. Марий муро=Марийские песни / В. М. Васильев. Йошкар-Ола, 1937. 143 с.

Викар Л. Финно-угорские и тюркские взаимовлияния в музыке / Л. Викар // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях : сб. науч. тр. Ижевск, 2002. С. 8 — 16.

Владыкин В. Е. Обряд «Йыр-пыд сётон» в поминальном ритуале удмуртов / В. Е. Владыкин, Р. А. Чуракова // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 108 — 133.

Владыкин В. Е. Религиозные верования / В. Е. Владыкин // Удмурты : ист.-этногр. очерки. Ижевск, 1993. С. 232 — 250.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор : Проблемы жанровой эволюции и систематики / Т. Г. Владыкина. Ижевск, 1998. 356 с.

Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. / Н. Н. Воронин // Краеведч. зап. Ярославль, 1960. Вып. 4.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей : в 4 ч. / И. Г. Георги. СПб., 1792. Ч. 1. 89 с.

Гераклитов А. А. Материалы по истории мордвы : сб. выписок из печатных источников (X — XVIII вв.) / А. А. Гераклитов. М. ; Л., 1931. 124 с.

Гераклитов А. А. Алатырская мордва по переписям 1624 — 1626 гг. / А. А. Гераклитов. Саранск, 1938. 11 с.

Герасимов О. М. Некоторые замечания о музыкальном фольклоре елабужской группы восточных мари / О. М. Герасимов // Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977. С. 402 — 437.

Герасимов О. М. Марийские песни из Татарии и Удмуртии / О. М. Герасимов. М., 1978. 48 с.

Герасимов О. М. К постановке вопроса об этномузыкальных связях елабужских мари и кряшен / О. М. Герасимов // Финно-угорский музыкальный фольклор во взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980. С. 267 — 274.

Герасимов О. М. Свадебные песни мари / О. М. Герасимов // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 134 — 142.

Герасимов О. М. Жанр рекрутской песни в марийском музыкальном фольклоре / О. М. Герасимов // Традиционная музыка народов Поволжья и Приуралья. Казань, 1989. С. 120 — 125.

Гилярова Н. Н. Особенности свадебных традиций поселения Пензенской области / Н. Н. Гилярова // Этногр. обозрение. 1996. № 2. С. 30 — 50.

Гилярова Н. Н. Об особенностях весенних хороводных песен русско-мордовского пограничья (Пензенская область) / Н. Н. Гилярова // Проблемы композиции народной песни. М., 1997. С. 107 — 126.

Гимади Х. Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды / Х. Г. Гимади // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1.

Гиппиус Е. В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни / Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд // Зап. НИИ. Ижевск, 1941. Вып. 10. С. 61 — 88.

Гиппиус Е. В. Удмуртские народные песни / Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд. Ижевск, 1989. 84 с.

Гиппиус Е. В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья / Е. В. Гиппиус // Традиционное народное музыкальное искусство и современность: вопросы типологии : сб. тр. М., 1982. С. 89 — 102.

Гиппиус Е. В. Мелодический склад, мыслимый вне гармонии и тактовой ритмики, и мелодический склад, гармонически опосредованный / Е. В. Гиппиус // Материалы и статьи : К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. М., 2003. С. 65 — 70.

Гнатюк Д. Н. О ладомелодических особенностях свадебных причитаний мордвы-эрзи Присурья / Д. Н. Гнатюк // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск, 2002. С. 198 — 210.

Голицын Ф. С. Мордва в Хвалынском уезде / Ф. С. Голицын // Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1 ; отд. 1. С. 177 — 194.

Голубкова А. Н. Народная музыка / А. Н. Голубкова // Удмурты : ист.-этногр. очерки. Ижевск, 1993. С. 276 — 284.

Гомон А. А. Песни ижор / А. А. Гомон // Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977. С. 282 — 289.

Гребнев М. С. Мордва Самарской губернии : ист.-этногр. очерк / М. С. Гребнев // Самар. епарх. ведомости. 1886. № 23. С. 455 — 464.

Данилов В. Элементы древней эрзя-мордовской свадьбы, исполняемые на современной свадьбе села Мордовское Афонькино Татарской АССР / В. Данилов // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 156 — 168.

Девяткина Т. П. Мокшанские свадебные обряды и песни (в прошлом и настоящем) / Т. П. Девяткина. Саранск, 1992. 190 с.

Девяткина Т. П. Свадебные обряды и песни мордвы (мокши и эрзи) / Т. П. Девяткина. Саранск, 1995. 58 с.

Девяткина Т. П. Мифология мордвы / Т. П. Девяткина. Саранск, 1998. 335 с.

Дорохова Е. А. Виды ритуального вокального интонирования и структура традиционного сообщества / Е. А. Дорохова // Голос и ритуал : материалы конф. М., 1995. С. 89 — 92.

Духовное наследие народов Поволжья : Живые истоки. Самара, 2001. 536 с.

Евсевьев М. Е. Языческое моление у мордвы Пензенской губернии / М. Е. Евсевьев // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. Казань, 1912. Т. 28 ; вып. 4. С. 43 — 44.

Евсевьев М. Е. Мордва Татреспублики / М. Е. Евсевьев // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925. Вып. 2. С. 179 — 196.

Евсевьев М. Е. Эрзянь морот / М. Е. Евсевьев. М., 1928. 184 с.

Евсевьев М. Е. Эрзянь-рузонь валкс / М. Е. Евсевьев. М., 1931. 236 с.

Евсевьев М. Е. Мордовская свадьба / М. Е. Евсевьев. М., 1931. 315 с.

Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. / М. Е. Евсевьев. Саранск, 1961 — 1966. Т. 1 — 5.

Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса : в 2 кн. / В. Я. Евсеев. М. ; Л., 1960. Кн. 2. 384 с.

Еремина В. И. Ритуал и фольклор / В. И. Еремина. Л., 1991. 208 с.

Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть (Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область)) / Б. Б. Ефименкова. М., 1980. 392 с.

Жуковская Н. Л. От Карелии до Урала / Н. Л. Жуковская, Н. Ф. Мокшин. М., 1998. 320 с.

Иванов И. С. К вопросу о классификации старинных марийских народных песен / И. С. Иванов // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972. С. 65 — 169.

Имайкина В. Л. Особенности построения мордовских календарных обрядовых песен / В. Л. Имайкина // Вопросы финно-угорского фольклора. Саранск, 1974. С. 65 — 85. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 50).

Имяреков М. Г. Лирика душевной печали (Мордовская обрядовая поэзия. Причитания) / М. Г. Имяреков. Саранск, 1995. 100 с.

Кавтаськин Л. С. Эрзянь фольклор / Л. С. Кавтаськин. Саранск, 1939. 402 с.

Кавтаськин Л. С. Мордовская народная песня / Л. С. Кавтаськин. М., 1950. 324 с.

Кавтаськин Л. С. К вопросу об изучении мордовского устного народного творчества / Л. С. Кавтаськин // Зап. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1951. Вып. 12. С. 66 — 82.

Кавтаськин Л. С. Мордовские народные песни / Л. С. Кавтаськин. Саранск, 1955. 88 с.

Кавтаськин Л. С. Эрзянь-мокшонь морот, сказт ды балладат / Л. С. Кавтаськин, П. С. Кириллов, К. Т. Самородов. Саранск, 1958.

Кавтаськин Л. С. Пережитки обрядов, причитаний и песен, связанных с древним мордовским обычаем имитации свадьбы при похоронах умершей девушки / Л. С. Кавтаськин // Фольклор и этнография : Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 160 — 164.

Кавтаськин Л. С. Мордовские причитания и плачи / Л. С. Кавтаськин // Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Саранск, 1975. С. 96 — 126.

Калинина Е. Н. Межжанровые связи свадебного причета и лирической песни в коми фольклоре / Е. Н. Калинина // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 182 — 189.

Касьянова А. И. Мордовские эрзянские похоронные причитания / А. И. Касьянова // Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977. С. 385 — 399.

Карельские причитания / сост. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976. 534 с.

Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор : История литературы Карелии / Э. Г. Карху. СПб., 1994. 240 с.

Кершнер Л. Карельские народные песни / Л. Кершнер. М., 1962. 130 с.

Кирюшина Т. В. Голос в народной терминологии Верхнего Поволжья / Т. В. Кирюшина // Голос и ритуал. М., 1995. С. 72 — 73.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг. / А. П. Ковалевский. Харьков, 1956. 344 с.

Коми народные песни : в 3 т. / сост. А. К. Микушев, П. И. Чисталев. Сыктывкар, 1966. Т. 1. 292 с. ; 1968. Т. 2. 290 с. ; 1971. Т. 3. 256 с.

Кондратьева С. Н. Карельская народная песня / С. Н. Кондратьева. Петрозаводск, 1977. 282 с.

Конкка У. С. Карельские обрядовые плачи / У. С. Конкка. Петрозаводск, 1992. 296 с.

Коргузалов В. В. Структуры сказительской речи в русском эпосе / В. В. Коргузалов // Русский фольклор. М. ; Л., 1966. Т. 10. С. 127 — 148.

Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: ист. корни, структура, форма бытования / Г. А. Корнишина. Саранск, 2000. 150 с.

Коукаль В. Марий калык муро=Марийские народные песни / В. Коукаль. М. ; Л., 1951. 340 с.

Краснопольская Т. В. Песни Карельского края / Т. В. Краснопольская. Петрозаводск, 1977. 264 с.

Краснопольская Т. В. К изучению мелодики карельских свадебных причитаний / Т. В. Краснопольская // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 190 — 199.

Кузнецов С. К. Сообщение о мордве-каратаях / С. К. Кузнецов // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. Казань, 1886. Т. 6 ; вып. 1. С. 7 — 9.

Кузнецова В. П. Причитания в северорусском свадебном обряде / В. П. Кузнецова, Б. Н. Путилов. Петрозаводск, 1993. 177 с.

Кульшетов Д. М. Вурзым муро аршаш=Песни уржумских мари / Д. М. Кульшетов. Йошкар-Ола, 1971. 216 с.

Кульшетов Д. М. К вопросу о классификации марийских народных песен / Д. М. Кульшетов // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1994. С. 51 — 66.

Лапин В. А. Фольклорное двуязычие : Феномен и процесс / В. А. Лапин // Искусство устной традиции : Ист. морфология. СПб., 2002. С. 28 — 38.

Легенды и предания мордвы. Саранск, 1982. 120 с.

Леонтьев А. С. Село Оркино Озерской волости Саратовского уезда / А. С. Леонтьев // Саратов. губерн. ведомости. 1884. № 47. С. 3 — 4.

Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и АН адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. / И. И. Лепехин. СПб., 1771. Т. 1. 538 с.

Лобанов М. А. Традиционные напевы южносибирской мордвы (песни, причитания) / М. А. Лобанов // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений. Саранск, 2008. С. 343 — 393.

Луппов П. Н. Удмурты в XV — XVII веках : док. по истории Удмуртии XV — XVII веков / П. Н. Луппов. Ижевск, 1958. 420 с.

Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы / В. Н. Майнов. Саранск, 2007. 296 с.

Марк К. Ю. Этническая антропология мордвы / К. Ю. Марк // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 118 — 119. (Тр. / Мордов. этногр. экспедиции ; вып. 1).

Маркелов М. Т. Саратовская мордва / М. Т. Маркелов // Саратов. этногр. сб. 1922. Вып. 1. С 51 — 238.

Маркелов М. Т. Система родства финно-угорских народностей / М. Т. Маркелов // Этнография. 1928. № 1. С. 44 — 78.

Маркелов М. Т. Мокшэрзятнень эрямо пингест / М. Т. Маркелов. М, 1929. 186 с.

Маркелов М. Т. Мордва / М. Т. Маркелов // Религиозные верования народов СССР. М. ; Л., 1931. Т. 2. С. 190 — 212.

Маркелов М. Т. Мордовская деревня по данным эрзянского предреволюционного фольклора / М. Т. Маркелов // Совет. фольклор. М. ; Л., 1936. Вып. 4 — 5. С. 269 — 280.

Мартынов А. И. Мордва в Нижегородском уезде (Из заметок 1863 г.) / А. И. Мартынов // Нижегород. губерн. ведомости. 1865. № 24. С. 190 — 194.

Маскаев А. И. О мордовской фольклористике / А. И. Маскаев // Уч. зап. Мордов. гос. ун-та. Саранск, 1963. № 23. С. 3 — 26.

Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня / А. И. Маскаев. Саранск, 1964. 440 с.

Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. / Г. С. Маслова. М., 1984. 216 с.

Мачинская П. Песни мордвы-ёрзи / П. Мачинская // Этногр. обозрение. 1898. № 36 — 39. С. 152 — 155.

Мельников П. И. (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. : в 8 т. / П. И. Мельников. СПб., 1909. Т. 7. 386 с.

Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы / П. И. Мельников. Саранск, 1981. 132 с.

Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры / А. М. Мехнецов // Материалы Международных конференций памяти А. В. Рудневой. М., 1999. С. 178 — 183.

Микушев А. К. Коми эпические песни и баллады / А. К. Микушев. Л., 1969. 292 с.

Микушев А. К. Общность и специфика фольклорных традиций финно-пермских народов / А. К. Микушев // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. С. 56 — 60.

Милькович К. С. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия / К. С. Милькович // Тамбов. епарх. ведомости. 1905. № 18. С. 815 — 831.

Митропольский К. Мордва : Религиозные воззрения, их нравы и обычаи / К. Митропольский // Тамбов. епарх. ведомости. 1876. № 12. С. 355 — 365, 371 — 378.

Можаровский А. Руссо-мордвы на Нижегородской почве / А. Можаровский // Нижегород. губерн. ведомости. 1895. № 36. С. 1 — 3.

Мокшин Н. Ф. Происхождение и сущность мордовских дохристианских религиозных праздников / Н. Ф. Мокшин // Уч. зап. Мордов. гос. ун-та. Саранск, 1965. Вып. 1. С. 116 — 120.

Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы / Н. Ф. Мокшин. Саранск, 1968 ; 1998.

Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос / Н. Ф. Мокшин. Саранск, 1989. 160 с.

Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников / Н. Ф. Мокшин. Саранск, 1993. 240 с.

Мокшин Н. Ф. Мордва / Н. Ф. Мокшин // Народы Поволжья и Приуралья : Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 330 — 427.

Мордва : Очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004. 992 с.

Мордва-каратаи: язык и фольклор. Казань, 1991. 152 с.

Мордовские легенды // Мифы и легенды народов мира : Народы России. М., 2004. С. 268 — 286.

Мордовские народные песни / сост. Г. И. Сураев-Королев (напевы), Л. С. Кавтаськин (тексты). М., 1957. 164 с.

Мордовские народные песни / сост. П. С. Кириллов, Л. С. Кавтаськин. М., 1957. 271 с.

Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910. 848 с.

Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Саранск, 1975. 432 с.

Народные песни Ингерманландии / сост. Э. Киуру, Т. Коски, Э. Кюльмясу. Л., 1974. 516 с.

Народы Поволжья и Приуралья : Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. 579 с.

Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов / И. М. Нуриева // Зап. УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1995. Вып. 1. 232 с.

Нуриева И. М. Импровизация в песенном исскустве удмуртов в контексте финно-угорских культур / И. М. Нуриева // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-врем. фольк. диалога. Ижевск, 2006. С. 206 — 217.

Одинокова Т. И. О ритмике мордовских народных эпических песен / Т. И. Одинокова // Вопросы финно-угорского фольклора. Саранск, 1974. С. 76 — 103. (Тр. / НИИЯЛИ ; вып. 50).

Одинокова Т. И. Музыкально-стиховая ритмика в свадебной лирике мордвы / Т. И. Одинокова // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 210 — 218.

Орлов Н. Н. Мордва-мокша / Н. Н. Орлов // Пензен. епарх. ведомости. 1876. № 106. С. 110 — 112.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи (в 1768 г.) / П. С. Паллас. СПб., 1809. Ч. 1. 116 с.

Памятники мордовского народного музыкального искусства : в 3 т. Саранск, 1981. Т. 1. 292 с. ; 1988. Т. 3. 336 с.

Пашина О. А. Мир живых и мир мертвых в музыкальных звуках / О. А. Пашина // Голос и ритуал. М., 1995. С. 76 — 79.

Перевозчикова Т. Г. Свадебная песня как основа воссоздания поэтических форм эпоса пермских народов / Т. Г. Перевозчикова // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора. Устинов, 1986. С. 21 — 31.

Перевозчикова Т. Г. Своеобразие жанра причитаний в удмуртской литературе и фольклоре / Т. Г. Перевозчикова // Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора. Устинов, 1986. С. 18 — 49.

Перевозчикова Т. Г. Устно-поэтическое творчество / Т. Г. Перевозчикова // Удмурты : ист.-этногр. очерки. Ижевск, 1993. С. 271 — 276.

Плесовский Ф. В. Свадьба народов коми (Обряды и причитания) / Ф. В. Плесовский. Сыктывкар, 1968. 320 с.

Поздяев (Сибиряк) И. С. Урьвакстома койть ды морот / И. С. Поздяев. Саранск, 1936. 296 с.

Попов М. Селиксенские мордвы / М. Попов // Санкт-Петербург. ведомости. 1834. № 34 — 37.

Примеров А. С. Религиозные обряды и суеверные обычаи мордвы Краснослободского уезда / А. С. Примеров // Пензен. епарх. ведомости. 1870. № 16. С. 521 — 531.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность : избр. ст. / В. Я. Пропп. М., 1976. 326 с.

Путилов Б. Н. К типологии межэтнических фольклорных связей: природа, закономерности, механизм / Б. Н. Путилов // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. С. 7 — 12.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. СПб., 2003. 464 с.

Рогачев В. И. Семейно-родовые знаки мордвы / В. И. Рогачев // Мордва : Очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004. С. 858 — 875.

Рубцов Ф. А. Основы ладового строения русских народных песен / Ф. А. Рубцов. Л., 1964. 96 с.

Самородов К. Т. История собирания и изучения мордовского фольклора / К. Т. Самородов // Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Саранск, 1975. С. 11 — 41.

Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия / К. Т. Самородов. Саранск, 1980. 168 с.

Серебренников Б. А. История мордовского народа по данным языка / Б. А. Серебренников // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 237 — 256.

Слесарева М. Т. Ритмические основы и звуковая организация стиха свадебных песен восточных финно-угров / М. Т. Слесарева // Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1983. С. 26 — 29.

Слесарева М. Т. Метафорическая образность свадебной поэзии восточных финно-угров / М. Т. Слесарева // Вопросы истории и поэтики удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1984. С. 100 — 112.

Слесарева М. Т. Образная система свадебных песен восточных финно-угров и их сопоставимость с эпосом финно-угорских народов / М. Т. Слесарева // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. Устинов, 1986. С. 32 — 40.

Смирнов А. П. Заметки о мордве и памятниках мордовской старины в Нижегородской губернии / А. П. Смирнов // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. Казань, 1893. Т. 11 ; вып. 3. С. 286 — 290.

Смирнов А. П. Очерки по истории древних булгар / А. П. Смирнов // Тр. Гос. ист. музея. 1940. Т. 11. С. 89 — 90.

Смирнов А. П. Этногенез мордовского народа по данным археологии I — XV вв н.э. / А. П. Смирнов // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 18 — 28.

Смирнов К. А. Эрвел марий муро=Песни восточных мари / К. А. Смирнов. Йошкар-Ола, 1951. 220 с.

Смирнов К. А. Олык марий муро=Песни луговых мари / К. А. Смирнов. Йошкар-Ола, 1955. 228 с.

Снежницкий А. Мордовский праздник «Вармавы» (Вербного воскресения) и «Вирявы» / А. Снежницкий // Пензен. епарх. ведомости. 1871. № 19. С. 588 — 597, 627 — 634.

Старостина Т. А. К вопросу о «бурдонской полифонии» (О некоторых парадоксальных свойствах мокша-мордовского многоголосия) / Т. А. Старостина // Проблемы композиции народной песни. М., 1997. Вып. 10. С. 120 — 126.

Степанов П. Д. К вопросу о роли фольклорных материалов в освящении древней истории мордвы / П. Д. Степанов // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972. С. 50 — 54.

Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний / А. С. Степанова. Л., 1985. 222 с.

Степанова А. С. Карельские свадебные причитания и ритуальная свадебная баня / А. С. Степанов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 398 — 399.

Сураев-Королев Г. И. Мордовские народные песни / Г. И. Сураев-Королев. Саранск, 1969. 344 с.

Сушкова Ю. Н. Мордва-духоборы Канады (К вопросу изучения диаспоры) / Ю. Н. Сушкова // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений. Саранск, 2008. С. 319 — 342.

Сырескин А. И. О некоторых композиционных особенностях свадебных песен теньгушевской мордвы / А. И. Сырескин, Т. А. Старостина // Проблемы композиции народной песни. М., 1997. С. 127 — 134.

Терехин В. М. Исторические материалы в отношении инородцев Пензенского края конца XVII в. / В. М. Терехин // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. 1897. Т. 14 ; вып. 2. С. 195 — 202.

Толстая С. М. Обрядовое голошение: лексика и семантика / С. М. Толстая // Голос и ритуал. М., 1995. С. 60 — 62.

Травина И. К. Удмуртские народные песни / И. К. Травина. Ижевск, 1964. 228 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа : в 11 т. Саранск, 1963. Т. 1; 1972. Т. 6 ; ч. 1; 1975. Т. 6 ; ч. 2; 1979. Т. 7 ; ч. 1.

Ушаков А. Свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни / А. Ушаков // Старица. СПб., 1903. С. 51 — 52.

Фадеева Л. В. «Гостевание» и «пирование» в похоронных причитаниях и похоронно-поминальных обрядах русских (в сравнении с финно-уграми) / Л. В. Фадеева // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-врем. фольклорного диалога. Ижевск, 2006. С. 170 — 179.

Филоненко В. Погребальные и свадебные обряды черемис Уфимской губернии / В. Филоненко // Вестн. Оренбург. учеб. округа. Уфа, 1912. № 2 ; отд. 4.

Фольклор Чкаловской области. Чкаловск, 1940. 420 с.

Фроянов И. Я. О языческих «переживаниях» в Верхнем Поволжье второй половины XI в. / И. Я. Фроянов // Русский Север : Проблемы этнокультур. истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 30 — 49.

Фукс К. Ф. Поездка из Казани к мордве Казанской губернии / К. Ф. Фукс // Журн. Мин-ва внутр. дел. СПб., 1839. № 10. С. 85 — 118.

Христолюбова Л. С. Погребальный ритуал удмуртов / Л. С. Христолюбова // Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 71 — 86.

Хрущева М. Г. О свадебных напевах удмуртов (К проблеме этнического и диалектного) / М. Г. Хрущева // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 332 — 341.

Чистов К. В. Русская причеть / К. В. Чистов // Причитания. Л., 1960. С. 5 — 9.

Чистов К. В. Причитания у славянских и финно-угорских народов : Некоторые итоги и проблемы / К. В. Чистов // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 100 — 113.

Чистяков В. А. Представление о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX — XX вв. / В. А. Чистяков // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 114 — 127.

Чувашев М. И. Мордовские (эрзянские) причитания / М. И. Чувашев // Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977. С. 353 — 384.

Чувашев М. И. Мордовские (эрзянские) причитания / М. И. Чувашев, И. А. Касьянова. М., 1979. 98 с.

Чуракова Р. А. Песни южных удмуртов / Р. А. Чуракова // Зап. УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1999. Вып. 2.

Щуров В. М. Мордовские песни / В. М. Щуров // Песенное многоголосие народов России. М., 1984. С. 124 — 128.

Эшпай Я. А. Марий калык муро=Марийские народные песни / Я. А. Эшпай. М., 1957. 106 с.

Honko L. Religion der finnisch-ugrischen Völker : handbuch der Religionsgeschichte / L. Honko. Göttingen, 1971. Vol. 1. 332 s.

Lach R. Vorlaufiger Bericht über die im Auftrage der Kais / R. Lach. Wien, 1918. 120 s.

Mordwinische Melodien / Phonographisch aufgenommen und herausgegeben von A. O. Väjsänen. Helsinki, 1948.

Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen. Helsinki, 1938 — 1981. Bd. 1 — 8.

Paasonen H. Die turkischen Lehnworter im Mordwinischen / H. Paasonen // J. de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1897. Bd. 15.

Paasonen H. Die Sogennaten Karataj-mordwinen oder Karatajen / H. Paasonen // J. de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1902. Bd. 21.

ПОЛЕВОЙ МАТЕРИАЛ АВТОРА

Аверкина Анастасия Ивановна, 1933 года рождения, с. Сабаево Кочкуровского района Республики Мордовия.

Адмайкина Мария Никитична, 1941 года рождения, с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия.

Атаманкина Пелагея Петровна, 1929 года рождения, с. Русское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия.

Биушкина Анастасия Яковлевна, 1935 года рождения, с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия.

Бокина Анна Дмитриевна, 1936 года рождения, с. Оськино Инзенского района Ульяновской области.

Бочканова Раиса Яковлевна, 1941 года рождения, с. Качелай Кочкуровского района Республики Мордовия.

Бояркина Ольга Федоровна, 1933 года рождения, с. Качелай Кочкуровского района Республики Мордовия.

Вишнякова София Федоровна, 1928 года рождения, с. Оськино Инзенского района Ульяновской области.

Данилова Ольга Ивановна, 1921 года рождения, с. Оськино Инзенского района Ульяновской области.

Елаева Ольга Андреевна, 1950 года рождения, с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия.

Ивлева Анна Григорьевна, 1939 года рождения, с. Качелай Кочкуровского района Республики Мордовия.

Керова Анна Федоровна, 1934 года рождения, с. Оськино Инзенского района Ульяновской области.

Кирюшкина Евгения Ивановна, 1939 года рождения, с. Русское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия.

Кобанова Мария Тихоновна, 1938 года рождения, с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия.

Коткина Мария Дмитриевна, 1931 года рождения, с. Оськино Инзенского района Ульяновской области.

Кузнецова Прасковья Павловна, 1919 года рождения, с. Оськино Инзенского района Ульяновской области.

Кукушкина Мария Федоровна, 1929 года рождения, с. Оськино Инзенского района Ульяновской области.

Лушкина Екатерина Андреевна, 1935 года рождения, с. Челдаево Инзенского района Ульяновской области.

Лушкина Нина Ивановна, 1943 года рождения, с. Челдаево Инзенского района Ульяновской области.

Мукейкина Фёкла Ефимовна, 1919 года рождения, с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия.

Наумкина Надежда Васильевна, 1928 года рождения, с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия.

Пилкина Нина Ивановна, 1939 года рождения, с. Сабаево Кочкуровского района Республики Мордовия.

Пискаева Елена Трофимовна, 1926 года рождения, с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия.

Пробкина Надежда Михайловна, 1936 года рождения, с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия.

Радаева Мария Михайловна, 1910 года рождения, с. Оськино Инзенского района Ульяновской области.

Сергомаслова Прасковья Сергеевна, 1925 года рождения, с. Качелай Кочкуровского района Республики Мордовия.

Устайкина Ольга Ефимовна, 1925 года рождения, с. Сабаево Кочкуровского района Республики Мордовия.

Фаткина Раиса Ивановна, 1934 года рождения, с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Похоронно-поминальный обряд

Купание покойника, ночное сидение возле него. В первый день после смерти умершего купают. Обычно это делают в задней избе дома. Воду после мытья выливают в особое место — где не ходят люди (чаще у забора). В с. Сабаеве Кочкуровского района РМ умершего мужчину моют мужчины, женщину — женщины. Покойника оставляют в доме на две ночи. Ночью старухи над ним читают *салтэрь* (псалтырь), 17 кофизм, канун и стихи, родственники причитают (независимо от пола).

В с. Старые Турдаки покойника моют родственники: женщину — женщины, мужчину — мужчины. Обычно это делают пожилые люди, их одаривают платками и полотенцами.

В прошлом на покойников после купания надевали традиционную мордовскую одежду. В с. Старые Турдаки Кочкуровского района молодых женщин, незамужних девушек хоронили в свадебном наряде, маленьких девочек — в холщовом платье.

В с. Оськине Инзенского района Ульяновской области умершего купают три специально приглашенные старые девы. Покойника причесывают, женщинам заплетают косу колоском вниз (4—8 колосков — четное число), расческу и мыло оставляют дома.

Над покойником в избе вешают *лажамо коцт* (ткань для оплакивания), а в день помина его накидывают на родственника умершего.

В с. Русское Давыдово Кочкуровского района с умершего снимают нательный крест и отдают его близкому человеку.

Ночью покойника нельзя оставлять одного, считается, что в доме случится что-нибудь нехорошее. В доме, где лежит покойник, горят свечи, обычно их ставят в чашку с пшеном.

Причитания на зарю — второй день после смерти. В с. Оськине у мордвы-эрзи зафиксирован обычай оплакивать умершего на зарю. Это делают утром на второй день после смерти: «Ночью [вопить] нельзя, вот утром зоря, зорянь, с зорёй начнут вопить» (ПМА: Кузнецова П. П.).

В с. Оськине Инзенского района Ульяновской области при выносе гроба из дома все родственники причитают: «У меня мамка, кагда умерла, у нас все вместе плакали, все хором, примерна, я вот себе. Кагда уж забирают из дома — ход начинают, у нас семь сестёр, вот и все плакали, племянницы там эти всё, внучата, все вместе уж плакали, там народу многа ведь»; «Трое [вопят], крик такой. Вопют не поймёшь там чё, ну одно равно плачут, плачут. Ну все вопют… дочь-та „авай“ [мама] кричит, а сестра — там „Марька, Марька“ кричит, так и три-четыре голоса кричат, кто ково пересилит, плачут, плачут, [вопят] в доме, а может и ко[г]да несут теперь-ча… [По дороге] вопят тоже, на могилке тоже плачут»; «Как мать умерла, все хором плакали, когда из дома забирали, выговаривая: „Ох, авинем-корьминем“ („Ох, мамочка-кормилица“)». Некоторые информаторы отмечали, что громко плакать нельзя, можно напугать покойника.

По дороге на кладбище родственники умершего причитают, с гробом останавливаются на перекрестках, у домов родственников. Они выносят «поминание» — поминальную еду на стуле.

Священнослужитель отпевает покойника в церкви или на кладбище. Гроб опускают в могилу на полотенцах или на специальном холсте, потом его убирают в сундук до следующего покойника. Мужчинам, несшим гроб, на правую руку повязывают носовые платки.

Умерших не своей смертью хоронили на кладбище, но отпевали не в церкви, а в десяти шагах от церковных ворот. В с. Старые Турдаки Кочкуровского района некрещеного мертвого ребенка крестила бабка-повитуха, принимавшая роды, и его хоронили на кладбище.

Поминальными днями считаются: первый день («горячий стол»), девятый, сороковой день («на место кладут душу», «кладут душу к богу»), полгода, год, два, три года и дальше по желанию родственников. В с. Оськине поминальными блюдами являются суп (в пост — рыбный), лапша, каша, пирог, кисель, блины не пекут. Поминальную еду готовят стряпухи. Кроме основных поминок были еще специально отведенные поминальные дни среди недели — вторник, четверг и суббота.

В с. Качелай на шесть недель для покойника топили баню, готовили ему белье, тапочки, платок и причитали: «Вставай, приходи, мы одёжу тебе приготовили». Если умерший был мужчина, то баню готовили и «парили» умершего мужчины, если женщина, весь ритуал проводился женщинами. Человека, «парившего» покойного, одаривали одеждой. В с. Сабаеве «парильщику» дарили полотенце. Баню топили не только на шесть недель, но и

накануне всех основных поминальных дней. После бани выходили на крыльцо с хлебом-солью и «приглашали» покойника за поминальный стол (Пр. № 21). Ритуальный текст проговаривали тихо, глядя в пол. Пол смачивали водой три раза, чтобы у покойного отверзлись уста, руки и ноги. Покойника просили привести на помин всех прежде усопших.

В с. Старые Турдаки и Новая Пырма на шесть недель умершему собирали вещи: женщине — женскую одежду, крест, носовой платок, мужчине — рубашку, брюки, носки, крест, платочек. Сначала поминали дома, затем шли на кладбище. На могиле стелили новое полотенце, на него складывали одежду для покойного и причитали. Затем эту одежду и кресты дарили тому, кто причитал на помине.

Поминальные обычаи — уникальный обрядовый комплекс мордвы-эрзи Присурья. В поминальные дни (Масленичная суббота, Радуница, кануны Троицы и Петрова дня, Дмитриевская суббота) всем селом ходили на кладбище (*калмо лангс*) поминать умерших предков. По рассказам пожилых жителей, мужчины раньше не ходили на кладбище. В настоящее время в поминальные дни на кладбище ходят и женщины, и мужчины.

У главных ворот кладбища каждый пришедший приветствует всех умерших, затем идет на могилы родственников, целует кресты, садится и поминает. В с. Оськине по недавно умершим (до 1 года) обычно причитают. У эрзи встречаются могилы с оградами и без них. Поминающие могут ходить по могилам, объясняя, что умершие — это свои, они не обидятся.

В с. Старые Турдаки сначала поминают свекра со свекровью, а потом идут на могилы родителей.

У мордвы-эрзи женские и мужские кресты отличаются: женский — с крышей (так называемый платок — *паця*), мужской — без крыши: «У мужчин ничаво нет, мужчина ведь без шапки ходит, а мы в церковь не зайдём без платка, не паложено» (ПМА: Кузнецова П. П.).

Масленичная суббота — Мастя — прощальный день у мордвы-эрзи. В с. Оськине Инзенского района пятница накануне Масленицы считается поминальной. Заранее готовят брагу, пекут блины, «косы», обрядовые масленичные булочки, сдобное печенье — *мастянь пештинеть*. В масленичную субботу жгут костры, молодые посещают родителей: «В прощальную субботу молодых водили к матерям». Вечером дома поминают умерших: зажигают свечи, читают молитвы, едят пироги.

В с. Оськине на Радуницу ходили на кладбище ночью. «Христосовались» с умершими родителями, обращались к ним по

имени, просили у них благословения на какое-то дело. На Пасху и на Радуницу пели «Христа» в церкви: «У нас многоголосием поёт мордва, четыре-пять голосов».

М. Е. Евсевьев отмечал, что на Пасху (*Инечи* — великий день) ходили на кладбище, просили предков о покровительстве, приглашали париться в бане, спать в домах, стлали на скамьях войлок, подушки, полотенца, приговаривали: «Прадеды и прабабушки! Да будет на нас ваше благословение! Стряхните с себя пыль земную! Для вас мы блинов напекли, брагу сварили. Приходите, пейте и ешьте. Соберите всех своих родных, имен всех не найдешь, вы сами всех соберите, ни одного не оставляйте, приводите всех, всем хватит, пусть все пьют и едят. Вот приготовили мы вам постель — да будет она мягка» (**Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. С. 367 — 368).

Пасхальные молитвы мордвы-эрзи сводились не к образу Христа, а к прошениям у предков благополучия в дальнейшей жизни. При этом зажигали свечи, готовили баню, постель, квас.

В настоящее время в с. Оськине Инзенского района Ульяновской области накануне Троицы в субботу ходят на кладбище. На крест кладут яйца, пироги, хотя поминающие осознают, что православие это не приветствует: «Кто-то во сне видал, што на мой крест собаки вешались. Нельзя на крест нечиво класть.., поминание идет божьим духом…». На кладбище обмениваются едой. Раньше пекли блины из пшенной каши — *алпачат*, брагу варили специально для поминального стола из муки, сушеной свеклы, три дня ее настаивали в печи, затем фильтровали и добавляли дрожжи и хмель. Брагу делали до 20 ведер — на «все родители».

В понедельник после Троицы — Духов день — *Суксчи*. Считалось, что ничего нельзя делать, иначе все съедят черви. В с. Сабаеве Кочкуровского района молодежь гуляла в бору, старики ходили на кладбище, плохо передвигавшиеся старики собирали стол около двора, где главным блюдом были домашняя курица и оладьи из пшена (*алпачат*).

Петров день занимает особое место в поминально-обрядовой системе мордвы-эрзи Присурья. В этот день эрзяне приносят предкам жертву — ритуальный баран. Мордовские исследователи приурочивают празднование Петрова дня к старинному мордовскому молению — велень озкс, на котором просили у Верховного бога тихого дождя, теплого воздуха, хорошего урожая (см.: **Мокшин Н. Ф.** Мордва // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 408).

В с. Старые Турдаки Кочкуровского района накануне Петрова дня мордва специально устраивали *ознома*. Поминание начинали с воды, приговаривали: «Помяни, госпади, всех сродников и всех родных, уталите жажду, напоите весь мир» (ПМА: Пискаева Е. Т.). Главной поминальной едой считались вода, лук, ржаной хлеб, яйца и мясо. Если Петров день попадал на постный день (среда, пятница), тогда готовили рыбу. Пироги на Петров день не пекли. Вечером после кладбища устраивали застолье.

Древнемордовские общинные и семейные моления — *озксы* — фиксировались исследователями еще в начале XX в.: «Общественные моления всегда совершались за деревней у ручья или родника, а так как в старое время леса находились всегда близко к деревне, то моления обычно происходили у опушки леса под дубом, вязом, липой, березой или сосной, но осину и липу мордва избегала. На одних моленьях участвовали одни только мужчины или только одни женщины, а на других могли участвовать те и другие вместе <…>. Семейные моления совершались старшими в доме, обычно хозяйкою дома, а на общественных молениях для совершения обрядов и чтения молитв каждый раз выбирались особые старики или старухи» (**Евсевьев М. Е.** Указ. соч. С. 395 — 396). Моления сопровождались жертвоприношением. За день до озкса все мылись в бане и надевали чистую одежду, не работали. Молились по направлению на восток, становились на колени, поднимали кверху руки и кланялись. У мордвы среди озксов выделялись следующие:

— алашань озкс (моление о лошади);

— скалонь озкс (моление о корове);

— велень озкс (сельское моление);

— пакся эмежень кочкамо озкс (моление, приуроченное к началу прополки полей);

— вармань озкс (моление ветру);

— учань озкс (моление, проводимое после уборки урожая);

— юртавань озкс (моление хозяйке дома) и др. (Там же. С. 402 — 403).

Свадебный обряд

У мордвы-эрзи Присурья сохранился пласт этнически своеобразного свадебного обрядового фольклора — ***свадебные песни***. Свадебный фольклор мордвы-эрзи изучали А. А. Шахматов, М. Е. Евсевьев, Л. С. Кавтаськин, Н. И. Бояркин, Л. Б. Бояркина, Т. П. Девяткина, Д. Н. Гнатюк, М. И. Чувашев, И. А. Касьянова, А. Д. Шуляев, А. Ю. Малыхин, Т. И. Волкова и др. В исследовательской литературе, посвященной мордовской свадьбе, сложилась жанровая классификация, согласно которой основные группы песен делятся по принадлежности исполнителей к родне жениха или невесты, а также форме исполнения — сольные или коллективные (см.: **Бояркина Л. Б.** Эрзя-мордовское народное песенное искусство Среднего Заволжья и его взаимосвязи с традиционной русской песней. Саранск, 1984. С. 7 — 10). В 2003 — 2007 гг. на территории Присурья были записаны следующие свадебные песни:

— песни, исполняемые подружками невесты при прощании с ней;

— песни подруг невесты, адресованные *уредеву* — дружке жениха;

— песни, исполняемые девушками во время свадебного застолья («*Шапкань намоня*» — сбор денег в шапку);

— корильные песни, исполняемые родней жениха — *парявтнемат*;

— песни, исполняемые родней жениха при одаривании невестой свекра, свекрови и т. д.;

— песни при приезде горных (родни невесты) — перепевание двух сторон;

— песни свахи — *свахань или кудавань морот;*

— песни стряпух (во время приготовления свадебного пирога — *гуляша* или *лукш)*;

— песни, исполняемые родней жениха во время пробуждения снохи;

— колядные и колыбельные песни, исполняемые родней жениха на второй день свадьбы.

Свадебные песни мордвы-эрзи четко регламентируются по составу исполнителей. Корильные, песни стряпух отличает исключительно коллективный характер исполнения, а песни свахи — сольный, хотя в данной традиции песни свахи часто встречаются и в коллективной форме исполнения.

Сватовство — ладямо. В свадебном обряде мордвы-эрзи Присурья сватать ходили родители жениха или женская родня жениха и сваха — родственница жениха. Если родители невесты с первого раза не давали согласие сватам, они приходили еще раз. После положительного ответа намечали день свадьбы, который зависел от того, когда соберут необходимое количество денег.

Сваты приезжали с хлебом, пьяным квасом и вином. При входе сватов в дом невеста пряталась в чулане. Главный сват или сваха садились под матицу и начинали переговоры, при этом сваха могла петь приуроченные к этому моменту песни. Подруги невесты слушали под окном, о чем говорят сваты.

После сватовства невеста плакала: «Раньше ведь *урнéкшнесь* — как полнуть вопют, а эта как вроди у нас заплаковоют так. А ана стала тожо плакоть» (ПМА: Кузнецова П. П.). В прошлом девушку насильно выдавали замуж, случалось, что невеста убегала от жениха, не жила с ним: «Ана не хотел за нево идти замуж, а оне отдают. Как вроде богатый што ле, але не богатый или были под горе они жили… А ана и зауутра убежал, не стала жить там, ушла… Вопють, а у нас эт называетца урьнить» (ПМА: Кузнецова П. П.; Пр. № 56).

Запой — чиямо. После удачных переговоров устраивали запой, на котором обговаривали срок свадьбы. Со стороны невесты родня встречала сватов с хлебом-солью. На запой надевали национальную одежду, невесту наряжали по мордовскому обычаю, сватья были в кушаках, пели песни, играли на гармони и балалайке. В с. Оськине Инзенского района Ульяновской области во время застолья на запое невеста не присутствовала, она сидела в чулане и вопила: «А я плакала, я не с охотой пошла, я плакала». В с. Челдаеве после просватания невеста, оставшись одна дома, кричала в печную заслонку: «Дыра поспела!».

Девичник — прощальный вечер накануне свадебного дня. Его устраивала невеста для подруг и родных, которых угощала пьяным квасом и пирогами: «Вечор делали, бисиком плясали у меня: и-и-и-х! Падружки те бисиком, пьяны были. Невеста вечор соберёт. Вино виноси́ли, плясали. [Невеста] не пляшет» (ПМА: Кузнецова П. П.). Девушки веселились, а невеста плакала, причитала, прощалась со своим девичеством. На нее надевали два платка (Пр. № 69).

В с. Оськине невеста подносила любимой подруге стакан вина, та по просьбе невесты пела песню. Девушки величали, хвалили невесту, описывали, с какого она конца деревни (верхнего — *верепя* или нижнего — *алопя*), как она вечерами тонко пряла и т. д.

Рубашка для жениха. У мордвы-эрзи, как и у русских, за день до свадьбы со стороны невесты ее подружки ходили к жениху. Они дарили жениху рубашку и развешивали в его доме занавески от невесты.

Первый день свадьбы. В с. Старые Турдаки Кочкуровского района РМ со стороны невесты наряжали двух незамужних девушек, которые ходили с украшенным посохом зазывать род, село к невесте на свадьбу.

Девичья баня. Утром в день свадьбы невесту водили в баню, где она причитала — *аварькшнесь*, сетовала на своих родителей, что они отдают ее замуж: «Он[а] [невеста] как-та радителей праклинает — зачем дают замуж невесту» (ПМА: Кузнецова П. П., Данилова О. И.; Пр. № 54).

Невесту в бане одевали и причесывали: «Сама плачит идет невеста, с бани ведут, хоть зимой, баня ведь не топлинной. Так ана выходит, раньше были вот… *пацяконя* — на голову специальный мардовский платок… косу плетут в бане или тут. Кагда тяпло всё-таки харашо, свекровка рассказывала, а кагда мароз, мёрзнит, дражит, ведут тихонька идут. [Баня] не топлинный, мыть-та не моют, толька причешут её, наряжали… И вот и ведут, тихонька ведут, ана вот там паёт, тихонька аварькшне, а сама плачет идет и двое падружка ведут, эт кагда силком атдавали» (ПМА: Радаева М. М.; Пр. № 66).

В Кочкуровском районе (в отличие от Инзенского) баню для невесты не топили, бани в этих местах появились позже. Мылись под печкой в глубокой яме (около 1,5 м).

Расплетание косы и причесывание головы невесты происходило в разных местах неодинаково. В с. Оськине Инзенского района Ульяновской области в доме невесты в тишине любимая подруга расплетала ей косу, песни не пели, невесту выводили к родне жениха с распущенными волосами. Любимая подруга причесывала волосы невесты у жениха: «Обяза́тельна ко́са заплетёной, обязательно люби́мой подруга роспусти́т у жениха. Вот, напримо́р, моя подруга придёт потом мою косу росплетёт,

када́ уж пе́рвой день свадьбы» (ПМА: Кузнецова П. П.). В церкви после венчания родственница жениха (сестра, племянница) переплетала волосы невесте, та дарила ей ленты.

В с. Челдаеве Инзенского района сваха расплетала невесте косу за столом перед венчанием. В чулане дома невесте переплетали косу с одной на две, голову покрывали платками.

Повязывание головного убора.

1. После причесывания невесту в доме родителей до венчания наряжали в старинный мордовский наряд — *шушпан*. Голову покрывали шелковым платком, она сидела и плакала без слов, мать тоже плакала.

2. В доме жениха после венчания невесте повязывали платок по-женски: перевязывали голову другим платком, переплетали одну косу на две. Молодухе делали *киркс* — повязку из тряпки, вместо косы, перематывали поперек головы, поверх повязывали платок. Такой головной убор женщина носила до смерти: «Патом там, кагда уж зайдут к женихам, повяжут платок шёлковой красиво. Нарядитца, ленты всякии ана павесит, бусы — красивая невеста. Вот и дарит ана всем ленточки красивые всем падругам, всем женщинам ат ево радных уж дарит ана. Кагда уж туда придёт, пайдут зайдут в чулан поцелуют её. Ана вазьмёт, этому подарит, другой зайдёт — другому подарит. Ана даряет, от жениха радных ана также дарит. А патом уж, кагда подарит, все вийдут аттуда — будут голову вязать уж, красиво повяжут» (ПМА: Кузнецова П. П.). Старухи шили *шлыган* — женский головной убор белого цвета. Он был праздничный и будничный.

3. Невесту покрывали в ее доме двумя платками — шелко́вым и шерстяным с большими кистями: «Фата-та у нас пла́тки были — платки такие шёлковые с кистями… бальшие такие» (ПМА: Радаева М. М.). Перед уездом из дома невеста плакала, отпихивалась, затем давала себя покрыть платком. Невеста кричала: «Ой, патяй, што мы будем делать». По обе стороны невесты были ее родственники — *урьваля*. Они выводили невесту за ворота и продавали ее родне жениха. Лицо невесты было закрыто до тех пор, пока ее не привозили к жениху. Венчались только в светлом наряде. После венчания родня жениха перевязывала ей голову.

В с. Качелай невесту одевали подруги и соседи в другом доме. В с. Старые Турдаки невесту наряжали старухи.

Невеста училась причитать заранее, перенимая эту традицию на других свадьбах. Если невеста не умела причитать, то приглашали специальную старуху.

Приезд родни жениха за невестой, выкуп. В Кочкуровском районе свадебную повозку невесты украшали в виде домика (*он-ава)*; в Инзенском районе лошадей наряжали лентами и колокольчиками — *баяга.*

За невестой ездили *покш куда* (главный сват)*, кудат* (сваты), *уредев* (дружка) и *кудава* (сваха). Жених ждал сватов с невестой дома. На сватах были картузы с бумажными цветами, которые различались размерами по степени первенства сватов. К картузам прикреплялись также мочала. *Уредев* и сваты выкупали невесту, за нее платили деньги, а от подруг невесты откупались конфетами, семечками подсолнуха и т. д. Сватов не пускали в дом, препятствуя отъезду невесты; они лезли через ворота, им не давали пройти через порог. В с. Оськине родня невесты «озоровала»: вытаскивали спицу у колеса повозки, когда повозка трогалась с места, невеста падала с нее.

Подруги невесты до свадьбы помогали ей готовить приданое: «Готовились к свадьбе самай. Ну, тогда чёво́ прида́ной, у нас ведь подарки не дарили тогда. Ну койку тогда, купила желе́зной койку кой-како́й, ну одея́лу там пло́хинькой, кавёр си́тцовой» (ПМА: Радаева М. М.). Вечером к невесте приезжал жених, который смотрел приданое невесты и увозил сундук с приданым домой.

Приданое привозили в повозке, которую снаряжала сваха. Жених выкупал каждую вещь из постели невесты: подушки, матрац, одеяло. После венчания разводиться было нельзя, при уходе невесты приданое оставалось у жениха. В с. Старое Турдаки Кочкуровского района РМ в приданое входили еще скотина, большое количество хлеба и пирогов, посуда, материал, шерсть и т. д. В с. Оськине Инзенского района Ульяновской области на второй или третий день сваха требовала приданое от горных — родителей невесты. За приданым приезжал сам жених или его родные — мать, отец. Сваха пела родне невесты, чтобы ее одарили деньгами, приданым:

Каядо, сваткем, каядо,	Кладите (дарите), сватья, кладите,
Каядо пижеть,	Кладите медные деньги,
Ийо, вай вай дёх, вай дях дёх,	Ийо, вай вай дёх, вай дях дёх,
Сур п(и)рясо сият.	С кончиков пальцев серебро.

Воровство на свадьбе. Родня со стороны жениха до свадьбы у родителей невесты воровали курицу, фотографию невесты и несли все жениху — «приданое от невесты». Курицу отпускали во двор жениха. В с. Старые Турдаки воровали и невест. Это делали ночью.

Свадебные чины со стороны невесты:

— невеста — *ладянь патя, чиянь патя* (букв. просватанная старшая сестра);

— урьваля, провожатые невесты — родные или двоюродные братья невесты;

— урьваля-ават (жены *урьвалей*) — две провожатые замужние женщины;

— горные — *горнойть* — родственники невесты, приезжающие вслед за ней к жениху. У правобережной эрзи Присурья горных на свадьбе не бывает.

Свадебные чины со стороны жениха:

— дружка — *уредев* (*уре* — раб, *тев* — дело; букв. добыватель рабыни — невесты);

— сваха — *кудава* (*мать дома*);

— главный сват (чаще крестный жениха) — *покшкуда*;

— зять — *содамо* (от глагола *содамс* — знать, признавать).

Сваха — *кудава* (*кудо* — дом, *ава* — мать, женщина) — один из важных свадебных чинов мордовской свадьбы. При ее участии совершались все основные ритуальные действия. Сваху выбирал жених по совету родственников. Ею могла быть только замужняя женщина, благополучная в супружестве. Она была ответственной за свадебный церемониал и т. д. Сваха отличалась от всех гостей одеждой. На ней была надета мордовская национальная одежда и венец — *каблук* или *шлыган* с большими бумажными цветами. По традиции этот цветок должна была сделать женщина сама, и он не должен повторять цветок другой свахи. Не менее важны были бусы — *олгань по* разной длины от коротких, обтягивающих шею, до длинных, опускающихся до талии и ниже. Короткие бусы делали из соломы, длинные — из бисера. В этнографической литературе описаны бусы свахи из морских раковин, которые звенели во время пляски. Считается, что шум, производимый свахой, должен охранять молодых, отпугнув от них злые силы.

Костюм свахи хранился у специальных людей, которые передавали его из поколения в поколение. В с. Оськине Инзенского района Ульяновской области до настоящего времени сохранился ритуал облачения свахи в наряд, занимающий по времени около 4 ч. На это обрядовое действо, происходящее в доме хранительницы наряда, приходит смотреть все село. По традиции сначала заплетают две косы и обвязывают вокруг головы — *«делают рога»*. После этого каждый «рог» обматывают платком, чтобы

«рога» были выше. Поверх «рогов» надевали *шлыган*. Вслед за головным убором надевали нижнюю рубаху, богато вышитую красным орнаментом, поверх — большое количество бус и *руцю*. На уровне груди к руце прикрепляли красные атласные ленты (крест-накрест). Наряд свахи дополняли сапожки на шнурках.

По одним сведениям, участие свахи продолжалось от сватовства до конца свадебного обряда, по другим — она участвовала только в церемонии венчания молодых. Сваха забирала от невесты ее икону («боженьку») и привозила ее в дом свекрови.

Уредев («почетный человек») — дружка жениха, приезжавший за невестой. Уредева выбирали молодого, отчаянного, бойкого, неженатого, на картуз ему делали бумажный цветок. Главным атрибутом уредева была сабля — *торо*, которая символизировала разрушительную силу девичьего мира невесты. С помощью торо уредев отмечал границы прежнего и будущего мира невесты. Уредев, приезжая за невестой, привозил вино. Торо передавали от одного уредева к другому. Почти в каждой деревне были две-три такие сабли. В с. Старые Турдаки Кочкуровского района РМ уредев выпрашивал саблю на свадьбу, за нее он расплачивался бутылкой водки.

По приезду к дому невесты уредев прятал саблю от родни невесты в повозке, но родня находила ее и требовала от уредева за нее выкуп. Уредеву приходилось выкупать торо, так как без него он терял свою функцию, направленную на прерывание отношений невесты со своей родней и переход в новую семью, род, племя. Уредева не пускали в дом невесты, просили выкуп за каждую дверь:

Авай, кудакай — боярнэм,	Ох, сват — боярин,
Авай, кудакай — уридив,	Ох, сват — уредев,
Тон идикая саблинит,	Ты выкупи саблю,
Тон идикая торынит,	Ты выкупи торо,
Тейтерень тарка кенгие панга,	Выкупи девичье место
Тейтерень тарка эзем пря.	Девичье место — лавку.

В с. Старые Турдаки Кочкуровского района РМ при благословении невесты ее родителями уредев стоял позади и держал над ней торо, а перед выходом из дома делал саблей зарубки на косяке двери, сваха приговаривала добрые пожелания родне невесты, отгоняла злого духа от дома: «Дружко, стоя молча перед невестою, помахивал обнаженной саблей и время от времени ударял ею в матицу» (**Маслова Г. С.** Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 75).

Уредев трижды обходил свадебную повозку и торо «крестил» ее. Затем он садился в повозку позади невесты. Она просила его взять икону — *инязорской лик*. По дороге повозка трижды останавливалась, уредев выходил и делал на дороге метки, три раза чертил кресты на перекрестках. Перед входом в дом жениха он стучал три раза по косякам двери:

Те пельксэсь чополгадоза,	Эта сторона чтобы потемнела,
Тона пельксэсь валдомоза.	Та сторона чтобы посветлела.

По одним сведениям, после осыпания хмелем молодых торо возвращали владельцу, больше он не нужен был; по другим — торо был задействован в течение всего первого свадебного дня, свекровь брала у уредева торо и клала его под матрас молодым.

Дружка благословлял молодых на венчание и крестил торо землю: «На двор варота аткрывают, невесту с женихом провожают. Там дружка — у нас называитца вроди как хазяин свадьбы, там и вино всё подаёт, ножом возьмёт землю три раза на четырёх местах с боку и спереди и сзади четыре креста, жениха и невесту ножом акрестят, на земле четыре креста сделает, на дваре, как выйдем из дома, вот крёст сделают, атрежут ат калдуна… [приговаривает]: „Штобы колдуны не падошли, вот перехрещу, вот я нажом перехрещу, штобы калдун не залез к маладым. Штобы лихии люди не напали“. Жених благодарил уредева за помощь хорошим ужином, делал для него вечер» (ПМА: Кузнецова П. П.).

«Когда невесту выводили из родительского дома, дружка с большим ножом в руках трижды обходил свадебный поезд. В некоторых местах в этот момент возле невесты шел дружка (уредев) с косой или саблей, якобы оберегая ее от порчи ведуна. В одежду жениха и невесты втыкали иголки, чтобы колдун, если дотронется до них, уколол руки. Перед домом жениха молодых встречала женщина, одетая в вывороченный полушубок с вывороченной шапкой на голове, изображавшая медведя или быка, которые тоже отгоняли „порчу“. Веником подметали дорогу перед шедшими молодыми, чтобы им под ноги не попалось заговоренное вещество и не „испортило“ их. При входе молодых в избу один из родственников делал несколько выстрелов в воздух, чтобы разогнать нечистую силу» (**Мокшин Н. Ф.** Мордва // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 398 — 402).

В довенечной части свадебного обряда невесту постоянно сопровождали *урьвалят* — близкие родственники (чаще родные

братья) невесты, которые находились возле нее по обе стороны. Роль урьвалей была существенной, роль брата молодой девушки воспринималась мордовской общиной «как покровителя женщины и до известной степени хозяина ее судьбы». В мордовском свадебном обряде сохранилось немало намеков на такую роль братьев.

Невеста дарила им белые полотенца, которые они повязывали через правое плечо. Урьвалят были рядом с невестой до приезда в дом жениха, передавая ее свекрови. Они могли еще раз потребовать выкуп за нее: «Хорошую невесту к вам привезли» (ПМА: Кузнецова П. П.). В доме родителей урьвалят невесту сажали за стол и в последний раз кормили ее специально приготовленными щами, кашей — прощальной девичьей едой. По обе стороны невесты горели свечи. В с. Новая Пырма Кочкуровского района РМ после трапезы невесту благословляли родители и крестная иконой Божьей Матери, которую невеста потом передавала свахе или свекру.

Уредев и урьвалят охраняли невесту, следили, чтобы никто до нее не дотронулся и не навредил ей. От колдунов молодым в одежду втыкали иголки. «На утро уж встают и ка́жной у себя готовит уж. Тут и старуха с стариком, у них уж сва́толи дочьта. Жених уходит то́жо домой на работу чай, на гумно. Тада́ уж невеста раньше и в утум сажали и в колдово́й сажали ешшо́ их, в колдовой, утом. В сарай куда-небу́дь. Он не едет уж жених, жениху́ привезут. Приедут за невестой уж родные только. Жених уж за невестой не прие́дит, тепе́рьче ведь за столом сидят. А тада́ нет. Невеста пла́чит из чулана е́ли-ели выта́счут её. Та́щут за подмы́шку всё, вот так. С другой стороны два пар(и)ня́ — у ней э́та урьва́ли назывались. Два пар(и)ня́-та та́шшут её, а ана́ не идёт. И туда́ руки те вон наве́рьх на трубу поды́мит… Оне́ ево́ та́шшут, э́та урьва́ля называется — два пар(и)ня. Как жа, э́то са́май-са́май близких уж и урваля́. Урваля́ чий, мо́жот женихо́вой родня, мо́жот и с неве́стиный, вот. Наприме́р, отсю́дова та́шшут вот ево, а она уж отту́дова. Ох, авака́й! Не как не вылезет из чулана, ташу́т — ана́ не вылезет. А покры́та так уж вот, с за́де. У меня где-та фата-та есть. Под мышку за фатой ведутведут её, а ана́ уж потом сюда к столу и клане́итца. Урва́ли-те подыма́[ют], ана́ клане́итца на пол, е́ти урва́ли те подыма́ют её. Ана́ пок(о)лон сде́лот. Посте́лют обяза́тельна, фуфа́йки сте́лют. Фуфа́йки посте́лют, и посте́лют што́бо уж не… Вот я поклонюсь вот так, ну на́ды подыма́ть невесту, три раза. Три раза я сама [поклонюсь], а отсю́дова уж подыма́йте… Помоли́тца. Богу вот так поклони́тца. Потом стол-та сдвинут… ана́ круг сто́ла пройдёт.

На пра́ву строне всегда… С урьваля́ми што ли, уж во не могу сказать, што-та не припомню. Адна́, наве́рна, одна пожа́луй. Один раз [пройдет]. Пройдёт, ле́нтучку положи́т и ска́жит — напримо́р, кому её ле́нтучку брать, Ма́рьки ска́жит, са́май любимой подружки — лентучка, кольцо клали, вот как жили. А яй када́ замуж вышла — косынку. Ета круг стола и ана́ уж пройдёт за мной, напримо́р. Я если вот и шла́, напримо́р, замуж — прошла круг стола. Вот, напримо́р, меня благословили, я с этой стороны к сто́лу… А на окошку положу лентучку или кольцо, и ко́льцы клали — бе́дны жили, Оськина всегда бе́дной был. Тепе́рьше богаты только. Дальше уж увезут меня, круг стола уж уйду, ле́нтучку положу и к жениху меня тада́. Урьваля́тнень потом подаришь платочки, носовые платочки. Кто мо́жот хоро́ши, кто ма́леньки, кто каки́ [платочки]» (ПМА: Кузнецова П. П.).

Более ста лет назад в качестве урьвалей выступали женщины — родственницы невесты — *урьваля-ават*. Это две замужние женщины (обычно жена брата невесты или старшая замужняя сестра ее), которые выполняли все выше описанные действия.

Выход из родительского дома. При благословении невеста и мать могли причитать одновременно. Обычно это делали в красном углу (Пр. № 64, 67). Невеста обращалась к отцу, матери, крестной, родне, когда ее забирали из дома. Сваты иногда подшучивали: «Дайте невесте стакан вина, а то голоса у ней нет» (ПМА: Кобанова М. Т.).

После благословения мать давала дочери напутствия (Пр. № 58, 63). Мать могла причитать длительный период времени после свадьбы: «Так мать выводит… Вот сидит мать и дочь гденибудь, мать так говорит, ночём встанет, садитца и плачет так вот в голос» (ПМА: Радаева М. М.).

Перед выходом из чулана родительского дома невеста цеплялась за косяки и причитала, прощаясь с домом и домашними духами-покровителями (Пр. № 69 — 71). «Кагда уж ана не с варотыми прошалась. Кагда уж из чулана ведут, благославлют иё мать с атцом, если есть. А у каво и совсем [нет]. Вот ана вийдит из чулана, поклонитца в чулан так, пряма в пол поклонитца, потом вернётца к иконам, опять так вер(и)нётца, патом обойдёт все чётыре стороны. К двери подойдёт.., покланитца, к двери патом урьвали подойдут, вазьмут иё, ана всё плачит. [Кланялась] прямо в пол» (ПМА: Радаева М. М.).

Невеста (стоя) прощалась с Юртатей и Юртавой, просила у них прощения, что покидает их, просила не вредить ей в дальнейшей жизни. Невеста кланялась двери, печке, окну и красному углу.

Покрывание невесты. «Кагда придут за невестай, у жениха радныи и женшчины, девки плясали и пели. Мужчины придут за столом сядут, женшчины — ево радные. Ево радные, ну, хто там хрёстной, кто хрёстна, кто отец, мать придут. А ана сидит в чулане, зайдут иё: „Адяте!“, сколько там за столом сидят: „Адяте зайдём!“. Щас кухни, ну тада чуланы: „Адяте, посмотрим невесту, стоит ли наша жениха!“. Зайдут туда, пасмотрют — ана нарядитца там: „Харошей, стоит жениха!“. И патом жених аттуда [о]не выходют все, будит ана адеватца (невеста). Ну ведь адёжи хароши адевают, кагда собираетца с женихом. Аденитца невеста, сама плачит» (ПМА: Коткина М. Д.; Пр. № 62, 72).

«Её вазьмут — урьвали назывались, или брат, или там хто родныи, два пар(и)ня. Вот так вазьмут, примерна урьвали. Тут апять урьваля и ведут из чулану её и ана плачит: „Ой, маминька!“, ну и вазьмут. А невеста блогословленья будь [просить у] Божей Мать. Вот чулан, скажим, ана, кагда ещё пакрывать стали её, ана вот раз, два — не принимает. А эти урьвали назывались, а он говорит: „Мама, а ана не велит пакрывать“ — „Велит, велит, эта так нады, закон такой, велит!“. Оне покрывают и ведут из чулану её ведут, а ана упиратца, вопила. Потом, кагда свадьба уж, дочинька, кагда уж вазьмут невесту туда» (ПМА: Радаева М. М.). Невеста передавала уредеву свою икону с причетом: «Это последнее слова. А дружка берёт ат меня икона блогословленья, и миня уж повезут» (ПМА: Кузнецова П. П.; Пр. № 65).

Из дома невесты сначала выходили родители жениха с иконой, потом сваха, несущая пирог, испеченный в виде птицы, — *гуляшу* и зажженную свечу, за ними — плачущая невеста, которую под руки вели урьвалят и уредев. Перед уходом невеста обнимала родителей, целовала их и причитала. Невесту-сироту благословляла крестная мать, ей пели сиротские песни. Невеста выходила на улицу и обращалась к умершим родителям (ПМА: Наумкина Н. В.; Пр. № 52).

В с. Новая Пырма и Качелай сваха заводила контакт с домашним духом-покровителем и просила его участия в предстоящем предприятии:

А юртонь кирде, а Юртава,	Хранительница домашнего очага, Юртава,
Вай иля тандадо ах а вальгейдем,	Не пугайся моего голоса,
Иля соракадо чумнидень.	Не дрожи от моего шума.

Невеста оставляет «девичество» подругам. После выхода за ворота невеста бросала кольцо, которое ловили подружки,

чтобы следующей выйти замуж. Девушки могли учинить драку из-за него. Кольцо бросали через украшенную дугу лошади, невеста три раза кланялась перед тем, как кинуть кольцо. Таким образом невеста дарила подругам свое «девичество», при этом она причитала (Пр. 68). «Кому попадётца, через правый плечо кинешь ево [кольцо]. Кому попадётца, кто бегом бежит, возьмёт кольцо, тово мы и венчавонт, тот которо кольцо берёт. Штобы замуж выйти, кольцо-то берут. Плачут, вопют, те когда суркконьть. Суркс — это, када колечко вон от ворот-то берут… Вот уж у чужу дома, это уж другой забота, вот поэтому так» (ПМА: Радаева М. М.).

Выход невесты из родительского дома и кидание кольца сопровождалось песнями подруг невесты:

Ой, ялгинем монь, Маря,	Ой, подруженька моя, Марья,
Монь вечкеме ялгинем,	Моя любимая подруженька,
Ой, монь сама подружё ялгинем,	Ой, моя подруженька,
А минь тонь макстан чужойе,	А мы отдаем тебя чужим,
А минь тонь макстан мирденень,	А мы отдаем тебя замуж,
А минь тонь макстан паро мерденень,	А мы отдаем тебя хорошему мужу,
Тонь минек юткс больше а лисят.	Ты к нам больше не выйдешь.

«Это уж оне [подруги] пают, што я уж больше с ними не пайду на улицы, а вы уж не придёте ка мне. Ани мне пают так: „Самай лютой падруга ты, а мы к те[бе] больше не придём“, это подруги мои пают, плачут» (ПМА: Радаева М. М.). «Вийдит от ворот, на дворе ведь около ступенку садитца, ана видит ат вороты и вазьмёт калечку, вот так кинит, вперёд вот так кинит. А кто-та: „Ой, ка мне попалось, теперь я замуж пайду! Мне попалось колечко!“. Во эту колечку примут: „Мне попалось!“» (ПМА: Кузнецова П. П.).

Невеста дарила на прощанье любимой подруге вышитый платочек с деньгами, при этом она причитала (Пр. № 49).

Невеста подруге «дарила улицу» — *тейтерь киш* (букв. девичий хлеб). При благословении невесты в доме родителей на ее место сажали подругу, невеста отдавала ей колечко на алой ленте — «улицу отдавала» (ПМА: Мукейкина Ф. Е.). В селах правобережной мордвы-эрзи Присурья невеста, уходя из дома, оставляла подругам свое «девичество» в виде алой ленты на подоконнике (ПМА: Лушкина Е. А.).

Приезд в дом жениха перед венчанием. По приезду молодой в дом жениха ее встречала женская родня жениха, которой невеста дарила красные ленты: «Кагда уж пасодют [невесту в по-

возку], кагда жениха уж там дружка должен, дружка эта дружка-то, кагда ево благославляет, дружка это от жениха икону принимает, благословление ат невесты принимает и садитца вместе. С иконым туда паедит, с женихом — Спаситель, с невестой — Божей Мать благославляют. У нево своя икона, у нёво там дома, кагда благословлют их, тагда уж вдваём благасловлют и невесту, и ево там мать ево мать уж благославит. А здесь её благословляют — ну Божей Мать штоба. Жених вот у варот стаит лошедь остоновлют, слезит невеста, ну и этат самай дружка. Слезет сваха и ана апять стаит у варот, вот так держут иё. Ана стаит и смотрит: „Ну, давайте, невесту выручайте! Выручайте невесту, вы што молчите! Неужели наша невеста не стоит етова деньги, сколька там просют“. Ну, подаёт, жених атдаёт дениг… Ленты красиви, многа женшчина ат ево родныи, ат жениха, всем даришь» (ПМА: Кузнецова П. П.).

В с. Семилей и Новая Пырма Кочкуровского района РМ перед приездом невесты женщины со стороны жениха пели ей корильные песни — *парявтнемат*:

Даря, сука, чопотетсь,	Дарья, сука, стемнело,
Даря, сука, поздаить.	Дарья, сука, опоздала.
Шнакшнысь, шнакшнысь пирянза,	Хвалила, хвалила себя,
Кепедекшнесь рунгонзо.	Приподняла свою стать.
Вай, мон молян, мон молян,	Ой, я пойду, я пойду,
Чоподава зорява.	Вечернею зарею.
Чоподава зорява,	Вечернею зарею,
Атякш порань порава.	Когда петухи поют
Вана чизе чопотетсь,	Вот солнце заходит,
Вана чизе сундерьгатсь.	Вот день темнеет.
А сон эщё арась,	А ее еще нет,
А сон эщё эзь сак.	А она еще не пришла.
Даря сукантъ, сизьгемень сисем суронзо,	У Дарьи 77 пальцев,
Сисем однасумонза.	Семь женихов у нее.
Сетень палцизь поздаесь,	Их целуя, опоздала,
Сетень простезь чопотетсь.	Прощаясь с ними, припозднилась.

После корильных песен девушку подводили к свекрови, ждавшей ее на пороге дома. В это время сваха пела песни о том, чтобы свекровь приняла новую работницу в свою семью. Свекровь встречала невесту с иконой Божьей Матери и хлебом-солью. У невесты тоже была своя икона, повязанная красивым платком, и хлеб-соль. Свахи начинали мериться хлебами, чей выше. Ико-

ну невесты отдавали свекрови, та ставила ее в красный угол: «[Невесту встречали у жениха] с хлебом-солью вы́йдит мать… Ана́ то́жо с хлебом со́лём идёт, невеста то́жо из дома хлеб-соль берёт. Ну соль ана́, наве́рна, не берёт, а́ли берёт не знай, только, пожалуй, хлеб, пожалуй. Или соль то́жа — забыла уж. Ана́ с хлебом идёт и ана́ с хлебом. Хлеб-та тронут об друг друга. В чулан ведут [невесту], хлеб-та уж на стол, невеста в чулане сидит» (ПМА: Кузнецова П. П.).

Невеста целовала свекровь, они проходили в дом, свекровь с крестной матерью жениха обводила невестку три раза вокруг стола, на котором лежал хлеб с солью. Невеста ставила на стол хлеб и уходила в чулан. Потом туда заходили (по очереди) ее подруги, родные, которых она одаривала голубыми и красными лентами: «Там ле́нтучки дарили. Старухам уж с хресто́м, а молодым ленты. И девчонки, и девки, и бабы — все лезут. Потом придёшь уж, мать благословит» (ПМА: Кузнецова П. П.).

«На руках хлеб у невесты, правой уж молитца. Хлеб и скатер на хлеб. И подайдёт с свекровам пацалуютца. Хлеб и ана и невеста ну стукнут друг другу. А у свекровки тожо хлеб саланица на руках. И вот друг друга — и я хлеб примерна и ана. Зайдёшь, ана [невеста] вперёд зайдёт» (ПМА: Радаева М. М.).

После этого свекровь брала невесту за руку (через подол своего фартука) и подводила к печке «греть руки». Огонь в печи разжигала свекровь. В с. Старые Турдаки Кочкуровского района РМ после того, как невеста согревала руки, к ней подходил мальчик, родственник жениха, открывал ей лицо со словами: «Эта сторона посветлела, та сторона потемнела». Она одаривала его деньгами или кольцом.

Жених брал невесту за руку, молодые целовались, вставали на колени, под ноги им стелили шубу. При зажженной свече их благословляли родители жениха и крестные. Посыпали их хмелем и давали напутствия молодым. Свекровь вела молодых домой через постеленную на пороге шубу. Все остальные обходили шубу. Свекровь благословляла и целовала невестку, при благословении невесту поддерживали под руки урьваля. «[Стряпка] шубу аденит назнанку, выворочена, да, шубу аденит. И суда паложит шапку, вазьмёт на руки хмель. И гарит у ней, а здесь гаршок — жар. И вот всех висипает и ат женихов и невестов, штобу колдуны не налетели на жениха и на невесту. И вот хмелём посыпала. Кагда привезут — блогословлять начинают» (ПМА: Радаева М. М.).

Затем родственники жениха отводили невесту либо в соседний дом, либо в чулан, там ее кормили и переодевали в

женский наряд. Ей переплетали косы и надевали женский головной убор: «[Невесту] к сосе́дам водили наряди́тца, голову-то повя́зоволи… Женились кода́ — у нас нарядили и голову повя́зовали. К нам пришли нарядить невесту, соседней невесту нарядили у нас» (ПМА: Кузнецова П. П.). «Невеста потом уж по-другому пове́жут голову. Раньше уводили и́хней [невестина] родня в чулан, в чулане наря́дют ево́. Потом да, как наря́дют уж, голову-то повяжут. Перьва́ до э́тово двери́, потом суда́, а потом туда в двор, в калидо́р — три раза. А повя́заной уж тута, шушпо́н мордо́вской — тут вы́шетой шерстяными ниткя́ми и красными. Потом запо́н, вперёд, потом ещё запо́н такой с цветами бриажа́ми. Теперь вот некоторые в свахах наряжа́ютца, в Оськине у ково́-нибудь наряд есть» (ПМА: Кузнецова П. П.).

После переодевания невесту выводили к гостям, они одобряли невесту, женщины пели песню:

Кодамо ды мазый ветятан,	Какую красивую ведем,
Кодамо мазый совавтан.	Какую красивую заводим,
Ох, кенкшка а кельге серизэ,	Ох, в дверь не влезает ее высота,
Ох, лавця алга а кельге келизэ.	Ох, на полати не влезает ее ширина,
Стена кирвасти чамазо,	Стену может спалить она лицом,
Серейгава мекшава.	Высокая пчелиная матка.
Вай, кудо боксо лисьманок,	Ой, возле дома колодец,
Сынь совить и валыть ведранок.	Они заходят и выливают ведра,
Вай, кардайсонок лишменэк,	Ой, во дворе у нас лошади,
Сынь сокить-видить моданок.	Они пашут-сеют нашу землю,
Вай, кудыкеле мацтонок,	Ой, в сенях у нас погреб,
Совить-лисить ведранок.	Заходят-выходят наши ведра.

«Невеста зайдёт патом, кагда свекров зайдёт, свекров. Подойдёт невеста к столу, зайдёт и пряма идёт к столу, положит хлеб, эту скатер, ну, перекститца и зайдёт в чулан. Зайдёт в чулан, а не сядит, садитца нельзя. Стаит, вот, к стенку прижмётца, стаит. Ну, зайдут там ево радныи, снимут этот платок-та — будут повязовать по-другому. Как перевязовали, ведь были шлыки… Пряма вот повяжут красива повяжут — тут ленты, тут бусы. Пака лицо [невесты] не аткрыли, пака лицо пакрыта у невесты, да нельзя садитца — стаит тада вот стаит. А патом, кагда во зайдут [перевяжут голову невесте]. Ана уж эта сядит на лавки и зайдёт он. И он зайдёт и он садитца — жених, пример. И он садитца, ну, там скажет, которая сразу говорить будут, а каторо не смел. Скажот: „Ну, как я ждал тебя, как я ждал, как я ждал“ — ет жених. Ну и ана: „Да, ждал“. «Ну, Слава Богу, пришла, привели тебя. Кой-как я даждался!» (ПМА: Радаева М. М.). Свахи пели:

Кудыкеле лапаскэ,	На крыльце (в сенях) ступеньки,
Лапаскэнть лангсо гулькине,	На ступеньке голубок (жених),
Тей велявтэ гулдоргстэ	Сюда повернется — воркует,
Тов велявтэ гулдоргстэ,	Туда повернется — воркует,
Гнездас ялга сон уче.	В гнездо свою подругу ждет.

По некоторым сведениям, невеста не участвовала в угощении гостей. Она всю свадьбу сидела в чулане или в сенях, покрытая платком — шелковой фатой. Жених выходил к родне и угощал их вином.

После переодевания невесту выводили к гостям, и молодая начинала дарить родне жениха подарки, а родные жениха пели для нее песню на напев песни свахи:

Те, первенесь, авав(ы)тысь,	Эта, сношенька, — твоя свекровь,
Бояравинем, атявтысь.	Боярыня, — это твой свекор.
Тень меленен(ы)зэ ваныка, да	Угождай ему,
Тень превененэзэ а да ванстытя,	Его ум береги-ка.
Чокшне ацамонзо ды совав(ы)тыть,	Ночью ему постель ты занеси-ка,
Валске ацамон(ы)зо ливтикая.	Утром ты постель его вынеси-ка.

Невеста с подарком подавала стакан браги гостям: сначала одаривала свекра мордовской рубашкой, свекровь — постельным бельем, затем невестка заплетала золовке косу.

В доме жениха (в красном углу) невесте на колени сажали детей, чтобы молодая родила сына: «Они круг стола пройдут и уйдут венча́тьца. Тут эта мальчишку, у невесты уж подруга пройдёт за ним. А у жениха — они за стол сядут с женихом они круг стола пройдут и мальчишку пу́стют за ними. И у жениха посидит мальчишка и у неве́сти… С жениховой родни уж мальчишка. А она им какой-нибудь поясок повя́жит, што́бы мальчи́шка родить, наве́рна» (ПМА: Лушкина Е. А., Кузнецова П. П.).

До венчания в доме жениха невесте устраивали испытания. Сваха или уредев разбивали горшок, невеста убирала осколки. На этих осколках сваха могла плясать. Невесту заставляли подметать пол, ее посылали за водой.

Уредев прятал веник, невеста должна была найти веник и подмести пол. Если невеста сильно махала веником, про такую говорили, что злая, если тихо — смирная.

Ряженые от жениха и *овто* на сковороде поджигали хмель и заставляли невесту пинать ее.

Венчание. В прошлом венчание и свадьбу проводили в воскресенье. Венчаться ездили впятером: уредев, молодые, сваха и кучер. На свахе был головной убор из бумажных цветов. Родители в церковь не ездили. Жених был одет в рубашку из холста, подаренной накануне невестой. Молодых перед венчанием не кормили: «Жених с невестой не пьют не едят, под венец нады голодной. Дома невеста голо́дной, жених голо́дной должон быть» (ПМА: Радаева М. М.).

«А перва невесту атдельна блогославляют с поклоном… паклонисся, перёд паклон аташлют, а потом уж паедем венчатца в церкву, а в церкву свещеник падойдёт, венец благославит, венец паложут на голаву: „Многае лета“. Потом шли к жениху, батюшка провожал до дома с венцами» (ПМА: Данилова О. И.). «Бабушка нарядитца, шапку наизнанку аденет раньше и шубы были, эт када венчатца, штобы калдуны не были» (ПМА: Радаева М. М.). «Рядились от жениха старушка в шапке и шубе (*овто* — медведица): берет горшок с ладаном, окуривала перед невестой от колдунов, руки в варежках: „А куровонть курясынек, кудрондо-мудряндо лихой ломанде“» (ПМА: Кузнецова П. П.). Молодым вслед приговаривали:

Туинек венчамо,	Пошли венчаться,
Лихоинь карчо вастомсто,	При встрече с лихим,
Макинешка сатам,	В маковое зернышко превратимся,
Душманонь вастомсто,	При встрече с душманом,
Някинешка кадовтам,	В куклу превратимся,
Паронь карчо вастомсто,	При встрече с добром,
Мянелень чече кастам,	До неба вырастим,
Вадрянь вастомсто,	При встрече с хорошим,
Масторонь келесэ кастам!	В ширь земли вырастим!

«Это сваха, каторый с ними-то будет в церкву… когда идут венчатца, от ворот уж уходют и так поёт такие песни» (ПМА: Кузнецова П. П.). «На двор варота аткрывают, невесту с женихом провожают. Там дружка — называитца у нас вроди как хазяин свадьбы, там и вино всё подаёт, ножом возьмёт землю три раза на четырёх местах с боку и спереди и сзади четыре креста, жениху и невесту ножом акрестят землю четыре креста сделает, на дваре, как выйдем из дома, вот крёст сделают, атрежут ат калдуна… [приговаривает]: „Штобы колдуны не падошли, вот перехрещу, вот я нажом перехрещу, штобы калдун не залез к маладым. Штобы лихи люди не напали“. Садились на повозку, запряженную лошадьми, и ехали в церковь» (ПМА: Радаева М. М.).

«Вот взяли так вот и венчаться пое́холи уж со свадьбы-та. От жениха [ехали], с женихом уж уйдём венчаться. А приедем —

проводили уж из це́рькви — меня венцами вели. Венцы́ те с головы не снимали» (ПМА: Радаева М. М.). Часто молодых из церкви до дома сопровождал батюшка. Молодые шли в венцах и снимали их только дома.

При венчании в церкви позади молодых стояла сваха. Она стелила им полотенце. После венчания молодых проверяли в церкви — кто первый встанет на полотенце, тот будет главным в семье. Сваха оберегала молодых, чтобы между ними никто не прошел.

Приезд в дом жениха после венчания. Во время свадебного застолья у мордвы-эрзи было принято, чтобы молодые не присутствовали за общим столом. Невеста стояла у печи. Она могла простоять там всю свадьбу, пока гости не разойдутся, а иногда от 2 до 6 дней. Невесту, как правило, в этот день не кормили. Проходя мимо печки, где она стояла прислонившись, специально марали ей наряд грязной посудой, толкали, пачкали ее. Жених в это время работал по хозяйству во дворе.

После венчания гости садились за стол, сначала угощались родные жениха, потом свахи и уредев шли за горными. На второй день после свадьбы уредев опять ходил за родными невесты. Жених и невеста выходили из чулана к горным и кланялись родителям невесты. Они их одаривали.

Горные в доме жениха искали «ярку» (т. е. невесту).

Родственники со стороны жениха встречали горных с песнями:

Свахинень — бояравинень,	Свахи — боярыни,
Свахинень — азоравинень,	Свахи — хозяюшки,
Умок учотам тынк эйсэ,	Давно мы вас ждём,
Умок встречатам минь тынк.	Давно встречаем вас,
Вальмас кадовсть сельменек,	Проглядели мы глаза,
Рамас кадовсть суронок.	На раме остались у нас пальцы.
Может Серьга тон трямо.	Может Серьга жену прокормить,
Может Серьга трямондо.	Может Серьга содержать.
Раужо лёмзер сельменэ,	Черная черемуха — глаза его,
Мазо бояр лицязо.	Красив лицом боярин.
Мазо бояр сэрезэ,	Красивый боярин ростом,
Мазо яблок лицязо.	Красивое яблоко его лицо.
...Улить Ванян(и) кедензэ,	…Есть у Вани руки,
Улить Ванян(и) пил(и)ген(ы)зэ,	Есть у Вани ноги,
Можит(ы) Марькань трямон(ы)до,	Может Марью содержать,
Можит(ы) Марькань кастомо.	Может Марью поднять.
Касы пандокс сон касы.	Растущей горой она вырастет.

«[Свадьбу гуляли] два дня. День гуляют у невесты, день — у жениха. Так потом стали. А пе́рьва снача́ла гуляли, в моих вре́ма, у жениха только. У невесты и не гуляли, у невесты возьмут и всё, только го́рныи придут — неве́стины родня, вот да́рют» (ПМА: Радаева М. М.).

В с. Старые Турдаки Кочкуровского района РМ невеста на второй день свадьбы подносила гостям брагу, приготовленную свекровью. Гость выпивал брагу и в пустую кружку опускал деньги для молодых. Невеста вынимала деньги и наливала следующему гостю брагу. На третий день невеста опять подносила брагу гостям, а жених — вино. Гости желали молодым всего хорошего, выпивали брагу и кидали стакан, невеста приносила стакан обратно для следующего гостя. В итоге жених бил стакан на счастье.

На третий день свадьбы невесте подруги приносили обрядовое печенье — *сюкоро*, невеста угощала им всех и подносила вино и брагу. За вино давали деньги, опуская их в пустой стакан.

Ритуальный хлеб на свадьбе. В свадебном обряде мордвы-эрьзи Присурья сохранились интересные сведения о ритуальной выпечке. Так, в с. Оськине Инзенского района Ульяновской области каждый со стороны жениха на свадьбу приносил пирог — *курник* с различной начинкой. Пироги складывали на широкую, длинную доску. Уредев резал пироги и раздавал их гостям. Ему помогали две приглашенные стряпухи. В с. Сабаеве Кочкуровского района РМ рассказывали, что уредев при разрезании пирога приговаривал плохие слова. В с. Старые Турдаки Кочкуровского района РМ обрядовый пирог — *лукш* — клали на доску, рядом сажали мальчика и 7 — 8 человек заносили эту доску с пирогом и мальчиком в дом. При этом исполняли русские припевки. Пирог ставили на стол и жениху давали тупой нож, он его разрезал и раздавал присутствующим.

В с. Качелай на свадьбу родня со стороны жениха выпекали двух птиц — *гуляшу* — самца и самку. Когда поезжане приходили за невестой, сваха приносила выпеченных птиц, самца оставляла родне невесты, а на самку просила надеть какие-нибудь вещи, имитируя обряд с приданым:

Давай, сувахай, а гохолёшэнть,
Да… давай, суваха, ай нармушэнть,
Тон иляк максэ а кепе пильге,

Давай, моя сваха, гуляшу,
Давай, сваха, птичку,
Ты не отдавай с босыми ногами,

То... тон иляк максэ	Ты не отдавай
ах штадонь прят,	с непокрытой головой,
Тон карцить кепе а пильгендза,	Ты обуй ее босые ноги,
То... тон сюлмик штада ах а пирянза.	Ты покрой ее голову.

Сваха просит отдать птицу как невесту и нарядить ее. Пирог с самкой ели у жениха три дня спустя, раздавали детям. Пирог с самцом клали в красный угол и хранили его до шести недель, потом съедали.

В селах Кочкуровского района РМ гуляшу пекла женская родня. Обрядовый пирог богато украшали. Вокруг пирога пели и плясали, потом раздавали детям. Еще пекли гречишник — большой белый хлеб, который также украшали. У свахи просили разрешение наряжать *лукш*, затем она относила его к свекрови, а вместе с ней подруги невесты несли рубашку жениху.

По другую сторону р. Суры (правобережная мордва-эрзя) лукш пекли для смеха. Это сырой пирог, который потом скармливали скотине. На лукше делали двух голубей — жениха и невесту. Вместо начинки в *гуляшу* клали кашу.

Стряпухи — особые приглашенные женщины (до 3 человек) пожилого возраста. Отношение общины к стряпухам было уважительное. Считалось, что от их мастерства зависел успех свадебного обряда. Все свадебные дни стряпухи готовили, убирали, ухаживали за гостями. Во время приготовления еды они произносили заговоры, пели специальные песни. В с. Сабаеве Кочкуровского района РМ до настоящего времени при приготовлении обрядового пирога — гуляшу (или лукш) — поют следующую песню:

Ой, гуляша, гуляша,	Гуляша, гуляша,
Ой, гуляша — нармуша,	Гуляша — птичка,
Ох, тон молят, гуляша,	Ох, ты пойдешь, гуляша,
Ков тон ней думат молеме,	Куда ты теперь думаешь пойти,
Мазы мельга тон молят,	За красивой (невестой) ты пойдешь,
Пары мельга тон молят,	За хорошей ты пойдешь,
Мазы парынь тееме,	Красивое добро делать,
Числа мельга ветямо,	Заветный день вести.
Вай, гуляша, гуляша,	Ой, гуляша, гуляша,
Радувака совахазыныка,	Порадуйся и нашим свахам,
Столень келес келезэ,	Шириной этого стола наш пирог,
Казёной орчем сэрезэ,	Высотой с аршин.
Птицат-нармушкат лангсынза,	Сверху — птички,
Топонь ярцамкат поцонзэ.	А внутри — творожная начинка.

Стряпухи часто выполняли роль свахи или матери жениха, брали на себя их обязанности и функции, например, в с. Оськине: «На шубу сажают, кагда привезут невесту с жинихом, придёт это вроди стряпка, гатовит каторот, с ево стороны. И во шубу аденит назнанку, выворочена, да, шубу аденит. И суда паложит шапку, вазьмёт на руки хмель. И гарит у ней, а здесь гаршок — жар. И вот всех висипает и ат женихов и невестов, штобу колдуны не налетели на жениха и на невесту. И вот хмелём посыпала» (ПМА: Радаева М. М.).

Обряды с шапкой. В с. Качелай Кочкуровского района РМ подруги невесты делали из цветной бумаги красивые цветы, которыми украшали «украденные» ими шапки гостей — мужчин. Девушки подходили к каждому гостю и требовали выкупить свою шапку:

...Кают, а кают, а сува(а)хай,	…Одаришь, не одаришь, сваха,
Пу... путат, а путат, а куда(а)кай.	Положишь, не положишь, сват.
Тейтиринь казнесь ань аволь,	У девушки подарок небольшой,
Те... тейтеринь казнесь вишкине.	У девушки подарок маленький.
Пасиба, сувахай, а пасиба,	Спасибо, сваха, спасибо,
Пасиба ламанькс ловомазот.	Спасибо, за человека посчитала.

Деньги складывали в блюдце, если гость мало давал, то ему пели песню еще раз, это продолжалось до тех пор, пока он не давал столько, сколько положено. Жадных гостей девушки ругали: «Годился бы ты только на пастуха, кнут таскать». «*Шапкань намоня*» могли делать и в доме невесты, когда за ней приезжали сваты. Девушки забирали их шапки и заставляли их выкупить, при этом пели сватам песни, кто давал мало денег, того корили в песнях.

Кроме этого существовал обряд наречения молодой новым именем в доме жениха. После того, как молодую подводили к печке, по обе стороны от нее выстраивались женщины со стороны жениха. Один из поезжан топором откалывал щепку от бревна на потолке, затем зажигал щепку в печке, подносил к каждому и спрашивал имя молодой. Поезжанин вынимал из-за пазухи кусок каравая, дотрагивался до головы молодой и давал ей имя. Потом при всех топором разрубал свою шапку на части в знак того, что это произойдет с каждым, кто назовет новую сноху старым именем. Имена для молодушек в эрзянской общине были следующими:

— *мазява* — красивая женщина;

— *ашава* — белая женщина;

— *парава* — хорошая женщина;
— *вежава* — младшая женщина;
— *сырнява* — золотая женщина;
— *тетява* — значение забыто.

Щепки, остатки шапки и разрубленную кибитку невесты — *«он-аву»* сжигали в печке в доме жениха (см.: **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. М., 1931. С. 295 — 296).

Второй день свадьбы. Родственники жениха пели корильные песни на бужение снохи (урьва). Эту песню могли петь и во время свадебного застолья:

Урьва, урьва, боярава	Сноха, сноха, боярыня,
Стяка, урьва, азорава…	Встань-ка, сноха, хозяйка,
Скалтнэ парыть, кором вешить,	Коровы мычат, корм просят,
Вазтнэ парыть, симемс вешить.	Телята мычат, пить просят.

В с. Семилей Кочкуровского района РМ утром второго свадебного дня ряженый (*овто* — медведь) будил невесту и приносил ей мед.

В с. Оськине Инзенского района Ульяновской области проверяли честность невесты: свекровь шла утром к молодым и смотрела простынь, показывала ее всем гостям. Если невеста была нечестная, то ее позорили. В знак честности невесты били горшки и плясали на них: если честная невеста — били хорошие горшки, если нет — били дырявые. Потом сноху заставляли собирать осколки.

В с. Новая Пырма Кочкуровского района РМ честность невесты не проверяли, ссылаясь на то, что это не мордовский обычай, а татарский. Если невеста выходила замуж в положении, то для нее снимали косяки главных ворот. Это считалось большим позором для молодой.

В с. Качелай Кочкуровского района РМ невесту будили и посылали за водой в колодец — знакомится с родником. Дорогу показывала маленькая девочка, за это ей невеста давала колечко или деньги. В с. Старые Турдаки невеста бросала в воду кольцо, а ее провожающей отдавала платье.

В с. Челдаеве Инзенского района Ульяновской области над невестой подшучивали: когда та шла рано утром за водой, ее поджидали родственники жениха с приготовленным мусором и кидали ей в ведро. Жених был рядом и отбивал ее от родных, чтобы они не мусорили воду.

На второй день свадьбы «*молили сюкоро*» — обрядовые лепешки, печенье, испеченные невестой до свадьбы. Их приносили девушки от невесты и угощали родню жениха.

На третий день невеста «рожала». Приглашали беременную женщину, которая имитировала роды. Делали зыбку (люльку) — *лавсь*, куда клали куклу. Для «роженицы» топили баню, женщину раздевали, потом одевали во все новое. В с. Сабаеве, Русском и Мордовском Давыдове «роды» принимала *овто*, а «рожала» сваха на соломе, потом солому сжигали. Свекрови приносили «младенца» — куклу, свекровь качала ее и пела колыбельные песни.

В с. Оськине на третий день свадьбы пекли блины. Невеста дарила родне жениха сюкоро, а они пели ей свадебные колядки:

Каляда! Уреш, дай сюкоро,	Коляда! Уреш, дай пирожок,
Каляда! Буте а максат сюкоро,	Коляда! Если не дашь пирожок,
Каляда! Тазув пря цёра чачт,	Коляда! Лишайного мальчика родишь,
Каляда! Лавца ланга чийнизэ,	Коляда! По лавкам чтобы бегал,
Каляда! Дроба парца ваязо.	Коляда! В лохани утонул.

В с. Новая Пырма Кочкуровского района РМ колядки пели не родственницы жениха, а подруги невесты, которые приходили ее проведать на второй день после свадьбы. Они же ей делали люльку и качали ее, клали туда ложку, тарелку. Невесте солому стелили, говорили, что невеста «рожает». После этого невеста открывала ступу, закрытую фатой, вынимала сюкор и раздавала гостям.

Колыбельные песни пела каждая женщина из родни жениха и одаривала невесту. Жених тоже принимал в этом участие, а невеста дарила свекрови мордовскую рубашку, чтобы она потом хорошо качала колыбель. Ее делал свекор на третий день после свадьбы. Колыбельные песни пели для того, чтобы в будущем ребенок спал спокойно.

Жизнь невестки в новой семье. У мордвы семьи были большие. Невестка ела стоя до появления новой снохи. В эрзянской семье невесте нельзя было ходить босиком, появляться без платка при свекре и свекрови.

Три года ей нельзя было никуда ходить, она всем угождала, подчинялась. Сноха вставала раньше всех, разжигала огонь в печи. Каждую неделю снохи по очереди пекли хлеб, готовили на большую семью. Пока свекор не начинал есть, никто за стол не садился.

Ряженый медведь — овто. Мифологическое миросозерцание человека изначально настроено на деление окружающей дейст-

вительности на два полярных уровня: наш мир и чужой мир. В фольклоре эта данность отображается в строгой фиксации: по ту и по эту сторону. Судя по тому, как выстраиваются в художественной системе традиционной культуры данные представления о мироздании, можно предположить, что человек находился на разделительной черте — границе этих миров. Принцип жизни основан на движении от творения к хаосу и от хаоса к творению. Удержать фрагменты восприятия и зафиксировать их в описании картины мира — это акт творения человеческого пространства, где любой предмет, в который вкладывается смысл, от культовых до бытовых, выполняет роль фиксации внимания. Однако внимание начинает работать тогда, когда предметы, идеи, культовые ритуалы, обряды вписаны в общую картину мира человека, рода, племени и т. д.

Страх и боязнь потерять обжитое пространство, закрепленные в чувствах и в описаниях, были повседневной угрозой. Только в обжитом пространстве разум становится функциональным. Обжитое пространство нуждалось как в общественном закреплении, так и в невещественном. Сюда входят: постройки, предметы быта, орудия производства, оружие, ритуалы, обряды, боги, идолы и такой феномен, как *тотемный предок*.

Тотемный предок является одним из проявлений потустороннего мира. Основная его функция — охранительная (охраняет свой род, племя, мир). Память о тотемном предке проявляется в комплексе свадебного обряда мордвы-эрзи Присурья в форме перевоплощения человека, а точнее женщины, в медведя (медведицу), называемого по-эрзянски — овто.

В с. Сабаеве, Старые Турдаки, Семилей Кочкуровского района РМ боевая женщина (родственница жениха) — «нахальница» — наряжалась в вывороченную шубу, шапку-ушанку, на руки надевала варежки, лицо мазала сажей. Атрибутами овто были березовый веник, которым он парил гостей, и колокольчик, в который он постоянно звонил. «Бабушка нарядитца, шапку наизнанку аденет, раньше и шубы были, эт када венчатца, штобы калдуны не были»: „А куровонть курясынек, кудрондомудряндо, лихой ломанде“» (ПМА: Кобанова М. Т., Наумкина Н. В., Аверкина А. И.).

В с. Оськине Инзенского района Ульяновской области в медведя наряжалась стряпуха: «Стряпка шубу аденит назнанку, вывороченa… и сюда паложит шапку, вазьмёт на руки хмель. И гарит у ней, а здесь гаршок — жар. И вот всех висипает и ат женихов и невестов, штобу колдуны не налетели на жениха и на невесту» (ПМА: Радаева М. М.).

Образно-семантическое назначение феномена овто разнообразно и многопланово. Он задействован в свадебном обряде в первые два дня. Появление овто и реализация основных его функций связаны с появлением в доме жениха невесты (символ чужого, опасного мира). Первые действия овто направлены на то, чтобы обезопасить свой род: он стегал невесту соломенным кнутом, когда она впервые входила в дом. Потом следовало посыпание невесты хмелем, во время которого овто благословлял ее на продолжение рода, приговаривал, чтобы сторона невесты померкла, а сторона жениха осветилась. Овто брал горшок с ладаном и окуривал невесту от колдунов, приговаривая: «*А куровонть курясынек, кудрондо-мудряндо, лихой ломанде*» (Злой дух, от лихих людей окурим).

После венчания молодых на главную арену свадебного действа выступает фигура овто.

Овто передразнивал невесту, тем самым нивелировал жизненные ценности, которые она принесла с собой из мира родителей: он ее ругал, указывал на физические несовершенства — хромая, кривая и т. д., ходил за ней по пятам, вызывая у присутствующих смех, который был направлен не на самого овто, а на те действия, которыми он представлял образ невесты. Овто заставлял невесту своими действиями отказаться от привычек, образа мышления, от всего, что она имела в мире родителей и принять весь уклад жизни той семьи, в которой она будет жить. Все это делалось овто для того, чтобы своим появлением невеста не смогла разрушить мир рода жениха — происходило «стирание» прежней информации у невесты.

В то же время овто заботился о продолжении рода, он благословлял молодых, делал невесте подарки, прятался под кровать молодоженов. Он стелил постель для молодых. Под кровать овто клал торо — саблю уредева, либо прятал торо под подушкой для благопожелания, чтобы невеста, по словам информаторов, была работящая и берегла мужа. Молодым постель стелили не дома, а в чулане или в конюшне.

Овто утром будил невесту, приносил ей мед и начинал озоровать: кувыркался и пел прибаутки; ходил с березовым веником и «парил» гостей; разбрасывал поленицу дров, сбрасывал крышу с дома; бегал по лавкам, кричал и бил горшки; кричал и пугал всех; во время свадебного застолья требовал от хозяина сырое мясо, которое ему подавали на печной лопате, овто плясал с куском сырого мяса, «кормил» молодых — давал им большой мосол, потом отбирал, не дав им откусить, и съедал сам, имитировав при этом медвежий рык; выгонял гостей, звонил в колокольчик, кидал что-нибудь в гостей.

На второй день свадьбы овто приходил к родне невесты и требовал курицу; к родне невесты в корыте везли сваху и овто, затем на нем прилюдно рвали одежду.

Хозяева или овто брали в руки палку, заслонку или пустое ведро и били глиняную посуду, ударяли палками об стену, производили звон заслонками, поднимали невообразимый шум. Засидевшиеся гости поднимались со своих мест и выходили на улицу, показывая что свадьба заканчивается. Этот обряд у мордвы-эрзи Присурья называется «*кудань ливтима*» — выселение поезжан. Однако он выполнялся для того, чтобы выселить из избы нечистую силу. У русских на свадьбе также присутствует элемент битья горшков, который означает разрушение невинности молодой. Однако со временем обряды изменяют значение.

После выполнения всех действий овто сжигали на костре (*чукшпря*). Костер разжигали из соломы, на которой «рожала» невеста или сваха. На солому сажали овто, овто кувыркался в костре. Затем с него снимали шкуру и «парили» в бане. По другим сведениям, овто купали на улице в корыте. Гости раздирали одежду на овто, после чего невеста или свекровь дарили овто новую одежду. Медведь переодевался, надо было продемонстрировать новую одежду. После этого овто «становился человеком».

Феномен ряжения на свадьбе встречается у многих этносов. Парни надевали женскую одежду, а девушки — мужскую. Наряжались в старика и старуху, цыганками, врачом, пастухом и т. д. Образ овто в свадебном обряде мордвы-эрзи Присурья — это уникальное явление. Культ медведя имеет широкое распространение как на территории нашей страны, так и за ее пределами. И. Я. Фроянов отмечал: «Медвежий культ не является принадлежностью исключительно финских племен, но характерен для религиозных представлений ряда народов лесной полосы Евразии, в том числе и славян севера» (**Фроянов И. Я.** О языческих «переживаниях» в Верхнем Поволжье второй половины XI в. // Русский Север : Проблемы этнокультур. истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 30 — 49).

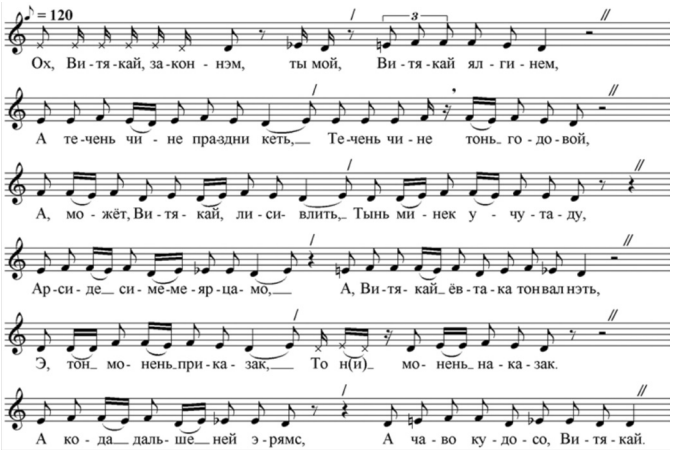
В русском свадебном обряде (верховье Волги) довенечной частью руководила нанятая «вытница», «вытьянка» или «ворковойка», интонировавшая на «горемычный» или «сваревный голос», ей помогали девушки — «привывали», «подвывали», «подставали». Невеста при этом «рявкала», «ревела», «фыркала», «охала» (см.: **Кирюшина Т. В.** Голос в народной терминологии Верхнего Поволжья // Голос и ритуал. 1995. С. 72 — 73). Все определения, относящиеся к форме подачи голоса руководительницы

обряда и невесты, имеют теротеистическую подоснову, связанную с поклонением животным. Невеста-сирота при обращении к умершим родителям выла на «мертвечий» или «медвежий» голос, что выводит нас на представление о мертвом мире, при общении с которым используется особый информативный код, в том числе и «медвежий» голос (см.: **Ушаков А.** Свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни // Старица. СПб., 1995. С. 72 — 73).

Образцы напевов похоронно-поминальных, рекрутских причитаний (*лайшемат*)

№ 1

«*Ох, Витякай, законнэм, ты мой*» («Ох, Виктор, законный мой»), поминальный плач по мужу, исполняемый на Троицу. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:



Ох, Витякай, законнэм, ты мой,
Витякай-ялгинем,
А течень чине праздникеть,
Течень чине тонь годовой,
А, может, Витякай,
лисивлить,
Тынь минек учутаду,
Арсиде семеме-ярцамо,
А, Витякай, ёвтака тон валнэть,
Э, тон монень приказак,
Тон монень наказак.
А кода дальше ней эрямс,
А чаво кудосо, Витякай.

Ох, Виктор, законный мой,
Виктор, дружочек мой,
Сегодня праздник твой,
Сегодня день твой годовой.
А, может, Виктор,
хотел бы выйти к нам,
Вы нас ожидаете,
Вы надумали покушать,
Виктор, скажи словечко,
Ты мне прикажи,
Ты мне накажи,
Как теперь мне дальше жить,
В пустом доме, Виктор.

№ 2

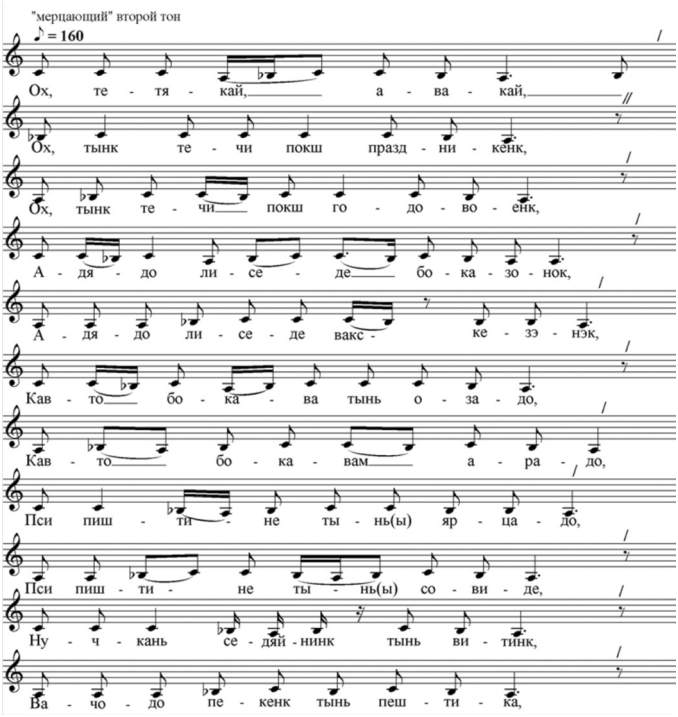
«*Тетякай, авакай*» («Папочка, мамочка»), поминальный плач по свекру и свекрови, исполняемый на Троицу. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:

Тетякай, авакай,	Папочка, мамочка,
Течи тынк праздникенк,	Сегодня у вас праздник,
Течи тынк пек покш чинк,	Сегодня у вас большой день,
Вачо пекинк пештеме сынек,	Мы принесли вам поесть,
Нучкань седиенк минь витьсынек,	Голодное ваше сердце утолить,
Адядо лиседе боказонок	Выходите к нам,
Озадо ваксозонок,	Садитесь рядом,
Пси пиштине минь теинек,	Мы приготовили вам горячую еду,
Пси пиштине минь кандынек,	Горячую еду принесли вам,
Тетякай, авакай, садо,	Папочка, мамочка, приходите,
Минек бокас озадо,	Садитесь рядом с нами,
Кавто бокаван арадо,	Встаньте с двух сторон,
Кавто бокаван озадо	Садитесь с двух сторон,
Монь ёрань пиштинидень ярцадо,	Приготовленную мной пищу ешьте,
Монь готовань пиштинидень закусядо,	Приготовленной мною пищей закусите,
Пекиненк пештинк,	Утолите голод,
Седеенк витинк.	Отведите сердце.

№ 3

«*Ох, тетякай, авакай*» («Папочка, мамочка»), поминальный плач по отцу и матери. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:

Ох, тетякай, авакай,	Ох, папочка, мамочка,
Ох, тынк течи покш праздникенк,	Ох, у вас сегодня большой праздник,
Ох, тынк течи покш годовоенк,	Ох, у вас сегодня годовщина,
Адядо лиседе боказонок,	Выходите к нам,
Адядо лиседе вакскезэнэк,	Выходите к нам,
Кавто бокава тынь озадо,	По обе стороны вы садитесь,
Кавто бокавам арадо.	По обе стороны вы встаньте,
Пси пиштине тынь ярцадо,	Горячую еду вы кушайте,
Пси пиштине тынь сэвиде,	Горячую еду вы ешьте,
Нучкань седяйнинк тынь витинк,	Голодное сердце вы утолите,
Вачодо пекенк тынь пештинк,	Голодные животы утолите,
Можот, тынк пек састь симеманк?	Может, вы очень сильно хотите пить?
Вана тыненк ведне мон кандынь,	Вот вам воды я принесла,
Ох, явавтынк симеманк,	Ох, утолите жажду,
Ох, удальте тынь ней жажданк.	Ох, утолите жажду.



№ 4

«*Ой, лелякай*» («Ой, старший брат ты мой»), поминальный плач по старшему брату, исполняемый на Троицу. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:

Ой, лелякай,
Адякай листяяк тон,
Адяка тон мартон кортамо.
Аволь кудынезем тон соват,
А киякс кувалт тон ютат,
А эзем чиринизем тон озат,
А, лелякай, кадовинь,
мон ней ськамон.
А патям монь ней, лелякай,
А братом монь, а сазором,
А кинень ней монень молемс,
А кинень монень ней совамс.

Ох, старший брат ты мой,
Выйди-ка ты к нам,
Поговори ты со мной,
Теперь ко мне ты не зайдешь,
По полу моему ты не пройдешь,
На лавку ты со мной не сядешь,
Ох, брат, осталась
теперь я одна,
У меня теперь нет сестры,
Ни брата, ни сестры.
Не к кому теперь мне сходить,
Не к кому теперь мне зайти.

№ 5

«*Ох, патякай-авакай*» («Ох, сестра-матушка моя»), поминальный плач по сестре. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:

Ох, патякай-авакай,	Ох, сестра-матушка моя.
А, ужо, патякай,	Подожди-ка, сестра,
мон вантан.	я посмотрю на тебя.
Ох, крёсткеть мон кутмордаса,	Твой крест я обниму,
А, лажа вайгелем таргаса,	Плачущий голос я протяну,
Лажа валным мон ёвтнесынь,	Скорбные слова я скажу,
Патякай, ней куломадот мейле,	Сестра, после твоей смерти,
А кинень ней монень молемс,	Не к кому мне теперь пойти,
А кинень ней потминем	Некому теперь душу открыть.
панжомс,	
Патякай-авакай,	Сестра-матушка,
Ох, патинем-авинем.	Ох, сестренка-матушка.

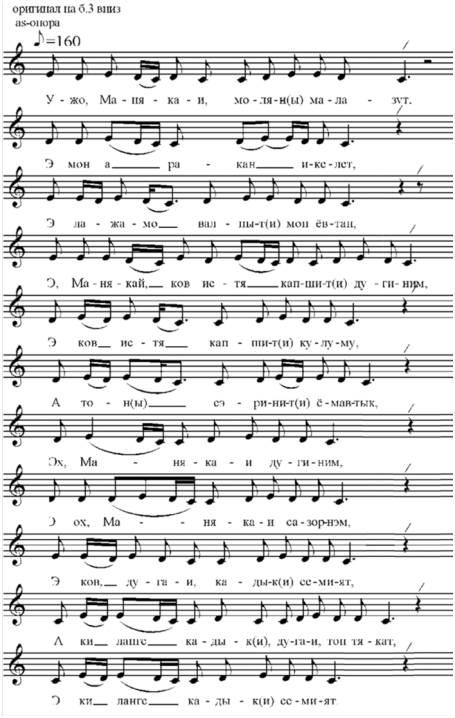
№ 6

«*Ох, варминем-вармакай*» («Ох, ветер-ветерочек»), поминальный плач по брату, сестре на шесть недель. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:

Ох, варминем-вармакай,	Ох, ветер-ветерочек,
Ох, тон састыне пувака,	Ох, дуй ты тихонько,
Панжика лангсу пулинеть,	Сдуй сверху пылинку,
Панжика лангсу модынеть.	Открой-ка сверху землю.
Ох, тон листя, лелякай,	Ох, ты выйди, брат,
Ох, тон листя, патякай,	Ох, ты выйди-ка, сестренка,
А минь тонеть одеженеть кандыник,	А мы тебе одежду принесли,
А минь одеженеть тонь полавтсыник,	А мы одежду твою поменяем,
А нете кото недлянь ютамусь,	А эти шесть недель прошли,
Нилиньгемень тонь чинис,	Твои сорок дней,
Ох, тонь каладсть одежат,	Ох, у тебя истлела одежда,
Ох, тонь раздисть тонь тапкат.	Ох, твои тапки порваны.
Ох, полавтытя одежат,	Ох, поменяй-ка свою одежду,
Ох, полавтытя тон ней одежат.	Ох, поменяй-ка сейчас
	свою одежду.

№ 7

«*Ужо, Манякай, молян малазут*» («Подожди, Машенька, подойду к тебе поближе»), похоронный плач по сестре. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (11.07.2006 г.) от Пиксаевой Елены Трофимовны:



Ужо, Манякай,
молян(ы) малазут,
Э, мон а ракан икелеть,
Э, лажамо валныт(и) мон ёвтан,
Э, Манякай, ков истя капшит(и),
дугиним,
Э, ков истя капшит(и) кулуму,
А тон(ы) сэринит(и) ёмавтык,
Ох, Манякай, дугиним,
Э, ох, Манякай, сазорнэм,
Э, ков, дугай, кадык(и) семият,
А ки лангс кадык(и), дугай,
тон тякат,
Э, ки лангс кадык(и) семият,
А, дугинем, а таркантинь
ней мадить,
А те таркасонть, дугинем,
мейлеяк аулить поздая,
А, нюх ней од принисыть, а дугай,
Э, эзем пряс мацтик сэринить,
Э, ох, дугай, ёмавтык леминить,

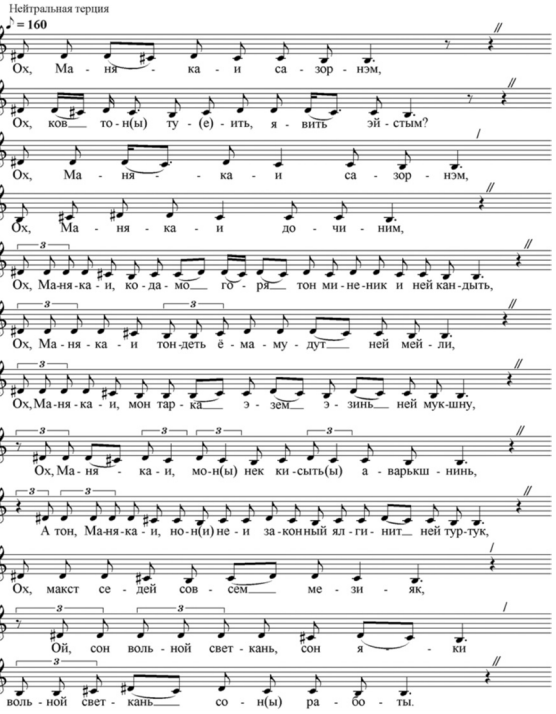
Подожди, Машенька,
подойду к тебе поближе,
Я не смеюсь перед тобой,
Скорбные слова я скажу,
Маня, куда ты так торопилась,
сестра,
Куда так торопилась умереть,
А ты красоту потеряла,
Ох, Машенька, сестренка,
Ох, Машенька, сестренка,
Куда, сестра, оставила свою семью,
На кого оставила, сестра,
ты детей,
На кого, сестра, оставила семью,
Сестренка, не на это место
теперь легла,
На это место и потом
не опоздала бы,
А ты в молодую пору, сестра,
На лавку положила свою высоту,
Потеряла, сестра, имя свое,

Э, ох, Манякай, сазорнэм,
Э, ков истя капшить, а дугай,
Тон семият кадуму,
Ох, дугинем, а Маня,
Но паро валдо, а Маня,
Э, солавлить, а дугай,
Э, ох, Манякай, дугиним,
А те таркантинь мейлеяк
аулить поздая,
Э, ня тон, дугай,
а времасту тон заник,
А дугиним, а времасту
тон тезэй мадить.
Ох, Манякай, простямак,
Ох, дугиним, простямак,
Э, мон лажи вайгиль ней таргинь,
Э, дугинем, лажамо мон карминь,
Э, тонь, дугай, а лади тезэй а лади,
Эштё дугай рана
те таркантъ тон заник,
Э, ков истя капшить
кельме калмонь эждеме,
Арасть панжадо вальманзо,
Арасть панжадо кенкшинзэ,
Ох, дугинем, а Маня,
Ох, дугинем, Манюша,
Ох, Манякай дугинем,
лажавлитинь, лажавлитинь,
Стувтовсть весе монь валом,
Нать, сыредеме мон карминь,
Ёмасть весе валыним,
Ох, Манякай, сазорнэм,
Ки лангс кадык тон мирдит,
Ки лангс кадык тон олят,
Ужо ков пурныть тон, сэрнить,
А, Манякай, дугай, а Маня,
А ней эштё рана ней, рана,
А те таркантъ тон заник,
А те таркантень тон мадить
Ох, сыре сыре бабанинь,
Ещё седеяк сыре атянинь,
А тезэ лади ней мадема,
А тезэ лади аштеме,
А тонеть, дугай, а ладе,
Эште ведь од ломанят, ломанят,
Ох, авакай-Манякай.

Ох, Машенька, сестренка,
Куда так торопилась, сестра,
Ты семью оставить,
Ох, сестра моя, Маша,
От хорошего слова, Маша,
Таешь сестра,
Ох, Маша, сестренка,
На это место потом
не опоздала бы,
Не в то время, сестра,
ты заняла,
Сестра, не в то время
ты сюда легла.
Ох, Маша, прости меня,
Ох, сестра, прости меня,
Я плачущий голос теперь протянула,
Сестру оплакивать я стала,
Тебе, сестра, не идет, не идет,
Еще сестра рано заняла
ты это место
Куда так торопилась
холодную могилу согревать,
Нет там открытых окон,
Там нет открытых дверей,
Ох, сестра моя, Маша,
Ох, сестра, Маня,
Ох, Машенька, сестра,
оплакивала бы и оплакивала тебя,
Забыла все свои слова,
Уж стареть я начала,
Пропали все мои слова,
Ох, Маша, сестренка,
На кого оставила ты мужа,
На кого оставила волю,
Подожди, куда ты собралась,
А, Маша, сестра, а Маша, сестра,
А теперь еще рано, еще рано,
Ты это место заняла,
В то место ты легла,
Ох, старой, старой бабушке,
А еще старому дедушке,
Идет их черед теперь лечь,
Там им лежать,
А тебе, сестра, не идет (там лежать),
Еще ведь ты молодая,
Ох, Машенька.

№ 8

«*Ох, Манякай, сазорнэм*» (*«*Ох, Машенька, сестренка»), похоронный плач по сестре. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (11.07.2006 г.) от Пиксаевой Елены Трофимовны:



Ох, Манякай, сазорнэм,
Ох, ков тон(ы) ту(е)ить, явить эйстым?
Ох, Манякай, сазорным,
Ох, Манякай, дочиним,
Ох, Манякай, кодамо горя тон миненик и ней кандыть,
Ох, Манякай, тонь ёмамудут ней мейли,
Ох, Манякай, мон тарка эзем эзинь ней мукшну,
Ох, Манякай, мон(ы) пек кисыть аварькшнинь,
А тон, Манякай, тон(и) ней законный ялгинит ней туртук,
Ох, макст седей совсем мезияк,
Ох, сон вольной светканть яки, вольной светканть сон(ы) работы,
Ох, тонь ведь тона чив панинзить,
Ох, тона чив кучинзить,
Ох, сон бояр ладсу тия ней яки,
Ох, Манякай, кельме калму ней эжедят,

Ох, а карчу вастан, а мельга,
А сасатадызь ох, Манякай, сазорнэм,
Ох, Манякай, патинем,
Ох, Манякай, кудонть арасть кенкшинзэ,
Ох, арасть сонзэ вальманзо,
Ох, тосто тон а лисеват,
Тосто тон а сават.

Ох, Машенька, сестренка,
Ох, зачем ты ушла, отошла от меня?
Ох, Машенька, сестренка, ох, Машенька, доченька,
Ох, Машенька, какое горе ты нам принесла,
Ох, Машенька, после твоей смерти,
Ох, Машенька, я место себе не находила,
Ох, Машенька, я по тебе очень плакала,
А твой, Машенька, твой законный муженек теперь,
Нуждается в сердечной помощи,
Ох, он по вольному свету ходит,
На вольном свете работает,
Ох, тебя на тот свет он отправил,
Тебя на тот свет отправил,
Как барин ходит теперь здесь,
Ох, Машенька, холодную могилу греешь,
Не попадешься ты мне теперь навстречу,
Не догоним мы тебя, Маша,
Ох, Машенька, сестренка,
Ох, Машенька, в этом доме нет дверей,
Ох, нет у него окон,
Ох, оттуда ты не выйдешь,
Оттуда ты не вернешься.

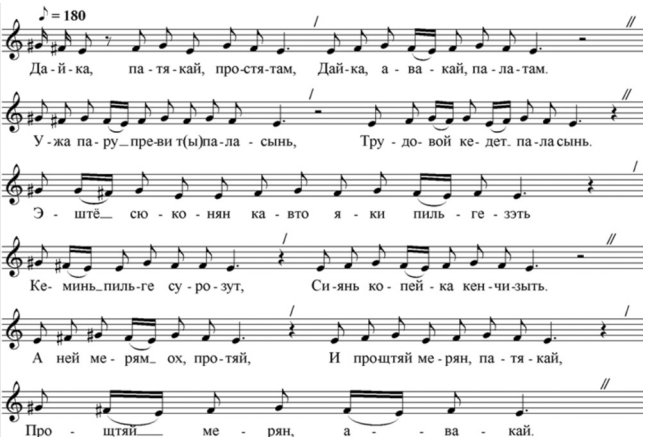
№ 9

«*Ох, Манякай, дочинем*» («Ох, Машенька, доченька»), похоронный плач по сестре:

Ох, Манякай, дочинем,	Ох, Машенька, доченька,
Ох, Манякай, сазорным.	Ох, Машенька, сестренка,
Ох, туят тона чив,	Уйдешь ты на тот свет,
Ох, туят виде чив.	Правильный свет,
Кода парсте вастадызь,	Как хорошо встретят тебя,
А мельга сасатадызь.	Догонят тебя,
А Манякай, сазорнэм,	А, Маша, сестренка,
Ох, валске чине а мольтянок минь тонеть.	Завтра не пойдем мы к тебе,
Кода жальне маряват,	Как жаль мне тебя,
Кода жальне неяват.	Как жаль тебя.
Ох, накой сон тонь исте казинизить,	Ох, зачем он (муж) тебя так наградил,
Ох, накой тонь истя ёмавтынзить.	Ох, зачем тебя так погубил.

№ 10

«*Дай-ка, патякай, простятам*» («Давай, сестричка, простимся»), похоронный плач по сестре. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (11.07.2006 г.) от Пискаевой Елены Трофимовны:



Дайка, патякай, простятам,	Давай, сестричка, простимся,
Дайка, авакай, палатам.	Давай, мамочка, поцелуемся.
Ужа пару превит паласынь,	Подожди, хороший твой ум поцелую,
Трудовой кедет паласынь.	Трудовые руки твои поцелую.
Эштё сюконян кавто яки пильгезэть,	А еще поклонюсь двум твоим ногам,
Кеминь пильге сурозут,	Десяти твоим пальцам на ногах,
Сиянь копейка кенчизыть.	Серебряному копеечному ногтю.
А ней мерян: «Ох, прощтяй,	А теперь скажу: «Ох, прощай,
И прощтяй», мерян, патякай:	Прощай», скажу, сестренка:
«Прощтяй», мерян, авакай.	«Прощай», скажу, мамочка.

№ 11

«*Ох, авакай, авакай*» («Ох, мамочка, мамочка»), похоронный плач по маме. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (11.07.2006 г.) от Пиксаевой Елены Трофимовны:

Ох, авакай, авакай,	Ох, мамочка, мамочка,
Ох, авакай-шкиникай,	Ох, мамочка родная,
Авакай, седей мариним,	Мамочка, чувствующая сердцем
Шкиникай, солавалыним,	Родная, мягкосердечная
Мекс монь, авакай, стувтымик,	Почему меня, мама, забыла,
Мекс, шкиникай, кадымизь?	Почему, родная, ты нас оставила?
Нать уш эзь мольть кисым мелеть,	Наверное, не соскучилась по мне,
Мастурунь лангунь бесчаснуй,	Несчастная по земле я хожу,

Менель алксунь пайстумка,	Под небесами я хожу,
А мон кува якан авардян,	Где хожу – плачу,
Килейкс кольган, мелявтан,	Как береза плачу,
Ки чиресэ палынинь кондямо,	Как полынь нахожусь я возле дороги,
Кода варминесь юхаде,	Как ветер подует,
Мон ней юхадеван,	Меня сдувает,
Косот эйдинен, нуцькинен,	Где теперь дети, внуки мои,
А монь пильгинен ней понгить.	А мои ноги спотыкаются теперь.

№ 12

«*Ох, авакай, авакай*» («Ох, мамочка, мамочка»), поминальный плач по маме. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (25.07.2006 г.) от Мукейкиной Фёклы Ефимовны:

Ох, авакай, авакай,	Ох, мамочка, мамочка,
Ськамун кадувинь монь кудытинь,	Осталась дома я одна,
Мон ней ськамон ков молян?	Куда я одна теперь пойду?
Ужу молян мон молян,	Уж пойду я пойду,
Молян шкинень аванень,	Пойду я к родимой мамочке,
Молян чалган авань пильге пес.	Пойду, встану на могильный холм.
Ох, авакай, авакай,	Ох, мамочка, мамочка,
Ох, авакай-корьмакай.	Ох, мамочка, кормилица.
Мезекс кадымик монь чаво кудос эрямо,	Зачем оставила меня в пустом доме жить,
Ох, авакай, саимак.	Ох, мамочка, возьми меня.
Илямак када кувака пингень эрямо,	Не оставляй меня долгий путь проживать.
Авакай, мон ськамон ней пелян.	Мамочка, я одна теперь боюсь.
Ох, авакай, саимак,	Ох, мамочка, возьми меня,
Ох, авакай, вешимак.	Ох, мамочка, попроси меня.

№ 13

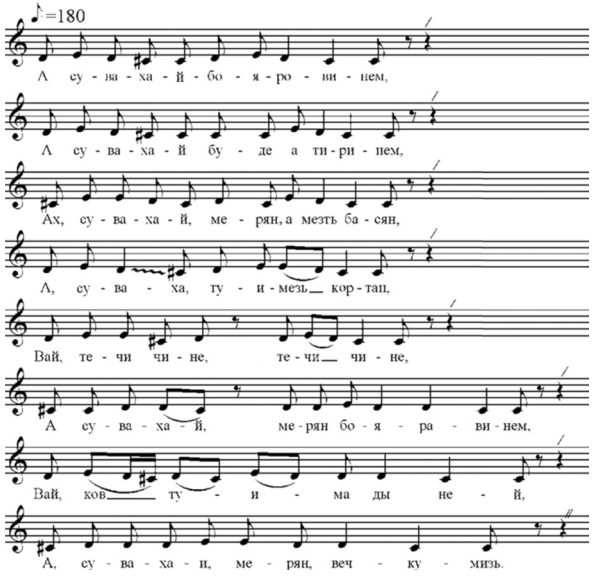
«*Ох, авакай, авакай*» («Ох, мамочка, мамочка»), поминальный плач на шесть недель по маме. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (25.07.2006 г.) от Мукейкиной Фёклы Ефимовны:

Ох, авакай, авакай,	Ох, мамочка, мамочка,
Те чистэнть, те чистэнть,	В этот день тебе
Кото недлят тонь топодсть,	Исполнилось сорок дней (после смерти),
Авакай, тонеть стольне пурнынек,	Для тебя мы стол собрали,
Авакай, пурныть-сэрнеть,	Мамочка, собери всех
Тон роднят-племат,	Всех родных своих,
Тонь кисэ старяятам.	Для тебя стараемся,
Чаче роднеть пурнынек,	Родившую тебя родню собрали,

Касы роднеть сэрненек.	Вырастившую тебя родню собрали,
Авакай, сака минек ней малас,	Мамочка, приди к нам поближе.
Корьмакай, ванстумизь, ванстумизь	Кормилица, сохрани
Всякий бедадо, всякий благойде.	От всяких бед, от всяких благих.

№ 14

«*А, сувахай-бояравинем*» («Ах, сваха-боярыня»), поминальный плач по свахе. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (26.05.2007 г.) от Аверкиной Анастасии Ивановны:



А, сувахай-бояравинем,	Ах, сваха-боярыня,
А, сувахай-тиринем,	Сваха родная,
Ах, сувахай, мерян, а мезть басян,	Ах, сваха, чего я скажу тебе,
А, суваха, туимезь кортан,	Ах, сваха, подойду, скажу я тебе,
Вай, течи чине, течи чине,	Ох, сегодня, в этот день,
А, сувахай, мерян, бояравинем,	Сваха, скажу я тебе, боярыня,
Вай, ков туима ды ней,	Куда теперь пойти,
А, сувахай, мерян вечкумизь,	Сваха, скажу, полюби нас,
Вай, мерян, тякат ней Надя,	Ой, скажу, вот дочь твоя Надя,
Вай, Володя содамут,	Ой, Володя, зять твой,
А, сувахай, мелят тейнизь ней кудуть,	Сваха, в прошлом году сделали тебе дом.
Вай, сёвонь калгыды лангыт,	Вот глина на тебе жесткая,

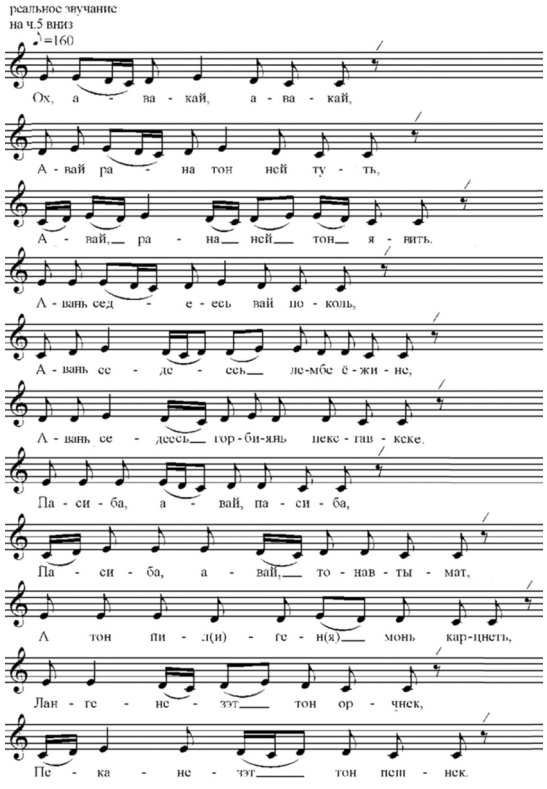
Вай, сува(ха)кай, мерян, вечкумизь,
Кода кармить а лажамот,
Вай, мерян, сувахай,
Кодамо жаль маряват,
А, сувахай, милка неяват,
Вай, сувахай, вечкумизь,
Вай, сува(ха)кай,
уленьдерявлить ней жив,
Кода вадря тонь вольной светсэ
улевель эрямось,
Вай, мерян, а тонь ней кодат
цецят вадрят,
Кодат веси ней мазыйть,
Ох, авакай, мерян ужу, сувахай,
Монцень родителем
ледцтясынь,
Вай, сувахай, мерян,
Вай, монь тиринь тетень,
А ещё шкинень монь авань,
А ещё трицям ваньцям,
Вай, пасиба тенст, пасиба,
Пасиба мон мерян
тетенинь-аванень,
Мон ведь кадовинь
шкинень авасто,
Люкштедянь лавстэ кадовинь,
Вай, пасиба мерян
трицянень-ваньцянень,
Вай, кастымим-кепетимим,
Куманжа песэ нюремим,
Монь, сувахай, кенери
кургсо кантлимим,
Вай, сувахай, пильге лангс аравтымим,
Вай, сувахай, простямак,
Криста ради простямак,
Сувахай, минь девятай майста
сакшнынек,
День Победань ней
чистэ сынек,
Простямак, сувахай, простямак.

Сваха, скажу, полюби нас,
Как будут оплакивать тебя,
Ох, скажу, сваха, сваха,
Как жаль тебя,
Сваха, милой вижу тебя,
Ох, сваха, полюби нас.
Ох, сваха, была бы
жива теперь,
Как хорошо жилось бы тебе
на вольном свете,
Ой, скажу, какие у тебя
цветы хорошие,
Какие все красивые,
Ох, мамочка, скажу теперь,
сваха,
Своих родителей вспомню,
Вот сваха, теперь скажу,
Вот мой родной отец,
А еще родная моя матушка,
А еще кормилец мой.
Ой, спасибо им, спасибо,
Спасибо я говорю
отцу-матери,
Я осталась
без родимой матери
Осталась в люльке,
Ой, спасибо скажу
батюшке-кормильцу,
Ох, вырастил-выкормил,
На коленях он меня качал.
Меня, сваха, на руках носил,

На ноги поставил.
Ох, сваха, прости меня,
Христа ради прости,
Сваха, мы на 9 Мая
приходили,
На День Победы
и теперь пришли,
Прости сваха, прости.

№ 15

«*Ох, авакай, авакай*» («Ох, мамочка, мамочка»), поминальный плач по маме. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (27.05.2007 г.) от Кирюшкиной Евгении Ивановны:

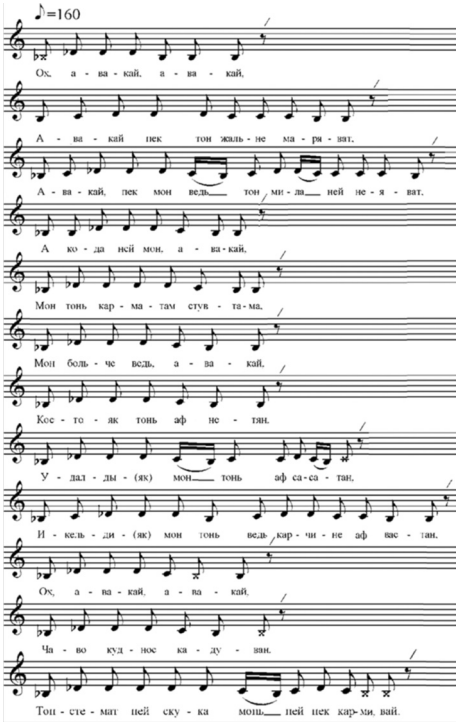


Ох, авакай, авакай,
Авай, рана тон ней туить,
Авай, рана ней тон явить.
Авань седеесь — вай поколь,
Авань седеесь — лембе ёжине,
Авань седеесь — горбиянь пекставкске.
Пасиба, авай, пасиба,
Пасиба, авай, тонавтымат,
А тон пил(и)ген(я) монь карцнеть,
Лангенезэнь тон орчнек,
Пеканезэнь тон пешнек.

Ох, мамочка, мамочка,
Мама, рано ты теперь ушла,
Мама, рано теперь ты отделилась.
Мамино сердце — кусочек масла,
От маминого сердца исходит тепло,
Мамино сердце — закрытый сундук.
Спасибо мама, спасибо,
Спасибо, мама, что научила всему,
А ты ноги мои обувала,
Меня ты одевала,
Меня ты кормила.

№ 16

«*Ох, авакай, авакай*» («Ох, мамочка. мамочка»), похоронный плач по маме. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (26.05.2007 г.) от Атаманкиной Пелагеи Петровны:



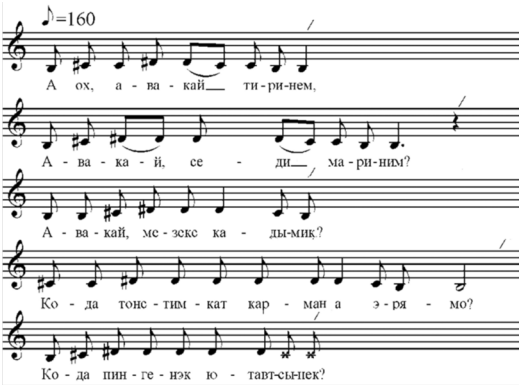
Ох, авакай, авакай,
Авакай, пек тон жальне маряват,
Авакай, пек мон ведь тон
мила ней неяват,
А кода ней мон, авакай,
Мон тонь карматам стувтама,
Мон больче ведь, авакай,
Костояк тонь аф нетян,
Удалды(як) мон тонь аф сасатан,
Икельди(як) мон тонь
ведь карчине аф вастан,
Ох, авакай, авакай,
Чаво кудос кадуван,
Тонстемат ней скука монь
ней пек карми.

Ох, мамочка, мамочка,
Мамочка, как мне жаль тебя,
Мамочка, милой мне
теперь кажешься,
Как теперь я, мамочка,
Я тебя забуду,
Я больше, мамочка,
Нигде не увижу тебя,
И сзади тебя не догоню,
И спереди я тебя не встречу,

Ох, мамочка, мамочка,
В пустом доме останусь,
Без тебя скучать буду.

№ 17

«*Авакай-тиринем*» («Мамочка родная»), похоронный плач по маме. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (17.07.2006 г.) от Наумкиной Надежды Васильевны:



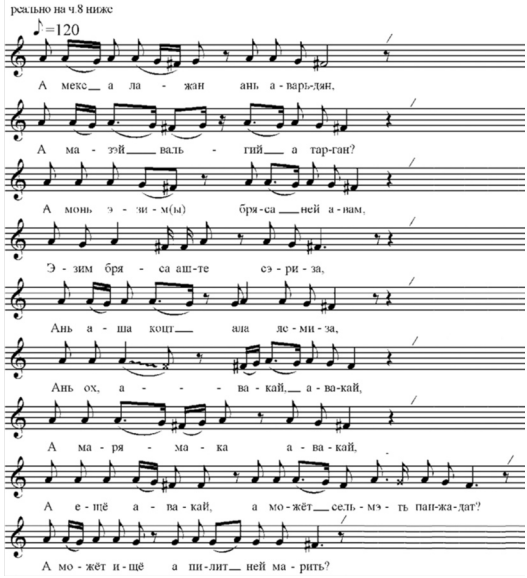
А ох, авакай-тиринем,
Авакай, седи мариним?
Авакай, мезекс кадымик?
Кода тонстимкат карман эрямо?
Кода пингенэк ютавтсынек?
Ох, патякай-авакай,
Мартот пингэ минь тонь марто вейсэ эринек,
Тонь марто валды валскене стилинек
Кши куска минь кавтов севелинек,
Ай, ауль пингес тонь пингеть туить,
Пингень ёмас тон ёмить.

Ох, мамочка родная,
Мамочка, добросердечная?
Мама, зачем оставила меня?
Как без тебя буду жить?
Как жизнь проживем?
Ох, сестричка-мамочка,
С тобой век мы вместе прожили,

С тобой на светлой заре вставали,
Кусок хлеба мы на двоих съедали,
Ой, не вовремя ты в вечность ушла,
В бездну ты пропала.

№ 18

«*А мекс а лажан, авардян*» («А почему реву, плачу»), похоронный плач по маме. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (21.06.2005 г.) от Сергомасловой Прасковьи Сергеевны:



А мекс а лажан, авардян,
Амазэй вальгий а тарган?
А монь эзим(ы) бряса ней авам,

Эзим бряса аште сэриза,
Ань аша коцт ала лемиза,
Ань ох, авакай, авакай,
А марямака, авакай,
А ещё, авакай, а можёт,
сельмэть панжадат?
А можёт ищё а пилит ней марить?
Охонь, авакай, марямак,
Охонь, авакай, содамак,
А монень пек уш жальне маряват,
А пек уш нэй ань, авакай, неяват,
Авакай, тримик-кастымик,

Авакай, превемгак а сатыть,
Ань, авэль, авакай,
а монь больче нейсамак,

А почему реву, плачу,
Некрасивый голос затяну?
А у меня мама моя
в переднем углу,
На лавке ее высота,
Под белым холстом имя ее.
Ох мамочка, мамочка,
А услышь-ка, мамочка,
А еще мамочка, а может,
глаза не закроешь?
А может, еще уши твои слышат?
Ох, мамочка, услышь меня,
Ох, мамочка, узнай меня,
Мне очень жаль тебя,
Как я вижу тебя, мамочка,
Мамочка, ты воспитала,
вырастила меня,
Мамочка, ума у меня не хватает,
Мамочка, меня
больше не увидишь,

А минек эйстэ, авакай, ламольть,
Ань, авакай, а монь кода кастымик,
Ань, авакай, мерян, авакай,
Ах, и трыжад жаль ней маряват,
Энь, авакай, мила неяват.
Вай, авакай, больче ней
мезе оштё ёвтамс?

Нас, мамочка, было много,
Мамочка, как ты вырастила меня,
Мамочка, говорю, мамочка,
Ах, и трижды жаль мне тебя,
А, мамочка, какая ты милая.
Ой, мамочка, что еще сказать?

№ 19

«*Ох, авакай, авакай, авакай*» («Ох, мамочка, мамочка, мамочка»), поминальный плач по маме. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (21.06.2005 г.) от Сергомасловой Прасковьи Сергеевны:

Ох, авакай, авакай, авакай,
Кода война чись ней сыргась,
Ань, авакай, мон везде не якинь,
Ох, всё кинь кисэ мелявтынь,
А монь ведь яла ней паньцисть,
А Челябавдак а панцимизь,
А ялгаяк(ы) тоста ней сакшнынь,
Ялгаяк тоста ней туинь,
А кодань, авакай, мон зыргинь,
А кодань, авакай, мон сувинь,
А тон а кода радувить,
А кода мон, авай, срадаинь,
Ах мейлень, авакай, мон кода,
А мон кодат неньке пачкодинь,
Мон ведь кода вишкине ульнинь,

И скотинат ней трикшнинь,
И пелима сайникшнынь,
А ещё, авакай,
а монь кода кирдявтынь,
А мейле войнась лоткась,
А монь ведь мирдининь максымизь,
А мейс мирде кецэнь, авакай,
Тожа пек э парось арасиль,
А меля мирдень саизь армияв,
Ниле готнень веть энь служась,
А мон покш пексэ ней кадувинь,
Ниле готней мон ведь учинь.

Ох, мамочка, мамочка, мамочка,
Как военное время теперь началось,
Ох, мамочка, я везде теперь ходила,
Ох, за всех переживала,
А меня ведь всегда гоняли,
А в Челябинск гоняли меня,
Пешком оттуда приходила,
Пешком оттуда ушла,
А как, мамочка, я собралась,
А как, мамочка, я зашла,
А ты как обрадовалась,
А как я, мама, страдала,
Ах, потом, мамочка, я как,
Я как добиралась,
Я ведь в детстве
тяжелую работу выполняла,
И скотину держала,
И косу брала,
А еще, мамочка, как я выдержала,

А потом война закончилась,
А меня замуж выдали,
А почему у мужа, мамочка,
Ничего хорошего не было,
А потом мужа взяли в армию,
Четыре года служил,
А я беременная осталась,
Четыре года я ведь ждала.

№ 20

«*Молят тона чив, ёвтнема-ка весенень*» («Пойдешь на тот свет, расскажи-ка всем»), похоронный плач — наказ мужу. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (21.06.2005 г.) от Сергомасловой Прасковьи Сергеевны:

Молят тона чив, ёвтнема-ка весенень	Пойдешь на тот свет, расскажи-ка всем
Ох, законной ялгам, а онта,	Ох, законный муж мой,
Ох, нула ялгам, а онта,	Ох, неряшливый друг мой,
А, молят, онта, тона чив,	Пойдешь, неподъемный, на тот свет,
Ёфтнима-ка нь, онтакай,	Расскажи-ка про меня, неподъемненький,
А весенинь, аванинь, тетенинь,	Всем, матери, отцу,
Патенинь, сазорнынь, весенень,	Сестрам, всем,
Нары монь тосо роднойем,	Сколько у меня там родных,
А тонь ёвта-ка есь и карчо тонь лиси,	Ты скажи-ка, мой родной, все навстречу тебе выйдут,
Весе лисить тонь ильтить,	Все выйдут тебя провожать,
А радовить, онта, тонь карча,	Обрадуются, неподъемный, встрече с тобой,
А весенинь, онта, ёвтнимак.	Всем, неподъемный, расскажи про меня.

№ 21

«*Адяда баняв*» («Пойдемте в баню»), поминальный плач — приглашение в баню. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (21.06.2005 г.) от Сергомасловой Прасковьи Сергеевны:

Адяда баняв вана,	Пойдемте в баню,
Шлядо-нардадо вана, весе,	Мойтесь-вытирайтесь вот все,
Нардамояк тесо, сапынесяк,	Полотенце здесь и мыло,
Адядо весе, пырнынк родонк-племанк,	Пойдемте все, соберите свой род,
Адядо, весе покштят-бабат,	Пойдемте, все прабабушки-прадедушки,
Вальмалга якатада,	Может, под окнами ходите,
Может, леминк эзь кундавт,	Может, забыли позвать вас,
Адяда, первой вана главаринть,	Пойдемте, первым позовем вот главного,
Кона кулось кудостонть,	Который умер из этого дома,
А мейле весе роднянза-племенза,	А потом весь его род,
Соседэнза весе терцыник.	Соседей всех позовем.

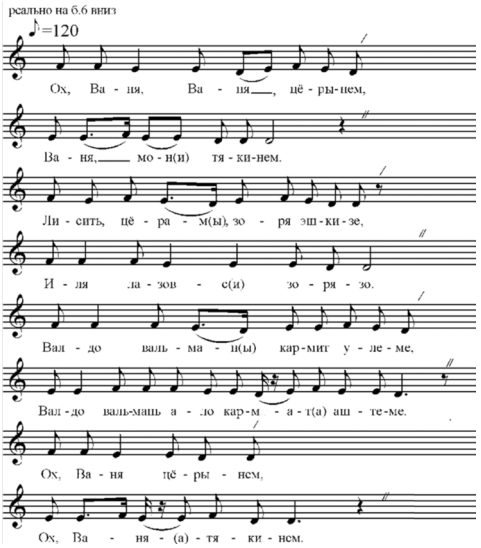
№ 22

«*Адя мартонок ярцамо*» («Пойдем с нами кушать»), поминальный плач на шесть недель — приглашение к столу. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (21.06.2005 г.) от Сергомасловой Прасковьи Сергеевны и Бочкановой Раисы Яковлевны:

Адя мартонок ярцамо,	Пойдем с нами кушать,
Симдить-андыть вана	Напои, накорми вот
Веси родот-племат,	Весь свой род,
Роднят-раськет и шабрат-суседат,	Родных, близких, соседей,
Весе штобы озаст мартот,	Все чтобы сели с тобой,
Кавaник, тон покшось вана,	Угости, ты главный сегодня,
Тонь лемс поминкатне тяюфт.	В твою честь поминки сделаны.
Конань арасть поминьцянза,	У кого нет поминающих,
Весень терцынек, весенень уле,	Всех соберем, всех позовем,
Ёрынек-арынек тыненк,	Всех приглашаем,
Начтынк коське кургининк,	Намочите сухие ротики,
Пештинк вачэ пекининк.	Наполните пустые животики.

№ 23

«*Ох, Ваня, Ваня, цёрынем*» («Ох, Ваня, Ваня, сыночек мой»), похоронный плач по сыну. Запись Г. А. Дорджиевой, нотировка Л. Н. Шамовой (05.07.2003 г.) от Кузнецовой Прасковьи Павловны:

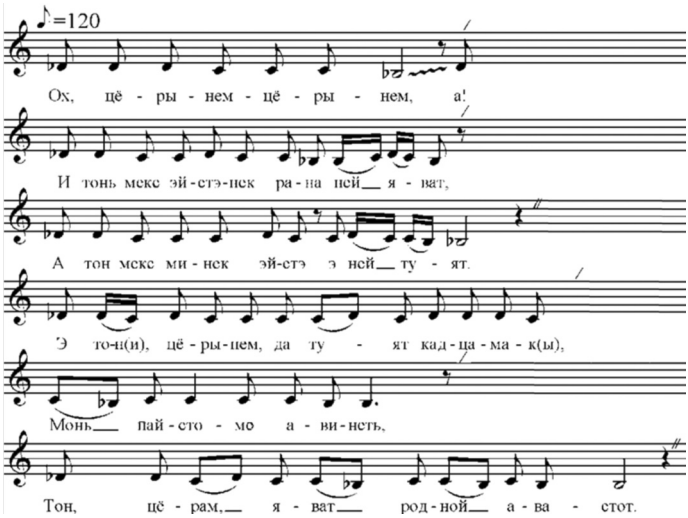


Ох, Ваня, Ваня, цёрынем,
Ваня, мон(и) тякинем.
Лисить, цёрам(ы), зоря эшкизе,
Иля лазовс(и) зорязо.
Валдо вальман(ы) кармит улеме,
Валдо вальмань
ало кармат(а) аштеме.
Ох, Ваня цёрынем,
Ох, Ваня-тякинем.

Ох, Ваня, Ваня, сыночек мой,
Ваня, мое дитятко.
Вышел ты, сын, на заре,
Когда занялась утренняя заря.
Будут у тебя светлые окна,
Под светлыми окнами
будешь сидеть.
Ох, Ваня, сыночек,
Ох, Ваня, дитятко.

№ 24

«*Ох, цёрынем, цёрынем*» («Ох, сыночек, сыночек мой»), похоронный плач по сыну. Запись Г. А. Дорджиевой, нотировка Л. Н. Шамовой (05.07.2003 г.) от Кузнецовой Прасковьи Павловны:

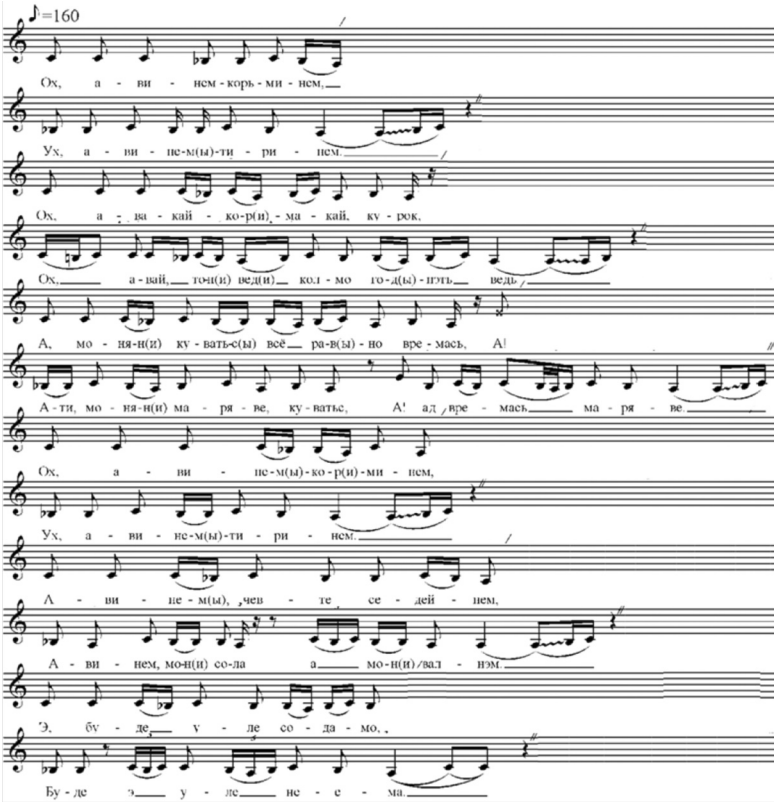


Ох, цёрынем, цёрынем,
И тонь мекс эйстэнек рана
ней яват,
А тон мекс минек эйстэ э ней туят.
Э тон(и), цёрынем,
да туят кадцамак(ы),
Монь пайстомо авинеть,
Тон, цёрам, яват
родной авастот.

Сыночек, сыночек мой.
Ты почему от нас
рано отдаляешься,
Ты почему от нас уходишь.
Сыночек, ты уходишь,
оставляешь,
Меня несчастную маму свою,
Ты, сын, расстаешься
с родной матерью.

№ 25

«*Ох, авинем-корьминем*» («Ох, мамочка-кормилица»), поминальный плач по маме на три года. Запись Г. А. Дорджиевой, нотировка Л. Н. Шамовой (06.07.2003 г.) от Коткиной Марии Дмитриевны:



Ох, авинем-корьминем,
Ух, авинем-тиринем.
Ох, авакай-кор(и)макай, курок,
Ох, авай, тон(и) вед(и) колмо год(ы)нэть ведь.
А, монян(и) куватьс(ы) всё рав(ы)но времась,
Ати, монян(и) маряве,
куватьс, ад времась маряве.

Ох, мамочка-кормилица,
Мамочка родимая.
Ох, мамочка-кормилица,
Скоро, мама, тебе три года, как ушла.
А мне долго все равно время,
А мне кажется, ай, долго время тянется.

Ох, авинем(ы)-кор(и)минем,	Ох, мамочка-кормилица,
Ух, авинем(ы)-тиринем.	Мамочка, родимая.
Авинем(ы), чевте седейнем,	Мамочка — мягкое сердечко,
Авинем, мон(и) сола а мон(и) валнэм.	Мамочка, хранительница моих сокровенных слов.
Э, буде уле содамо,	Если вы там знаете,
Э, буде уле неема.	Если вы там видите.
Ох, йовтнемак тон нежна ялгантень,	Расскажи про меня ты нежному дружку,
Йовтнема-ка Иваннэнь.	Расскажи-ка Ивану.
Ох, эрьва тевесь монень ськямом ведь,	Ох, любое дело мне одной ведь,
Эрьва, а тевесь скямом ведь.	Каждое дело одной (делать).
А кода Ванька куломсто кортась,	А как Ванька перед смертью сказал,
Ак, мере: «Мон ведь помоган тосояк,	Говорил: «Я буду помогать там тоже,
А, келя, карман мон ведь помогамо теть».	Буду я помогать тебе».
Ох, авинем-корьминем,	Ох, мамочка-кормилица,
Корминецькем-авинем,	Кормилица-мамочка,
Авинем, монь э сола мон валнэм.	Мамочка моя, хранительница моих слов.
Ох, авинем мон ведь симия тонь ведеть,	Мамочка, я выпила твою воду,
А симия мон ашо ловсынеть.	Выпила я белое молочко твое.

№ 26

«*Ох, авай, авай, ай, авай*» («Ох, мама, мама, мама»), поминальный плач по маме, исполняемый на Троицу. Запись Г. А. Дорджиевой, нотировка Л. Н. Шамовой (06.07.2003 г.) от Коткиной Марии Дмитриевны:

Ох, авай, авай, ай, авай,	Ох, мама, мама, мама,
Ох, авакай-корьмакай.	Ох, мама-кормилица.
Ох, авинем, авинем,	Ох, мама, мама,
Ох, авинем-корьминем.	Ох, мамочка-кормилица.
Уш-ка мерян, авакай, молян-ка малазот,	Скажу-ка, мамочка, подойду-ка поближе,
Уш-ка мерян, авакай, молян-ка малазот.	Скажу-ка, мамочка, подойду-ка поближе.
Ох, авакай, мерян моньдяк сыречине,	Мамочка, и на меня уже старость нашла,
Чалгимим, сыречине муемим.	Наступила старость,
А мон мерян пек уж ськамон, авакай,	А я скажу — тяжело уж одной, мамочка,
А мон а мерян пек уж ськамон, авакай.	А я скажу — тяжело уж одной, мамочка.

А монень кияк а сы ведь,	А ко мне никто ведь не придет,
А монень кияк а сы ведь.	А ко мне никто ведь не придет,
Ох, эрьва тевнесь, авакай,	Каждое дело, мама,
монень пек,	не по силам мне,
Уж мерян стака монень ведь.	Уж так тяжело мне.
Эрьва тевнесь монень,	Каждое дело мне (делать),
Эрява тевнесь ведь.	Дело ведь мне надо.
Уш-ка, мерян, авай, молянкая, мерян,	Подойду-ка, говорю, мама,
Авань кельме теланзо токаса.	Мамино холодное тело потрогаю.
Уш-ка, мерян, авань,	Скажу, мама, подойду-ка,
молян-ка, кортан ведь,	поговорю ведь,
Ох, авинем, мерян, авинем,	Ох, мамочка, скажу,
Мерян чевти седейнем,	Мягкое у тебя сердечко,
Ох, авань мон ведь симия ловсонзо,	Ох, мамино я выпила молоко,
Ведь сэвия тюжа ойненэ.	Съела коричневое маслице.

№ 27

«*Авартяя*…» («Поплачь-ка»), похоронный плач по маме. Запись Г. А. Дорджиевой, нотировка Л. Н. Шамовой (06.07.2003 г.) от Коткиной Марии Дмитриевны и Бокиной Анны Дмитриевны:

1-й голос (М. Д. Коткина)

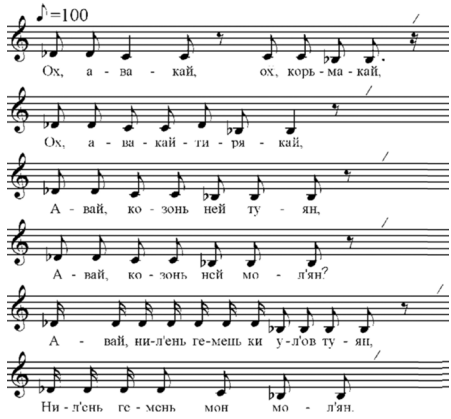
А, Нюр(и)ка, мекс тон уш,	А, Нюрка, почему же ты вместо
аван(и) кисэнь а кортат(ы),	моей мамы не разговариваешь,
Нюр(и)ка, а вер(и) кая	Нюрка, кровь проливая,
тон(и) корта-ка.	ты говори-ка.
Тонгак, Нюр(и)ка, авар(и)тя,	Ты тоже, Нюрка, поплачь-ка,
Ох, Нюрька, тонгак авартя.	Ох, Нюрка, ты тоже поплачь-ка,
... матушка.	… матушка.
Ох, Нюрка, мерян, авакай...	Ох, Нюрка, скажу, мамочка…

2-й голос (А. Д. Бокина)

А мон(и) молинь-якин(и),	А я пошла, прошла по двору,
кардазга ютынь,	
И мон(и) кар(ы)дазга	И я по двору гуляла.
лис(и)нинь-совинь.	
И кар(ы)даз куншкасо	И посредь двора стоит деревце,
сон аштесь чувтыне,	
А чувтынентъ ало озадо	А под деревцем сидит Юртава,
юртонь кир(и)де, Юртонь,	
кар(ы)дазон(ы) кир(и)де матушка.	Хранительница двора.
А мон молинь боказондо,	А я подошла к ней близко,
Мон кевсният(и) сондо мекс,	Я спросила ее,
Энь принезе нуваринэстэнь аштн.	Почему, ее головушка
	пригорюнилась.

№ 28

«Ох, *авакай, ой, корьмакай*» («Ой, мамочка-кормилица»), поминальный плач по маме. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), нотировка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:



Ох, авакай, ох, корьмакай,	Ой, мамочка-кормилица,
Ох, авакай-тирякай,	Ой, мамочка, воспитавшая меня,
Авай, козонь ней туян,	Мама, куда теперь я уйду,
Авай, козонь ней молян?	Мама, куда теперь пойду?
Авай, ниленьгемень киулов туян,	Мама, на перекресток сорока дорог пойду,
Ниленьгемень мон молян,	Сорока дорог выйду,
Ох, авай, ай, авай,	Ой, мама, ай, мама
Тюжа песок тонь алксот,	Коричневый песок — твоя постель,
Ашо песок тонь алксот,	Белый песок — твоя постель,
Тюжа сёвонь тонь стенат,	Коричневая глина — твои стены,
Авай, раужо мода тонь крышат.	Мама, черная земля — твоя крыша.

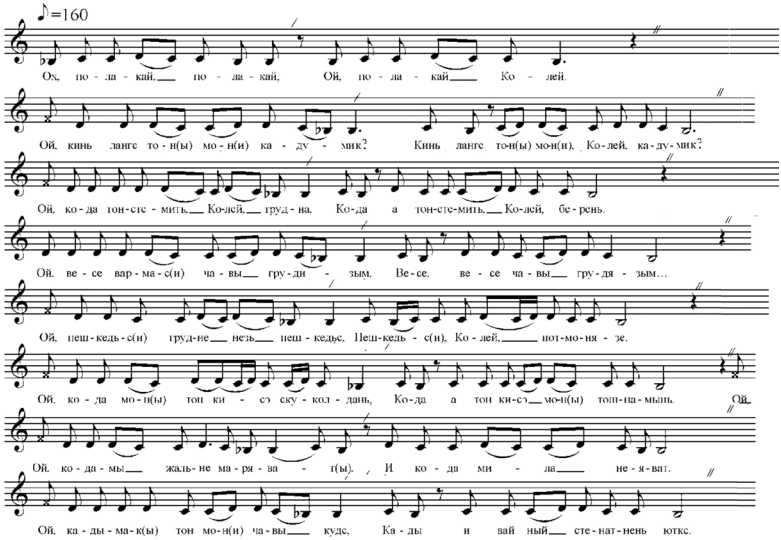
№ 29

«Я устрою тебе престольный праздник», поминальный плач — приглашение покойного на обед. Запись Г. А. Дорджиевой (06.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Кузнецовой Прасковьи Павловны:

Я устрою для тебя п(е)рестольный праз[д]ник,
Позови и дедушек, и бабушек всех,
Приходите на праздник,
На твой п(е)рестольный праз[д]ник,
Я п(е)рестольный праз[д]ник тебе устроил.

№ 30

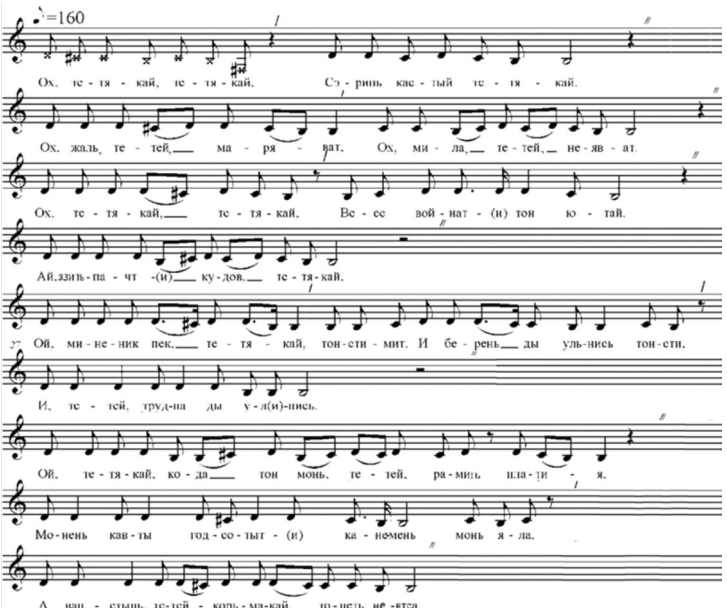
«*Ох, полакай, полакай*» («Ох, муженек, муженек»), поминальный плач по мужу. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (30.05.2007 г.) от Лушкиной Нины Ивановны:



Ох, полакай, полакай,	Ох, муженек, муженек,
Ой, полакай, Колей.	Ох, муженек Коля.
Ой, кинь лангс тон(ы) мон(и) кадумик?	Ой, на кого ты оставил меня?
Кинь лангс тон(ы) мон(и), Колей, кадумик.	На кого ты, Коля, оставил меня.
Ой, кода тонстемить, Колей, трудна,	Ой, как без тебя, Коля, трудно,
Кода а тонстемить, Колей, берень.	Как без тебя, Коля, плохо.
Ой, весе вармас(и) чавы грудизым,	Ой, ветер бьет мне в грудь,
Весе, весе чавы грудязым.	Весь, весь бьет мне в грудь.
Ой, ашо боканзо ней Колянь,	Ой, у Коли теперь белые бока,
Да панжи чопода грудязы.	Да тяжелая грудь.
Ой, пешкедьс(и) груднезэ, пешкедьсь,	Ой, наполнилась грудь, наполнилась,
Пешкедьсь, Колей, потмонязе.	Наполнилась, Коля, грудь моя.
Ой, кода мон(ы) тон кисэ скуколдань,	Ой, как по тебе соскучилась я,
Кода а тон кисэ мон(ы) тошнамынь.	Как без тебя мне тошно.
Ой, кодамо жальне маряват(ы),	Ой, как мне жаль тебя,
Кода мила неяват.	Каким милым кажешься,
Ой, кадымак(ы) тон мон(и) чавы кудс,	Ой, оставил ты меня в пустом доме,
Кадымик и вай ный стенатнень юткс.	Между стенами оставил меня.

№ 31

«*Ох, тетякай, тетякай*» («Ох, папочка, папочка»), поминальный плач по отцу. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (30.05.2007 г.) от Лушкиной Екатерины Андреевны:



Ох, тетякай, тетякай,
Сэринь кастый тетякай.
Ох, жаль, тетей, маряват,
Ох, мила, тетей, неяват.
Ох, тетякай, тетякай,
Весе войнат(и) тон ютык.
Ай, эзить пачтит(и) кудов, тетякай,
Ой, миненик пек, тетякай,
тонстимит,
И берень ды ульнись тонстимит,
И, тетей, трудна ды ул(и)нись.
Ой, тетякай, кода тон монень,
тетей, рамить платия,
Монень кавты годсотыт(и)
канемень монь яла,
А ванстынь, тетей-корьмакай,
тонеть а невтса.

Ох, папочка, папочка,
Вырастивший меня.
Ох, как мне жаль тебя, папочка,
Ох, милым, папочка, смотришься.
Ох, папочка, папочка,
Всю войну ты прошел,
Домой не дошел, папочка,
Ой, нам плохо сейчас без тебя,
папочка,
И было плохо, трудно без тебя.
Папочка, как трудно было без тебя.
Ой, папочка, когда ты
купил мне платье,
Я два года его носила,
Не сберегла, папочка-кормилец,
тебе не покажу.

№ 32

«*Молят служама*» («Пойдешь служить»), рекрутское причитание. Запись Л. Н. Шамовой (21.06.2005 г.) от Бояркиной Ольги Федоровны:

Молят служама,	Пойдешь служить,
Покш начальникень экшсэ аштиме,	За большим начальником стоять,
Стака службань служама,	Тяжелую службу служить,
Кунцэлэк, иля тее зря,	Слушай-ка, не делай зря,
Иля мезе а эряве тее,	Не делай, чего не надо,
Кунцэлэк, начальниктнень кунцэлэк,	Слушайся, начальников слушайся,
Кода кунцэлат, тосо,	Как будешь слушаться там,
Сестэ вечкуват весенень,	Тогда понравишься всем,
Кода вадряста служат —	Как хорошо будешь служить —
Сестэ вечкуват служамста.	Тогда понравишься при службе.
Ванстык прят,	Береги себя,
Иля понго козыйдяк.	Никуда не попади,
Сак чумбраста,	Приходи здоровым,
Веляфт мекув кудув.	Воротись обратно домой.
Сыргат покш службань служама,	Собираешься большую службу служить,
Стака службань служама,	Тяжелую службу служить,
Ружиянь кандтнеме,	Оружие носить,
Кунцэлэк, мезе мерить, сень тейть,	Слушайся, что скажут, то и делай,
Ков кучтатызь — мольть,	Куда отправят — иди,
Весе кунцылыть,	Все слушайся,
Начальник экшсэ кармат аштиме.	За начальником будешь стоять.
Кода парсте служат —	Когда хорошо служишь,
Весенень вечкуват,	Всем понравишься,
И весе кармить уважать эйсэть.	И все будут уважать тебя.
Ванстык прят,	Береги себя,
Минь мелявтома, авартям кисэт,	Мы переживаем, плачем за тебя,
Пек жаль маряват,	Жаль нам тебя,
Ават кисэт аварде.	Мама за тебя плачет.

№ 33

«*Эйдякай, эль эвакай*» («Дитятко мое»), рекрутское причитание. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (21.06.2005 г.) от Сергомасловой Прасковьи Сергеевны:

Эйдякай, эль эвакай,	Дитятко мое,
Молят стака службань э служама,	Пойдешь тяжелую службу служить,
Молят, эвакай, аволь тетять-авать юткcат,	Пойдешь, дитятко, не к отцу с матерью,
Мезе мерить ней — тейсак,	Что скажут — теперь сделаешь,
Мезе приказэть — э тейсак,	Что прикажут — исполнишь.
Аволь тетять-авать ней юткcат,	Не с отцом-матерью теперь рядом,
Левакай, кунцолык,	Дитятко, слушайся,
Левакай, весе ней теить.	Дитятко, все теперь сделай.

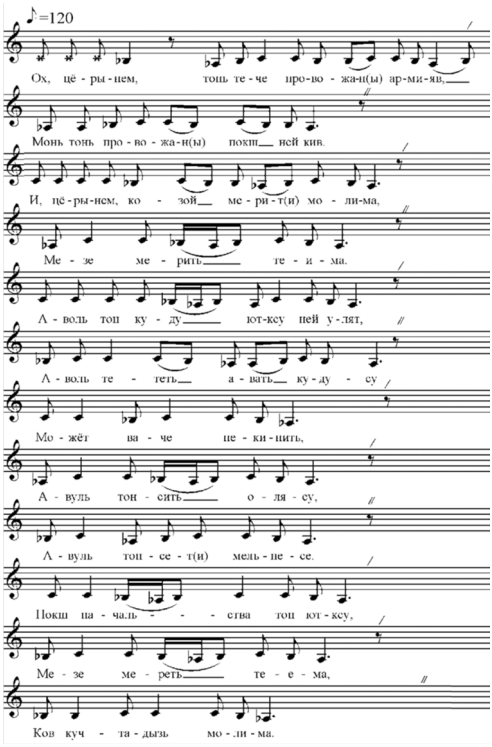
№ 34

«*Молят вана, эйдякай, эвакай*» («Пойдешь вот, дитятко мое»), рекрутское причитание. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (21.06.2005 г.) от Сергомасловой Прасковьи Сергеевны:

Молят вана, эйдякай, эвакай,	Пойдешь вот, дитятко мое,
Молят стака ружиянь канниме,	Пойдешь тяжелое оружие носить,
Молят стакань службань служама.	Пойдешь тяжелую службу служить,
Сякой тенят улить,	Всякое будет,
Аволь тетять-авать,	Не только отца-мать,
покшнэндяк кунцэлэк.	старших слушайся,
Мезе мерить, ней теик,	Что скажут – теперь делай,
Мезе приказыть — сень теик.	Что прикажут – это сделай.

№ 35

«*Ох, цёрынем, тонь тече провожан армияв*» («Ох, сыночек, тебя сегодня провожаю в армию»), рекрутский плач. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:



Ох, цёрынем, тонь тече провожан(ы) армияв,
Мон тонь провожан(ы) покш ней кив.
И, цёрынем, козой мерит(и) молима,
Мезе мерить — теима.
Аволь тон куду юткcу ней улят,
Аволь тететь-авать кудусу.
Можёт, вачe пекинить,
Авуль тонсить олясу,
Авуль тонсет(и) мельнесе.
Покш начальства тон юткcу,
Мезе мереть — теема,
Ков кучтадызь — молима.
Ужа, цёрынем, мон тон лавтов лангинис кедем каяса,
Кургинеть малас кургинем аравтса.
Цёрынем, мезе приказан, тон превнизыть саика,
Ков тонеть, мезе мереть — тон мольтя,
Ков тонь кучтадызь — сыргака.
Седе вечкевикс тон кармат,
Седе вадрякс тон улят.

Сыночек, тебя сегодня провожаю в армию,
Я тебя провожаю в большой путь.
Сыночек, куда скажут — иди,
Что скажут — сделай.
Теперь ты не дома будешь,
Не в доме отца и матери.
Может, голодным будешь,
Не по своей воле,
Не в своем желании (стремлении).
Среди большого начальства будешь ты,
Что скажут — сделай,
Куда отправят — иди.
Подожди, сыночек, на твое плечо я положу руку,
К твоим устам свои уста приставлю.
Сыночек, чего накажу, запомни,
Куда тебе скажут, туда иди,
Куда тебя отправят — пойди.
Более любимым ты будешь,
Более хорошим ты будешь.

№ 36

«*Дайка, цёрынем, палатан*» («Давай-ка, сыночек, поцелую»), рекрутское причитание. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (11.07.2006 г.) от Пискаевой Елены Трофимовны:

Дайка, цёрынем, палатан,	Давай-ка, сыночек, поцелую,
Дайка, эйдякай, простятам,	Давай-ка, сыночек, простимся,
Молят тон стака службань служамо,	Пойдешь ты тяжелую службу служить,
Стака орудиень канниме,	Тяжелое орудие носить,
Ох, монень кучника сёрминеть,	Ох, мне посылай-ка письма,
Монень кучта тон вестик,	Мне пришли-ка ты весточку.
Мон карман эйсыст учомо,	Я буду их ждать,
Бабат карми мереме:	Бабушка скажет:
«Дайка ловныка».	«Прочитайте-ка мне письмо».

№ 37

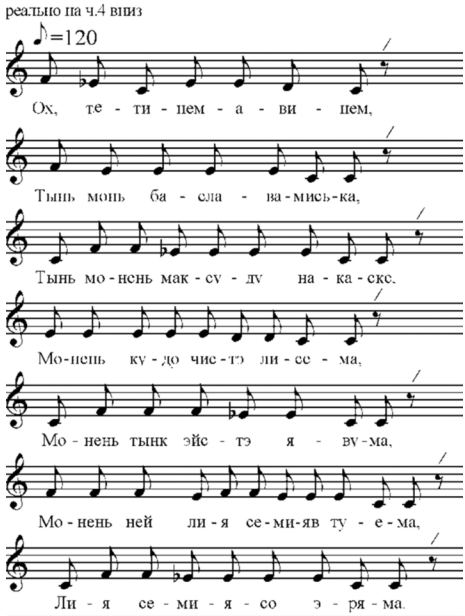
«*Ох, цёрынем, а Ваня*» («Ох, сыночек, Ванечка»), рекрутское причитание. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (25.07.2006 г.) от Мукейкиной Фёклы Ефимовны:

Ох, цёрынем, а Ваня,	Ох, сыночек, Ванечка,
Ох, эйдякай, а Ваня.	Ох, ребеночек, мой Ванюша.
Течень чине провожатадызь,	В этот день тебя провожаем,
Покш начальникень кунсоломо.	Больших начальников слушать.
Ох, цёрынем, кунсолок,	Ох, сыночек, слушайся,
Ох, эйдякай, кунсолок.	Ох, ребеночек мой, слушайся.
Иля покшокс тон тейне,	Никому не возражай,
Кода мереть, истя тейть.	Как скажут, так и делай.

Образцы напевов свадебных причитаний *(аварькшнемат, урнемат)*

№ 38

«*Ох, тетинем, авинем*» («Ох, папочка, мамочка»), причитание невесты — обращение к родителям. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:



Ох, тетинем, авинем,	Ох, папочка, мамочка,
Тынь монь баславамиська,	Вы меня благословите,
Тынь монень максуду накаске,	Вы мне дайте наказ,
Монень кудо чистэ лисема,	Мне из дома надо выходить,
Монень тынк эйстэ явума,	Мне от вас нужно отделиться,
Монень ней лия семияв туема,	Мне теперь в другую семью надо уйти,
Лия семиясо эряма,	В другой семье жить,
Тейтирьксчинем эйстэ явума,	Мне теперь с девичеством надо расставаться.
Аволь авань жальнесь монень ули.	Не будет мне материнской жалости,
Аволь семиясо истямо эрямось карми.	В другой семье будет моя жизнь.

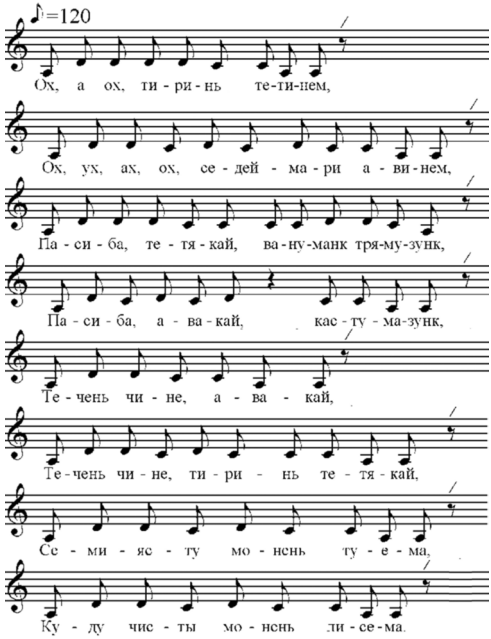
№ 39

«*Ох, дугинем-сазорнэм*» («Ох, сестра ты моя, сестренка»), причитание невесты — обращение к сестре. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:

Ох, дугинем-сазорнэм,	Ох, сестра ты моя, сестренка,
Ох, молят тон ней лия семияв,	Ох, пойдешь ты теперь в другую семью,
Ох, тон молят лия кудов,	Ох, ты пойдешь в другой дом,
Тонеть эряви тонадумс,	Тебе нужно научиться
Те семиясонть эрямс.	В этой семье жить.

№ 39[а]

«*Ох, а ох, тиринь тетинем*» («Ох, родной папочка»), причитание невесты — обращение к отцу. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:



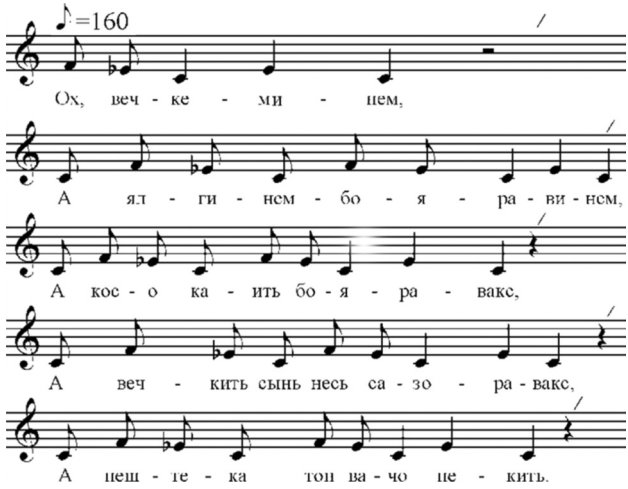
Ох, а ох, тиринь тетинем,
Ох, ух, ах, ох, седеймари авинем,
Пасиба, тетякай,
вануманк-трямузунк,
Пасиба, авакай, кастумазунк,

Течень чине, авакай,
Течень чине, тиринь тетякай,
Семиясту монень туема,
Куду чисты монень лисема,
Пильгинезынк сюкунян,
Седининк мон тынк паласа,
Простямака, тетякай,
Простямака, авакай,
Ятунь кудус монень молима,
Ятунь кудус монень совама,
Лия пингень эрямо,
Кувака пингень пиштеме,
Чужой ломанень, тетякай,
Чужой ломанень, авакай,
Ней мелест монень ванума,
Авакай, монень сынст
ломань рядсу теима,
Можёт, авуль истяня мон тейса,
Можёт, авуль истяня мон ютан,
Простямака, авакай,
Простямака, тетякай,
Таки монень туема,
Таки монень лисима,
Пасиба, тетякай, мон ёфтан,
Пасиба, авакай, мон мерян,
Седининк мон тынк паласынь,
Пильгинезынк сюкунян,
Кастумга, трямга, ванумга
Пару превнень максумга,
Давайка, авакай, простятан,
Давайка, тетякай, простятан,
Илямизь береньстэ ледстя,
Илямизь тынь береньстэ кунда...
Простямака, авакай,
Простямака, тетякай,
Трямга-ванумга паласынь,
Пильге сурнеть, авакай,
Пильге сурнеть, тетякай.

Ох, родной папочка,
Ох, добросердечная мамочка,
Спасибо, папочка,
что воспитали меня,
Спасибо, мамочка,
что вырастили меня,
С этого дня, мамочка,
С этого дня, родной папочка,
Из семьи мне уходить,
Из дома мне выходить,
В ноги вам кланяюсь,
Сердца ваши я целую,
Прости меня, папочка,
Прости меня, мамочка,
Во вражеский дом мне идти,
Во вражеский дом мне заходить,
Другой (иной) век проживать,
Длинный век переживать,
Чужих людей, папочка,
Чужих людей, мамочка,
Мне теперь надо уважать,
Мамочка, мне теперь
в их ряду быть,
Может, не так я сделаю,
Может, не так я пройду,
Прости меня, мамочка,
Прости меня, папочка,
Мне надо уходить,
Мне надо выходить,
Спасибо, папочка, я скажу,
Спасибо, мамочка, я говорю,
Сердца я ваши поцелую,
В ноги вам кланяюсь,
За то, что вырастили, воспитали меня,
Хорошие мысли дали мне,
Давай-ка, мамочка, простимся,
Давай-ка, папочка, простимся,
Не поминайте меня лихом,
Не говорите про меня плохо,
Прости меня, мамочка,
Прости меня, папочка,
Воспитавшие меня, я поцелую
Твои пальцы на ногах, мамочка,
Твои пальцы на ногах, папочка.

№ 40

«*Ох, вечкеминем*» («Ох, любимая моя»), причитание невесты — обращение к подруге. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (03.06.2007 г.) от Пискаевой Елены Трофимовны:



Ох, вечкеминем, а ялгинем	Ох, любимая моя подруженька
Бояравинем, а озака	Боярыня, садись-ка
А косо каить бояравакс,	А где вешают боярыне (ленточку)?
А вечкить сынь сазоравакс,	Не любят они, так как сестра,
А пештека тон вачо пекить,	Иди, поешь,
А витика нучкань сединить.	Утоли голодное сердце.
Ох, вечкеминем,	Ох, любимая моя,
А ялгинем-бояравинем,	Подружка-боярыня,
А сакая тон ведь малозон,	Ох, подойди-ка ты ко мне поближе,
А озакая ведь бояравакс,	Ох, присядь-ка ты боярыней,
Эня тарказон ней азыравакс,	На мое место теперь хозяйкой.
Монь туемадон,	После моего ухода,
А мейле чись явумадом,	После моего расставания,
А сакшнука тон мурынистэ,	Приходи-ка ты с песней,
Озака ней бояравакс,	Присядь-ка теперь боярыней,
Эня тарказон ней азыравакс,	На мое место теперь хозяйкой,
А ёвтамак тон кувака морокс,	А расскажи-ка ты обо мне в длинной песне,
А ёвтамак тон мазый ёвксокс.	А расскажи-ка ты обо мне в красивой сказке.

№ 41

«*А ох, тетякай*» («Ох, папочка»), причитание невесты — обращение к отцу. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:

А ох, тетякай, а тетякай,	Ох, папочка, папочка,
Баславамака, а эрямо чужой семиясо,	Благослови-ка, на жизнь в чужой семье,
А якамс чужоень кедьса,	Ходить мне теперь у чужих людей,
А ютамс весёласто,	Не пройдешь весело,
Бойка молят, мерить пек бойка,	Пройдешь быстро, скажут — лихая,
Засто молят, мерить тон нузякс.	Тихо пройдешь, скажут — ленивая.

№ 42

«*Ох, урьвалинить*» («Ох, урьваля»), причитание невесты — обращение к провожатым. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:

Ох, урьвалинить,	Ох, урьваля,
Аленить-боярнэть,	Урьваля-бояре,
Адя мольтян ней минь кенкш лангов,	Пойдемте теперь к порогу,
А чалгадо мон тиринь тетям,	Там не стоит мой родной отец,
А кундато кенкш кундамосо.	Не держится за ручку двери,
А ох, а смеи ней.	Ой, он не смеет теперь.
А саизе шанжавонь коцтке,	Не взяла с собой его паутинный холстик,
А ветизе шанжавонь коцтке,	Не привезла паутинный холстик.
А мон молян сень ведь ней сайса,	А я пойду теперь возьму (холст),
Сон п(и)рянзо мон ней нардаса,	Его (отца) голову я теперь вытру,
А сон юты мейле икелев,	А он пройдет потом вперед,
А сон ней мере, сон весёлгады.	А он теперь скажет, он развеселится.
Мон ужу вансынь,	Подожди, я посмотрю,
А варштасынь ней ятунь рунгтнень,	Посмотрю злых людей,
А кисказу чужоень онге,	А собака чужая лает,
А ней сонзэ вай покшнэ сонзо,	А теперь главное у него
Садкат перьводкат, вишнетне тякушкат.	Первые его дети, маленькие дети.

№ 43

«*Ох, баславамака ятос чужойс*» («Ох, благослови-ка в чужое зло»), причитание невесты — обращение к отцу. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:

Ох, баславамака ятос, чужойс,	Ох, благослови-ка в чужое зло,
А эрямо чужоень кедьсэ,	Жить у чужих людей,
А якамо ве сэдь ланга,	Ходить по одному мосту,
Бойка туят, мерить тон бойкат,	Быстро пройдешь, скажут — лихая,
Засто молят, мерить дошузат.	Медленно пройдешь, скажут — заботливая.

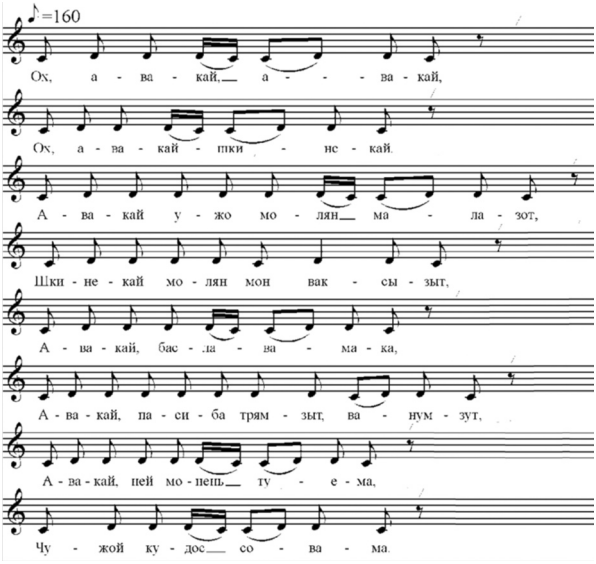
№ 44

«*А ох, ялгинем*» («Ох, подружка), причитание невесты — обращение к подруге. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (13.06.2006 г.) от Кобановой Марии Тихоновны:

А ох, ялгинем,	Ох, подружка,
А ялгинем-бояравинем,	Подружка-боярыня,
А озака ведь бояравакс,	Садись на мое место боярыней,
А тарказон ней азыравакс,	На мое место теперь хозяйкой,
Монь туемадонь,	После моего ухода
Мейле чис явомадонь,	Моего отделения,
А озака ведь бояравакс,	Присядь боярыней,
А таркантень азыравакс,	На место хозяйки.
А ёвтамак кувака ёвксокс,	Расскажи-ка обо мне в длинной сказке,
А морамак кувака морокс.	Спой-ка обо мне в длинной песне.

№ 45

«*Ох, авакай, авакай*» («Ох, мамочка, мамочка»), причитание невесты — обращение к матери. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (12.01.2007 г.) от Мукейкиной Фёклы Ефимовны:



Ох, авакай, авакай,
Ох, авакай-шкинекай.
Авакай, ужо молян малазот,
Шкинекай, молян мон ваксызыт,
Авакай, баславамака,
Авакай, пасиба трямзыт, ванумзут,

Авакай, ней монень туема,

Чужой кудос совама,
Ятынь кудов молема,
Авакай, баславамака,
Чужой кудосонть эряма.
Авакай, баславамака,
Пильгень топодезь киштемга,
Авакай, баславамака,
Кедень юхадезь морамга,
Ох, шкинякай, баславамака,
Шумбраста-парсте эрямга.

Баславатан, эйдякай,
дай Бог ятынь кудосо вечкема
урьва ульть, эйдияк-какшияк чачтомс,
закон ялгат ломанькс путовлинзить.
Вот истя баславатан.

Ох, авакай, чужой ава —
ававткем,
Авакай, ужо мон ней кевкса,

Косо ней монь закон ялгам,
Косо ней монь женихим,
Мекс сон малазымдак ней сон а сы?

Мекс ланга ваны лангызым?
Улить-арасть сельминза?
Улить-арасть кеденза?
Авакай, ней ававткем ули,

Законнэм косо яки ней паки,

Наверно, кардаст урядэ,
Наверно, алашань навоз сон
ней ливтне,
Ох, авакай, авакай,
Ох, авакай-корьмакай.

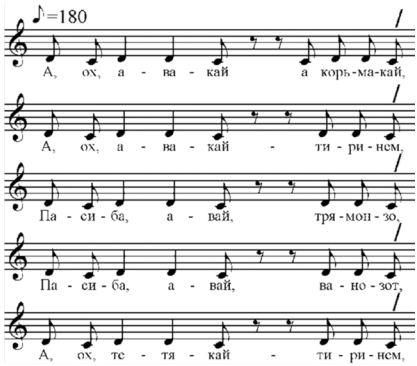
Ох, мамочка, мамочка,
Ох, родная мамочка,
Подожди, мама, подойду к тебе,
Родная, подойду поближе,
Мамочка, благослови-ка,
Мамочка, спасибо,
что вырастила меня,
Мамочка, теперь мне
пора уходить,
В чужой дом заходить,
В злой дом пойти,
Мамочка, благослови-ка,
В чужом доме жить,
Мамочка, благослови-ка,
Хорошо плясать,
Мамочка, благослови-ка,
Громко петь,
Ох, родная, благослови-ка,
Благополучно жить.

Благословляю, доченька,
Дай бог в чужом доме быть
любимой снохой, детей нарожать,
Чтобы муж тебя уважал.
Вот так и благословляю.

Ох, мамочка, чужая мама —
свекровь,
Мамочка, подожди,
я теперь спрошу,
Где теперь мой законный муж,
Где теперь мой жених,
Почему он близко ко мне
не подходит?
Почему сверху на меня смотрит?
Есть ли у него глаза?
Есть ли у него руки?
Мамочка, теперь свекровь
(у меня есть),
Где законный теперь
ходит-бродит,
Наверное, сарай убирает,
Наверное, лошадиный навоз
он вывозит,
Ох, мамочка, мамочка,
Мамочка-кормилица.

№ 46

«*Ох, авакай-корьмакай*» («Ох, мамочка-кормилица»), причитание невесты — обращение к матери. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (25.07.2006 г.) от Мукейкиной Фёклы Ефимовны:



Ох, авакай-а корьмакай,	Ох, мамочка-кормилица,
А ох, авакай-тиринем,	Ох, мамочка родная,
Пасиба, авай, трямонзо,	Спасибо, мамочка, что вырастила,
Пасиба, авай, ваномозо,	Спасибо, мамочка, что выкормила,
А ох, тетякай-тиринем,	Ох, папочка родимый,
А ох, авакай, авакай,	Ох, мамочка, мамочка,
Баславамака, авакай,	Благослови-ка, мамочка,
Ней аштн пингес,	Теперь на всю жизнь,
Эрямо чужойсто пингенес.	Жить у чужих.

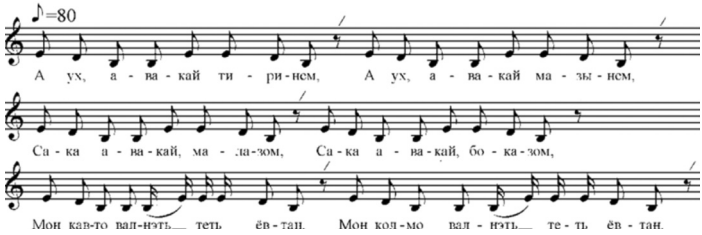
№ 47

«*Ужу ванса, ванстаса*» («Подожди, присмотрюсь»), причитание невесты перед выходом из родительского дома. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (12.01.2007 г.) от Мукейкиной Фёклы Ефимовны:

Ужу ванса, ванстаса,	Подожди, посмотрю,
Ули-арась яты чужоень пазыза.	Есть ли у чужих Бог.
Ужу варштан вить пелев,	Подожди, посмотрю направо,
Вить пеле поводезь Спаситилиза,	В правой стороне висит Спаситель,
Керч пеле поводезь Боже матересь,	В левой стороне висит Божья матерь,
Икеле сюконян, Спаситилинтень,	Сначала поклонюсь Спасителю,
Мейле сюконян Боже Матерентень,	Потом поклонюсь Божьей Матери,
Ужу велявтан-чаравтан,	Подожди, взгляну,
Ули-арась ятынь чужоень пецьказо,	Есть ли у чужих печка,
Вень перьть телантъ эждиса.	Всю ночь буду греть я тело.

№ 48

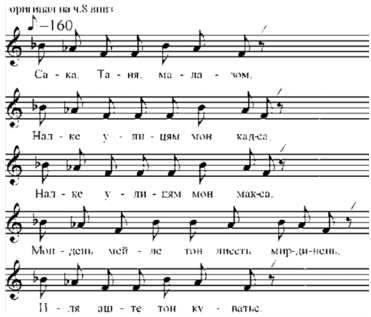
«*А ух, авакай-тиринем*» («Ох, мамочка, родная»), причитание невесты — обращение к матери, крестной и всей родне. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (17.07.2006 г.) от Пробкиной Надежды Михайловны:



А ух, авакай-тиринем,	Ох, мамочка родная,
А ух, авакай-мазынем,	Ох, мамочка красивая,
Сака, авакай, малазом,	Приди, мамочка, ко мне,
Сака, авакай, боказом,	Приди, мамочка, поближе,
Мон кавто валнэть теть ёвтан,	Я два словечка тебе скажу,
Мон колмо валнэть теть ёвтан,	Я три словечка тебе скажу.
А уж пасиба, авакай,	Спасибо, мамочка,
А уж пасиба, тиринем,	Спасибо родная,
Якавтнелимик авакай,	Ты покупала, мамочка,
Серий кочкаря котасо.	Туфли на высоких каблуках.
Мазый бордовой фатасо,	В красивой бардовой фате,
Тетень кудусту туимась	Из отчего дома уход —
Раужу кулумань кондямо,	Подобен черной смерти,
Авань кудусту туимась	Из материнского дома уход
Калмос мадимань кондямо.	Все равно, что лечь в могилу.

№ 49

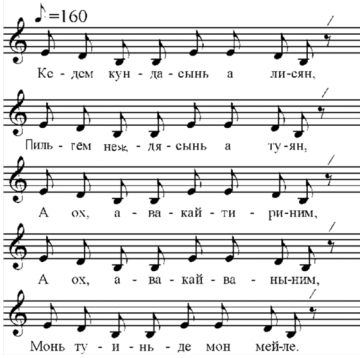
«*Сака, Таня, малазом*» («Подойди, Таня, поближе»), причитание невесты — обращение к подруге. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (17.07.2006 г.) от Фаткиной Раисы Ивановны:



Сака, Таня, малазом,	Подойди, Таня, поближе,
Налке ульцям мон кадса,	Я оставляю тебе улицу (где играли),
Налке улицям мон макса,	Улицу я тебе отдам,
Мондень мейле тон лиссть мирдинень,	После меня ты выходи замуж,
Иля аште тон куватьс.	Не сиди ты долго.

№ 50

«*Кедем кундасынь — а лисян*» («Скреплю руки — не выйду»), причитание невесты — обращение к маме. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (17.07.2006 г.) от Наумкиной Надежды Васильевны:



Кедем кундасынь — а лисян,	Скреплю руки — не выйду,
Пильгем неждясынь — а туян,	Ноги прижму — не пойду.
А ох, авакай-тириним,	Ох, мамочка родная,
А ох, авакай-ваныним,	Ох, мамочка-кормилица,
Мон туинь мон мерденень.	Выхожу я замуж.

№ 51

«*Ох, авакай, молян икелеть*» («Ох, мамочка, подойду к тебе»), причитание невесты — обращение к маме. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (17.07.2006 г.) от Фаткиной Раисы Ивановны:

Ох, авакай, молян икелеть,	Ох, мамочка, подойду к тебе,
Сюконян мон кавто пильгезэть,	Поклонюсь я тебе в ноги,
Сюконян кавто кедезэть,	Поклонюсь двум твоим рукам,
Ох, тирень тетякай, молян малазот,	Ох, родной папочка, подойду поближе к тебе,
Сюконян мазый кедезэть.	Поклонюсь красивым рукам твоим.
Пасиба тонь трямзут, ванумзут,	Спасибо, вырастил, выкормил,
Пасиба тон просерадо андымик,	Спасибо, накормил просвирками,
Нармунь ловсодо симдимик.	Птичьим молоком напоил.

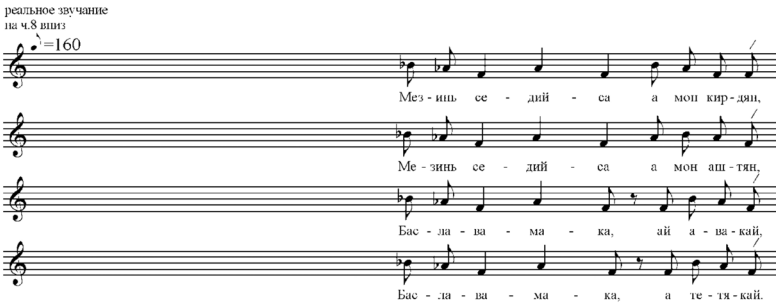
№ 52

«*Кедем кундасынь — а лисян*» («Скреплю руки — не выйду»), причитание невесты-сироты. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (17.07.2006 г.) от Фаткиной Раисы Ивановны:

Кедем кундасынь — а лисян,	Скреплю руки — не выйду,
Пильгем нежадсынь — а молян,	Прижму ноги — не пойду,
Ох, тетякай, лисян тонеть,	Ох, папочка, выйду к тебе,
Молян, тетякай, тонеть,	Пойду, папочка, к тебе,
Лисян тонеть, тетякай,	Выйду к тебе, папочка,
Чингень кургинеть начтса,	Сухой рот твой намочу,
Вачу пекеть мон пештяса,	Голодный живот твой я наполню,
Нучкань сединыть мон видьса,	Голодное сердце твое я утолю,
Вана поилыне мон кандан,	Вот питье я принесла,
Вана тонеть мон каяса,	Вот тебе я налью,
Макста тень чумбрачи,	Дай мне доброго здоровья,
Баславамака, тетякай,	Благослови, папочка,
Пары эряму баславамака,	На хорошую жизнь, благослови.
Вадря уцяскань ветямо.	Чтобы счастливую долю нести.

№ 53

«*А мезинь седийса а мон кирдян*» («А какое сердце я держу»), причитание невесты — обращение к родителям и Юртаве. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (21.06.2005 г.) от Сергомасловой Прасковьи Сергеевны:



Мезинь седийса а мон кирдян,	А какое сердце я держу,
Мезинь седийса а мон аштян,	С каким сердцем я стою,
Баславама-ка, ай, авакай,	Благослови-ка меня, мамочка,
Баславама-ка, а тетякай,	Благослови-ка меня, папочка,
Ах, юртонь кирде, а Юртава,	Ах, хранительница дома, Юртава,
Ох, кудонь Чипаз, а батюшка,	Ох, домашний бог, батюшка,
Тонетяк мерян, поклоном ней теян...	И тебе поклон теперь делаю...

Ох, юртонь кирде а, Юртава,	Ох, хранительница дома, Юртава,
Ох, тонеть приказан, ох, наказан,	Ох, тебе приказываю, ох, наказываю,
Юртонь кирде, а Юртава,	Хранительница дома, Юртава,
А тонеть приказан, ох, наказан,	Тебе приказываю, ох, наказываю,
Покланюсь тонеть, а Юртава,	Поклонюсь тебе, Юртава,
Илямак када а юмамо,	Не оставляй меня пропасть,
Тонетяк наказ ней максан,	И тебе наказ сейчас даю,
Тондак баславамакай, Юртава.	И ты благослови-ка меня, Юртава.

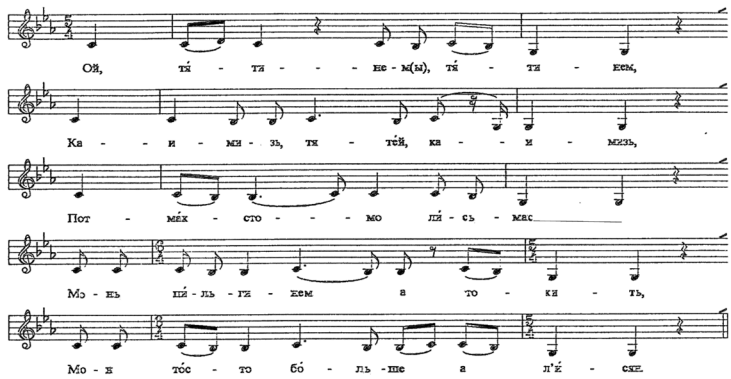
№ 54

«*Ятонь кудув максымизь*» («Во вражий дом меня отдали»), причитание невесты — обращение к родителям. Запись Л. Н. Шамовой (21.06.2005 г.) от Бояркиной Ольги Федоровны:

Ятонь кудув максымизь,	Во вражий дом меня отдали,
Атяфтэсь берянь,	Свекор плохой,
Атяфтэсь и жених не понравился,	Свекор и жених не понравились,
Мейс макссамизь?	Зачем отдаете?
Женихесь берянь,	Жених плохой,
Мон а вечкса женихенть.	Я не люблю жениха.

№ 55

«*Тятинем, тятинем*» («Батюшка, батюшка»), причитание невесты — обращение к отцу. Запись Л. Н. Шамовой (27.01.2004 г.) от Кузнецовой Прасковьи Павловны:



Тятинем, тятинем,	Батюшка, батюшка,
Каимизь, тятей, каимизь,	Бросили, отец, бросили меня,
Потмакстомо лисьмас,	В бездонный колодец,
Монь пильгинем а токить,	Мои ноженьки не достают,
Мон тосто больше а лисян.	Я оттуда больше не выйду.

№ 56

«*Ох, тятинем-тиринем*» («Ох, отец родненький»), причитание невесты — обращение к родителям. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (05.07.2003 г.) от Кузнецовой Прасковьи Павловны:

Ох(ы), тятинем-тиринем,	Ох, отец родненький,
Ох, авинем-корьминем,	Мамочка-кормилица,
Каимизь, тятей, каимизь,	Бросили, отец, бросили меня,
Потмакстомо лис(и)мас,	В бездонный колодец,
Монь пильгинем а токить,	Мои ноженьки не достают,
Монь кед(ы)нень тосто а сатыть.	Мои рученьки оттуда не достают.

№ 57

«*Ох, дочинем-тяйтернем*» («Ох, доченька, девочка моя»), причитание матери — обращение к дочери. Запись Г. А. Дорджиевой (06.06.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Даниловой Ольги Ивановны:

Ох, дочинем-тяйтернем,	Ох, доченька, девочка моя,
Соват ломань юртс,	Зайдешь в чужой дом,
Лисят монь кудостом.	Выйдешь из моего дома.
Кустема песь пешксе веднеде,	У крыльца много воды,
А сун келезь келеве,	Перейти — не перейдешь,
А сун уезь уеве,	Переплыть — не переплывешь,
Бойкасто ютат, дочинем,	Быстро пройдешь,
кежеят,	доченька, — злая,
Састо ютат, тяйтернем, нузяксат.	Медленно пройдешь,
	девочка, — ленивая.

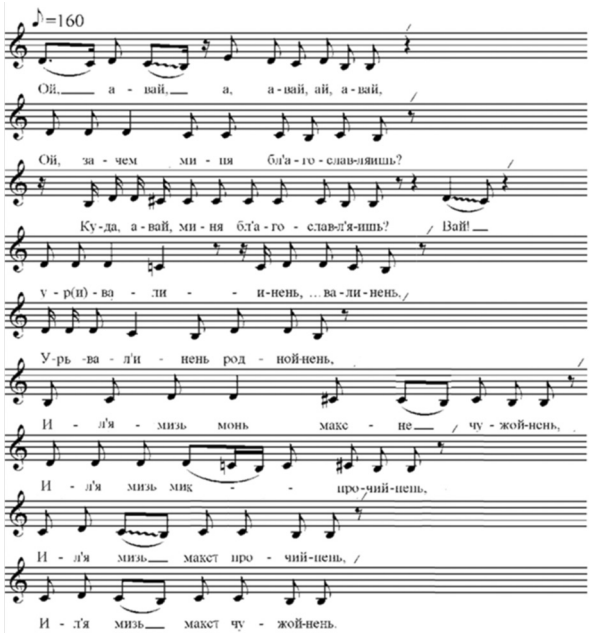
№ 58

«*Ох, Манякай-тяйтернем*» («Ох, Манечка, девочка моя»), причитание матери — обращение к дочери. Запись Г. А. Дорджиевой (06.06.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Даниловой Ольги Ивановны:

Ох, Манякай-тяйтернем,	Маня — девочка моя,
Ох, Манякай-дочинем,	Маня — доченька,
Соват ломань юртс,	Зайдешь в чужой дом,
Кустема песь пешксе веднеде,	У крыльца много воды,
А уезь уеве,	Переплыть — не переплываешь,
А келезь келеве,	Перейти — не перейдешь,
Соват ломани юртс,	Зайдешь в чужой дом,
Састо ютат — нузяксат,	Медленно пройдешь — ленивая,
Бойкасто ютат — кежеят.	Быстро пройдешь — злая.

№ 59

«*Ой, авай, авай, ай, авай*» («Ой, мама, мама, мама»), причитание невесты — обращение к маме и провожатым. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:

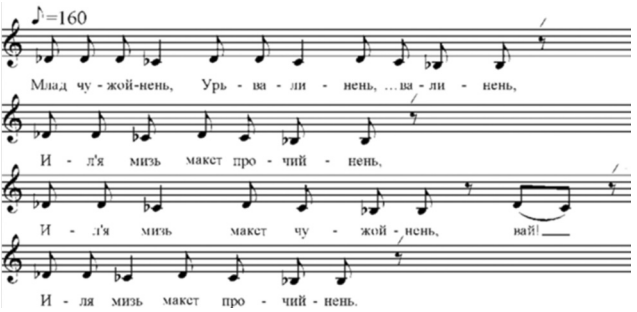


Ой, авай, а, авай, ай, авай,
Ой, зачем миня благославляишь?
Куда, авай,
миня благославляишь? Вай!
Вай, ур(и)валинень, ...валинень,
Урьвалинень роднойнень,
Илямизь монь
максне чужойнень,
Илямизь мик прочийнень,
Илямизь макст а прочийнень,
Илямизь макст чужойнень.

Ой, мама, мама, ой, мама,
Зачем меня благословляешь?
Куда меня,
мама, благословляешь? Ой!
Ой, урьваля, урьваля,
Урьваля, родные,
В чужой дом зачем
меня отдаете,
Зачем меня отдаете другим,
Не отдавайте меня другим,
Не отдавайте меня чужим.

№ 60

«*Млад чужойнень*» («Молодую — чужим»), причитание невесты — обращение к провожатым. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:



Млад чужойнень,	Молодую — чужим,
Урьвалинень, ...валинень,	Урьваля, урьваля,
Илямизь макст а прочийнень,	Не отдавайте меня другим,
Илямизь макст чужойнень, вай!	Не отдавайте меня чужим,
Илямизь макст а прочийнень!	Не отдавайте меня другим!

№ 61

«*Ой, урьвалинен, урьвалинен*» («Ой, урьваля мои, урьваля»), причитание невесты — обращение к провожатым:

Ой, урьвалинен, урьвалинен,
Не покрывайте мое лицо,
Зачем покрываете мое лицо?
В чужой дом зайдешь,
Шибко идешь — сердитая,
Тихо идешь — ленивая.

№ 62

«*Ух, авакай, авакай*» («Ох, мамочка, мамочка»), причитание невесты — обращение к матери. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:

Ух, авакай, авакай,	Ох, мамочка, мамочка,
Ай, мезень кисэ, авай, монь тримик?	Ай, зачем ты меня вырастила?
Мезень кисэ, авай, авай, тон тримик?	Зачем, мама, ты меня воспитала?
Кевс вачкодить, авай, кеднеть,	Об камень разбила, мама, руки свои,

Ох, авай, вармас максик
тонь силат,
Авай, авай, вечером к тебе,
Я не подойду к твоей двери,
Утром не приду к твоей двери,
Мамка, я ухожу ат тебя.

Ох, мама, ветру отдала
ты силы свои.
Мама, мама, вечером к тебе,
Я не подойду к твоей двери,
Утром не приду к твоей двери,
Мама, я ухожу от тебя.

№ 63

«*Ой, дочинька моя, Маря*» («Ой, доченька моя, Марья»), причитание матери при благословении дочери. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:

Ой, дочинька моя, Маря,
Тон ней туят монь эйстэ,
Тон ней яват монь эйстэ,
А ней мон тонтеметь месть тейнем,
Мон ней ки ланкс надеян?
Монь тейтерте еще мелкойть,
Монь ки ланкс ней кацаман,
Ой, доченька, Маря,
Што я буду делать без тебя?
Багаславляю.

Ой, доченька моя, Марья,
Ты теперь уходишь от меня,
Ты теперь оставляешь меня,
А теперь я без тебя что буду делать,
А теперь на кого буду надеяться?
Мои доченьки еще маленькие,
Меня на кого теперь оставляешь,
Ой, доченька Марья,
Что я буду делать без тебя?
Благословляю.

№ 64

«*Мейсь, авай, монь баслават*» («Зачем, мама, меня благословляешь»), причитание невесты — обращение к матери. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:

Мейсь, авай, монь баслават,

Мейсь, авай, монь тон,
Инязорской хорма саить,

Спасительской лик саить,
Мейсь, авай, ты миня
благославляишь?
Мон чужой кудос молян,
Мон чужой кудос сован,
Монь честной душан кадовсь,
Монь бояравакс чим туи вирев,

Покш чувто ланга
козояк а понге,

Зачем, мама,
меня благославляешь,
Зачем, мама, зачем,
Величественную форму
ты приняла,
Спасительский лик приняла.
Зачем, мама,
ты меня благословляешь?
Я в чужой дом иду,
Я в чужой дом зайду,
Моя честная душа осталась,
Моя светлая, боярская жизнь
уйдет в лес,
На больших деревьях
нигде не остановится,

Пуста паксяв туи монь
бояравакссчим,
Монь азоравакссчим,
монь чесной чим туи,
Через лес, козояк а понге
чувто ланга,
Через вирь, вирев понге.

В пустое поле уйдет моя
боярская жизнь,
Моя хозяйская жизнь,
моя честная жизнь уйдет,
Через лес, не остановится
на деревьях.
Через лес, в большой лес попадет.

№ 65

«*Саик монь ней уш пазаванть*» («Возьми у меня (с моих рук) икону»), причитание невесты — обращение к дружке. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:

Саик монь ней уш пазаванть,
Саик монь ней уш
спасительской ликензэ,
Саик монь благословениям,
Инязорской сёрманзо.

Возьми у меня (с моих рук) икону,
Возьми у меня
спасительский лик,
Возьми мое благословение,
Царское письмо.

№ 66

«*Ой, золотые мои ялган*» («Ой, золотые мои подружки»), причитание невесты — обращение к подругам во время мытья ее в бане. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:

Ой, золотые мои ялган,
Каядо монень ведне,
Шлинк монь бояравакссчим,
Нардынк монь азоравакссчим,
Велень кискат раздизь
монь азоравакссчим,
Велень кискат сезнизь
монь азоравакссчим.

Ой, золотые мои подружки,
Налейте мне водички,
Вымойте мое барское девичество,
Вытрите мое хозяйское девичество,
Сельские собаки разодрали
мое девичество,
Сельские собаки разорвали
мое девичество.

№ 67

«*Мейсь, авай, монь баслават*» («Зачем, мама, меня благословляешь»), причитание невесты — обращение к матери. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:

Мейсь, авай, монь баслават,
Мейсь, авай, монь тонь кастымик,
Мейсь, авай, тон монь максат,

Зачем, мама, меня благословляешь,
Зачем, мама, меня вырастила,
Зачем, мама, ты меня отдаешь,

Мейсь, авай, тон монь ильтят?	Зачем, мама, меня провожаешь?
Ох, авинем-корьминем,	Ох, мамочка-кормилица,
Иля макст-ильтя, авинем, чужойнень,	Не провожай, мама, к чужим,
Иля макст-ильтя, авинем, прочейнень.	Не провожай, мама, к другим.
Мон молян прочейнень,	Я пойду к другим,
Мон прочейень кецэ бойка	Я у других быстро
ютан — кежеян,	пройду — злая,
Мон засто ютан — нузяксан.	Я тихо (медленно)
	пройду — ленивая.

№ 68

«*Саинк бояравакссчим*» («Возьмите мою барскую жизнь»), причитание невесты — обращение к подругам во время бросания кольца. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:

Саинк бояравакссчим,	Возьмите мою барскую жизнь,
Саинк азоравакссчим,	Возьмите мою девичью жизнь,
Саинк монь честной чжим,	Возьмите мою честную жизнь,
Валски рана ней стямка,	Утром рано теперь вставать,
Чокшне поздна мадемка.	Вечером поздно ложиться.

№ 69

«*Зачем меня берете*», причитание невесты — обращение к Юртаве. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:

Зачем меня берёте,	Зачем меня берете,
Зачем меня возьмёте? А!	Зачем меня возьмете? А!
Юртонь кирде Юртава,	Покровительница дома,
Юртонь кирде матушка,	Юртава, матушка дома,
Благослови миня, прости меня,	Благослови меня, прости меня,
Я ухожу от тебя, прости меня,	Я ухожу от тебя, прости меня,
Мон туян тонь эйстэ.	Я ухожу от тебя.
Юртонь кирде Юртава,	Место держащая хозяйка,
Кардаз кирде батюшка,	Хранитель двора, батюшка,
Прости миня, я выросла здесь,	Прости меня, я выросла здесь,
А теперь ухожу, оставляю тебя,	А теперь ухожу, оставляю тебя,
В чужой дом пойду.	В чужой дом пойду.
У миня была, как барыни жизнь,	У меня была, как у барыни жизнь,
А теперь сучачей жизней пойду.	А теперь сучьей жизнью пойду.
Касынь мон, честной душа,	Я выросла здесь, честная душа,
Да ней сучьем положении	А теперь в сучьем положении,
Честность ат миня уходит	Честность от меня уходит
через високой лес.	через высокий лес.

Туи монь бояравакссчим,	Уходит мое барское девичество,
Через лес, через високой лес,	Через лес, через высокий лес,
Ней туян незнакомоень,	Ни в добро, ухожу в незнакомое,
Честная моя девичая	Честная моя девичья
красивая жизнь...	красивая жизнь...

№ 70

«*Господи! Юртонь кирде Юртава*» («Господи! Хранительница дома Юртава»), причитание невесты — обращение к Юртаве. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:

Господи, Юртонь	Господи, хранительница
кирде Юртава,	дома, Юртава,
Прости меня,	Прости меня,
што я уйду ат тебя,	что ухожу от тебя,
Што я тебе оставлю.	Что оставляю тебя.
Я утром к тебе не приду,	Утром я к тебе не приду,
Потом кто дверь не откроет.	Потом кто дверь не откроет.
К тебе рана не зайду,	К тебе рано не зайду,
Поздна я к тебе не приду,	Поздно я к тебе не приду,
Прости меня,	Прости меня,
Юртонь кирде Юртава.	хранительница двора Юртава.

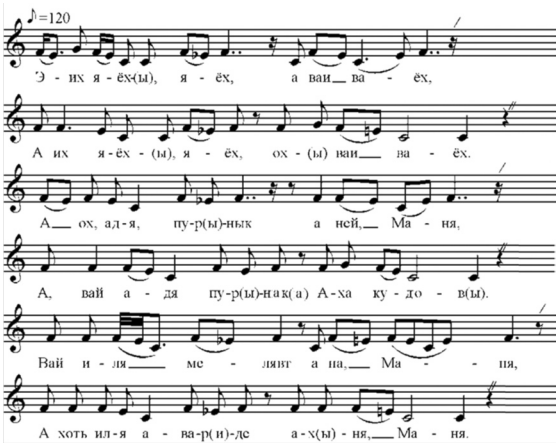
№ 71

«*Ай, зачем покрыли мое лицо*», причитание невесты — обращение к провожатым. Запись Г. А. Дорджиевой (08.07.2003 г.), расшифровка Л. Н. Шамовой от Радаевой Марии Михайловны:

Ай, зачем покрыли моё лицо?	Ох, зачем покрыли мое лицо?
Зачем вы миня ведёте	Зачем вы меня ведете
в чужой дом?	в чужой дом?
Мейсь чужой кудос ветясамись,	Зачем в чужой дом ведете?
Мейсь чужой кудос мольтям,	Зачем идем в чужой дом?
В чужой дом зайдёшь,	В чужой дом зайдешь,
Тиха идёшь – ленива,	Тихо идешь — ленивая,
Шибка идёшь – сердита...	Быстро идешь — сердитая,
Ну прошчай, Юртонь кирдень Юртава,	Прощай, хранительница Юртава,
Юртонь кирдень матушка,	Матушка, Юртава,
Прости миня, я ухажу ат тебя.	Прости меня, я ухожу от тебя.

№ 72

«*Э-их я-ёх, вай ва-ёх*», песня свахи. Запись и нотировка Л. Н. Шамовой (21.06.2005 г.) от Сергомасловой Прасковьи Сергеевны:



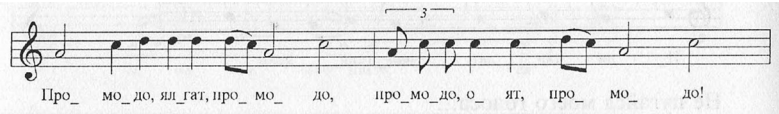
Э-их я-ёх(ы), я-ёх, а ваи ва-ёх,
А их я-ёх, я-ёх, ох(ы) ваи ва-ёх.
А ох, адя, пур(ы)нык а ней, Маня,
Вай, адя пур(ы)нак(а) кудов(ы).
Вай, иля мелявт а на, Маня,
А хоть иля авар(и)де ах, Маня.
Аволь меляв(ы)тым(ы)га
а сайдядызь,
Аволь мелявтомга вешм(ы)тядызь.
Иля меляв(ы)та а, Маня…
Ох, кустемопеса а лисиманок.
А кузить, кузить ды валгить
ведранок.
Ох(ы), накая ведь, ямксонок,
Ох, иля мелявта на, Маня.

Э-их я-ёх, я-ёх, вай ва-ёх,
Их ва-ёх, ва-ёх, охы вай ва-ёх.
Ох, пойдем, соберись, Маня,
Пойдем, соберись домой.
Не горюй, Маша,
Не плачь, Маша.
Возьмут тебя не потому,
что горюешь,
Не для этой горести тебя искали.
Не горюй ты, Маша...
Ох, на крыльце — колодец,
Поднимаются и опускаются
наши ведра.
Возьми (у меня) пшено,
Ох, не горюй ты, Маша.

Эрзянские свадебные причитания, опубликованные М. Е. Евсевьевым*

№ 80

«*Лисьмань кирди, тейтерь-эй*!» («Владычица колодца, девица!»), причитание невесты — прощание с колодцем (с. 27 — 28):



Соберитесь, друзья, соберитесь,
Соберитесь, подруги, соберитесь!

Лисьмань кирди, тейтерь-эй!	Владычица колодца, девица!
Лисьмань кирди, кастарго!	Владычица колодца, красавица!
Иля тандат шумнедень,	Не пугайся моего шума,
Сэрь ёмамо вайгельдень:	Голоса погибающей,
Аволь тонть мон тандавтлян,	Не тебя я пугаю,
Аволь тонть мон тормошан,	Не тебя я беспокою,
Монсень сэрень коволян,	Свое тело причитаю,
Монсень эрямон мон лажан,	Свою жизнь я оплакиваю,
Седь икеле эрямсто,	В прежнюю мою жизнь,
Тейтерькс пингень печтямсто	В жизнь мою девичью,
Валске рана сакшнылинь,	Я и утром рана приходила,
Чокшнэ позда сакшнылинь,	Я и вечером поздно приходила,
Эзинь сакшно лангозот	Но не приходила к тебе,
Кол ёмамо крик маро	С криком отчаяния.
Киштезь аштиль пильгинень,	Пляшучими были мои ноженьки,
Пейдезь аштиль кургинем,	Смеючи был мой ротик,
Валске рана самосто,	Когда я приходила утром рано,
Чокшнэ позда самосто,	Когда приходила вечером поздно,
Паряк, токалить удомсто	Быть может, в то время ты спала,
Паряк, токалить оймамсто,	Быть может, ты отдыхала,
Паряк, чалгавшнынь	Быть может, наступала я
Виде килей сэреть ланкс,	На твой, как прямая береза, рост,
Мазы умарь тусот ланкс,	На твое, как яблоко красивое лицо,
Чевте паро алксот ланкс,	На твою мягкую, хорошую постель,
Сэрей паро прялксот ланкс,	На высокое хорошее изголовье;
Паряк, чалгавкшнынь	Быть может, наступала я
Котова таргазь палят ланкс,	На твою рубашку, в шесть полос вышитую,

* **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. М., 1931. 315 с.

Кумажас путозь руцят ланкс,
Матразь коцт ашко
пильгеть ланкс,
Сия вец навазь карь прят ланкс,
Илямака осудя:
Седь икеле эрямсто,
Тейтерькс пиньгень печтямсто,
Киштезь аштильть
монь пильгень,
Пейдезь аштиль монь кургом.

На твою «руцю», до колен украшенную,
На твои, как скатанные
холсты — ноги,
На твои посеребренные головки лаптей,
Не осуди ты меня;
В прежнюю жизнь мою,
В девичий век мой,
Ноги мои только плясали,

Уста мои только пели.

№ 81

«*Ужодо, ялган, сюкунян*» («Подождите, подруженьки, поклонюсь»), причитание невесты — прощание с красным углом (с. 119):

Ужодо, ялган, сюкунян
Покштянь уголсо рузонь
пазостень.
Аштеде, дуган,
сюкпря максан
Покштянь уголсо
рузонь Нишкестень.

Подождите, подруженьки,
поклонюсь,
В дедушкином углу
русскому богу,
Подождите, сестрицы,
поклон отдам
В дедушкином углу
русскому создателю.

№ 82

«*Покш покштинень, бодинень*!» («Великие деды мои, дедушки!»), причитание невесты — обращение к умершим предкам (с. 29 — 31):

Пок покштинень, бодинень!
Мода мазыйть бабинень!
Сырк мерезэ, бодинень,
Матразь, оймазь киськиненк,
Сырк мерезэ, бабинень,
Равужо човоля модыненк.
Покш покштинень, бодинень!
Мода мазыйть бабинень!
Аволь шкастонк-порастонк,
Мазы леменк ушоцынь,
Мода челькенк явавцынь.
Аволь пси пачалксес терттядызь,
Аволь пси ямнэс туйдядызь.
Кува, кува, терттядызь?
Кува, кува, туйдядызь?

Великие деды мои, дедушки!
Красы земли мои бабушки!
Пусть пошевелится, деды мои,
Ваше осевшее, успокоившееся тельце,
Пусть приподнимется, бабушки мои,
Ваша чернобисерная землица.
Великие деды мои, дедушки!
Красы земли мои бабушки!
Я не в пору, не вовремя
Ваши красивые имена называю,
Вашу земную пыль стряхиваю.
Не на горячие блины позову вас,
Не на горячие щи привожу вас.
По какому месту я позову вас?
По какому месту приведу вас?

Тердевледезь покш киява,	Призвала бы вас по большой дороге,
Покш кинь ламо якизэ,	У большой дороги много проходящих,
Ламо каршо понгинзэ,	Много навстречу попадающих,
Ламо мельга сасынзэ:	Много сзади догоняющих:
Пелян, покш покштинень, бабинень,	Боюсь, великие деды мои, бабушки,
Берянь ломань вастадо,	Встречи лихого человека,
Берянь валонь тергиде.	Дурным словом обзывающего.
Тердевледезь, бодинень,	Позвала бы вас, дедушки,
Туевледезь, бабинень,	Позвала бы вас, бабушки,
Ош порядка юткова,	По городской улице,
Москов ульцянь кувалма,	Вдоль Московской улицы,
Ульцянь ламо неинзэ,	На улице много видящих,
Ульцянь ламо рединзэ:	На улице много замечающих:
Пелян берянь сельмеде,	Боюсь дурного глаза,
Пелян берянь вачтавксто.	Боюсь нехорошего взгляда.
Тердевледезь, бодинень,	Позвала бы вас, дедушки,
Туевледезь, бабинень,	Позвала бы вас, бабушки,
Ташто, тайной киява,	По старой, тайной дороге,
Ташто, кадонь киява.	По старой заброшенной дороге,
Пелян, покш покштинень, бабинень,	Боюсь, дедушки мои, бабушки,
Одранк, саванк сезневить,	Ваши одры, саваны издерутся,
Тарад прява кадновить.	На вершинах ветвей останутся.
Тердевледезь, бодинень,	Позвала бы вас, дедушки,
Туевледезь, бабинень,	Позвала бы вас, бабушки,
Мода алга киява,	По подземной дороге,
Мастор алга киява.	По подземному пути,
Коть мода алга кинь	Хотя по подземной дороге
Арась кияк якизэ,	Нет проходящих,
Арась кияк пакизэ	Нет шествующих,
Ламо мода пульнезэ,	Но много пыли на ней,
Ламо мода челькезэ,	Много праху земного.
Пелян, бодинень, бабинень,	Боюсь, дедушки мои, бабушки,
Кисеянь одранк, саванк,	Ваши кисейные саваны,
Мода пульне сайсынзэ,	Земляная пыль покроет,
Мода чельке муйсынзэ.	Прах земной запачкает.
Садыя, бодян, садыя!	Приходите, дедушки мои, приходите!
Садыя, бабан, садыя!	Приходите, бабушки мои, приходите!
Велень бодянь кснав рядга,	По гороховому полю сельских дедов моих,
Туеде, бодян, туеде,	Принесите, дедушки мои, принесите,
Туеде, бабан, туеде.	Принесите, бабушки мои, принесите,
Кеверить кснавт сельветькеть.	Катящие горошины — слезы,
Садыя, бодян, садыя,	Приходите, дедушки мои, приходите,
Садыя, бабан, садыя,	Приходите, бабушки мои, приходите,
Каль пулова киява,	По заросшей тальником дороге,
Пекшс пулова киява,	По заросшей орешником дороге,
Туеде, бодян, туеде,	Принесите, дедушки мои, принесите,
Чулгонь пештькеть валнэде.	Лущеные орехи — словечки.

№ 83

«*Авай, авакай-ванынем*!» («О, мама, матушка родимая!»), причитание невесты — обращение к матери (с. 35):

Авай, авакай-валынем!
Авай, авакай-диринем!
Маштокшныть, авай,
трямон-ваномон,
Кизэ чинень самосто —
Шолкке поцо трякшнымек;
Теле чинень самосто —
Пухке поцо трякшнымек;
Монь трямостон, ваномстон
Эзить содакшно удомс,
Эзить содакшно аштеме...
Эзить машт, авакай, эзить машт
Ёмавтомон эзить машт!

О, мама, матушка родимая!
Мама, матушка-кормилица!
Сумела ты, матушка,
воспитать меня,
При наступлении весны —
В шелку ты растила меня;
При наступлении зимы —
В пуху ты растила меня;
Во время моего воспитания
Не знала ты ни сна,
Не знала ты покоя…
Не сумела ты, матушка, не сумела,
Не сумела погубить меня!

№ 84

«*Васня ливан, куркс саян*» («Сначала я почту, помяну»), причитание невесты — обращение к прадедам (с. 31 — 32):

Васня ливан, куркс саян
Эрзянь верань кулытнень,
Эрзянь верань ёмитнень,
Поптомо калмастнень,
Диаконтомо служастнень,
Тикше трукасо куряст нень,
Сиянь крёстомо ливтестнень.
Кува нолдан вальгеень?
Кува оргатян шуминень?
Валень частой пирявтка,
Чувонь канава чирева,
Озавтлень килей юткова,
Шачи сюро паксява,
Парсей ялав корёнга,
Штатолкс палы олгова,
Сырьне эзьнева,
Сееде кудря колозга,
Золотакс кольги зёрнава.
Ошtё ливан, куркс саян,
Рузонь верань кирдитнень,
Поп маро калмастнень,
Диякон маро служастнень,
Ладон качамсо куряст нень,
Кадиласо кадяст нень,

Сначала я почту, помяну
В эрзянской вере умерших,
В эрзянской вере пропавших,
Без батюшек похороненных,
Без дьяконов отслуженных,
Трухою сена окуренных,
Без серебряных крестов вынесенных.
По какому месту я издам голос?
Где я пущу свой шумок?
По частому забору,
По краям вырытой канавы,
Между посаженными березами,
По хлебородному полю,
По шелковым кистям хлебных корней,
По соломе, горящей свечой,
По золотой бусинке — суставам,
По частым кудрям — колосу,
Золотом наливающемуся зерну.
Еще я почту, помяну
Русскую веру держащих,
С попами похороненных,
С дьяконами отслуженных,
Дымом ладана окуренных,
Кадилом окажденных,

Сиянь крёст марто ливтестнень.	С серебряными крестами вынесенных.
Кува кучан вальгеень?	По какому месту я пошлю голос свой?
Кува нолдан шуминень?	Где я пущу шумок свой?
Церькувань крута уголга,	По крутым углам церкви,
Ниленьгемень крёст алга,	Под сорока крестами,
Колоньгемень паз алга.	Под тридцатью богами.
Вай, пувазо, пувазо,	Пусть подует, подует,
Сёксень кельме вармазо,	Осенний холодный ветер,
Вай кандозо, кандозо	Пусть снесет, снесет,
Озась мода челькиненк,	Насевшую на вас пыль земную,
Явшевест кото лазыненк,	Пусть раздвинутся ваши шесть досок,
Илиштявост одрыненк,	Развернутся ваши саваны,
Панжинк глухой вальминенк,	Откройте ваше глухое окошечко,
Кулсонынк тейтерь вальгеем,	Послушайте мой голос девичий,
Езда туи превезэнк,	Если он по мысли вам придется,
А вальгейнень маштомо,	То голосу моему не пропасть,
А валозне пупырдьме.	И в словах бы не запнуться.

№ 85

«*Зоря пувась толонзо*» («Заря зажгла свой огонь»), причитание невесты на зорю (с. 32):

Зоря пувась толонзо,	Заря зажгла свой огонь,
Сялксь кувака чевензэ,	Засветила свою длинную лучину,
Уськеть, уськеть сятконзо,	Проволокой падают искры ее,
Рисьметь, рисьметь куловзо,	Цепочкой падает зола ее,
Масторонь келес валдозо,	По всей земле свет ее,
Менелень келес зэркезэ,	По всему небу звон ее,
Диринь тетянь кардайс,	Только до двора моего родимого батюшки
Зоря валдо эзь токак,	Свет зари не дошел,
Зорянь шумнэ эзь марявт:	Шума зари не слышно:
Диринь тетянь кардайсэ	Во дворе моего батюшки
Мон пайстомо ломанян,	Я — несчастный человек.
Пайстомо сэрень мон лажан,	Несчастное тело свое оплакиваю,
Грешной сэрень коволян.	Грешное свое тело причитаю.

№ 86

«*Мень седей кирдезь саимем*» («Что за терпение взяло меня»), вечерние причитание невесты (с. 36 — 42):

Мень седей кирдезь саимем!	Что за терпение взяло меня!
Мень седей оймазь муимем!	Что за спокойствие нашло на меня!
Кевкс кеведнясь седеем,	Окаменело сердце мое,
Повкс поводнясть сельведень.	В пуговки застыли слезы мои.
Эли мон эрьгединь,	Или я обрадовалась,

Лужадузан, урексчис,
Эли мон пек кецинь,
Лондадузан, — вардоксчис.

Моньдень икеле урексчись
Эрьгедезэ-кецязо,
Моньдень икеле вардоксчись
Радувань седьсэ аштезэ.
Промодо, ялган, промодо!

Промодо, оян, промодо!

Сэрь лажамо тарказон,
Сэрь вальмамо тарказон!
Умок марясынь, ялгинень,
Мазы циповкат вальгеенк,
(или Москов баяга вальгеенк)

Умок марясынь, ялгинень,
Сахьянской котанк чикордыть,

Пуховой цюлканк каштордыть.
Лисикскелинь каршозонк,
Лисикскелинь вастомонк,
Диринь-ванынь тетинем
Икельган таргась таргань столь,

Удалган пирясь кшнинь пирявт,
Вить пельган нолдась
Келейстэ чуди — чуди ведь,
Керч пелень сон вачкась
Сэрейстэ палы — палы тол.

Ютыкскелинь стольсть трокска —
Пелинь тетянь мельнеде,
Норов авань кежнеде.
Ютыкскелинь пирявцьть трокс —
Кедень вентинь — эсть сатот,
Пильгень чалгинь — эсть пекстак.
Печкикскелинь, ялгинень,
Чуди веденть мон трокска
Пелинь, ялгинень, —
Бояравакс чим начки.
Ютыкскелинь, ялгинень,
Палы толонть мон велькска —
Пелинь, ялгинень,
Бояравакс чим киртави.

Провалиться бы мне, — замужеству,
Или я обрадовалась,
Опуститься бы мне, — жизни
замужней.
Пусть замужество раньше меня
Радуется, веселится;
Пусть ранее меня жизнь замужняя
С радостным сердцем пребывает,
Собирайтесь, подруженьки мои,
собирайтесь!
Собирайтесь, голубушки мои,
собирайтесь!
На оплакивание моего тела,
На причитание моего роста!
Давно слышу я, подруженьки,
Красивые бубенчики — голоса ваши,
(или как московские колокола
голоса ваши)
Давно я слышу, подруженьки,
Как скрипят ваши башмаки
сафьяновые,
Как шуршат ваши чулки пуховые.
Хотела выйти я навстречу вам,
Хотела выйти встречать вас.
Родимый мой батюшка,
Предо мной поставил
накрытый стол,
За мной загородил железный забор,
По правую сторону он пустил
Широко текущую — воду текучую,
По левую сторону развел
Высоко пылающий —
огонь горящий.
Хотела перейти я через стол —
Побоялась воли батюшки,
Гнева норовистой матери.
Хотела пройти я через забор —
Протянула руки — не достала,
Наступила ногами — не укрепилась,
Хотела перейти, подруженьки,
Через ту воду текучую —
Побоялась я, подруженьки, —
Что девичество мое намокнет.
Хотела перейти я, подруженьки,
Через тот огонь горящий,
Побоялась, подруженьки,
Девичество мое спалится.

Эрь эзинь лисевть каршозонк,
Эрь эзинь лисевть вастомонк,
Илядоя пеняця,
Илядоя осудя.
Аштеде, ялган, ёвтлиса,
Кода манявинь урексчис,
Кода манявинь вардоксчис:

Теде веде удылинь,
Вере, вере утомсо,
Вере утомонь цюлансо,
Цюлан мазы вальмало.
Вальмань сэрьсэ алксомоль,
Лавсянь сэрьсэ прялксомоль.
Пелеведе икеле,
Атякш морамодо мееле,
Сайтець лембе монь вельксэм,
Калготксомсь чевте монь алксом,
Алкиньгаць сэрей монь прялксом

Штатоць тантей удомом.
Чикор мерькшнесь, ялгинень,
Диринь тетянь отразо,
Лавузьнякшность, оинень,
Диринь тетянь кисканзо.
Вачтынь вальма чирева –
Урексчи ашти вальмало
Диринь тетянь тюскесэ;
Ве кецэнзэ — сахьянской котат,

Омбоцесэ — пуховой цюлкат.
Манчесь, манчесь нень эснэ,
Эзинь манявт мон тензэ.
Диринь тетянь вийнесэ
Эзинь пиштлек котадо,
А пуховой цюлкадо.
Мейле сакшнось, ялгинень,
Ванынь авань тюскесэ.
Парсей кесак кецэнзэ.
Манчесь, манчесь нень эснэ,
Эзинь манявт мон тензэ.
Ванынь авань вийнесэ
Эзинь пишлек суреде.
Ошто сакшнось, ялгинень,
Вечкима лелянь тюскесэ.
Мазыть семеричкат кецэнзэ.
Сувтем ленгень карьть кецэнзэ.

Так не могла я выйти навстречу вам,
Не могла выйти встретить вас.
Не жалуйтесь на меня,
Не осуждайте меня.
Подождите, подруженьки, расскажу я,
Как обманулась я в замужество,
Как обманулась я
в жизнь замужнюю:
В эту ночь спала я,
В самом верхнем амбаре,
В чулане верхнего амбара,
Под красивым окном чулана.
В вышину окна была постель моя,
В вышину полок было изголовье мое.
Перед полуночью,
После пения петухов,
Снялось мое теплое одеяло,
Стала жесткой моя мягкая постель,
Сделалось низким
мое высокое изголовье.
Прошел мой сладкий сон,
Проскрипели, подруженьки,
Ворота родимого батюшки,
Залаяли, голубушки,
Собаки родимого батюшки.
Взглянула я в край окна —
Под окном стоит мое замужество,
В образе родимого моего батюшки;
В одной руке — сафьяновые
башмаки,
В другой — пуховые чулки.
Прельщало, прельщало ими,
Не могло прельстить меня.
При помощи родимого батюшки
Не нуждалась я в башмаках,
Ни в пуховых чулках.
Потом приходило замужество
В лице моей матушки.
Шелковый моток в руках у него.
Обманывало, обманывало меня им.
Не могло обмануть.
При стараниях родимой матушки
Не нуждалась я в нитках.
Еще приходило оно, подруженьки,
В лице братца моего любимого.
В руках у него красивые семерички,
В руках у него плетеные лапти.

Манчесь, манчесь сынст эснэ,
Эзинь манявт мон тензэ.
Вейкине лелянь вийнесэ
Эзинь пиштлек семеричкадо,
Сувтем ленгень карьнеде.
Мейле сакшнось, ялгинень,
Вечкима ялгань тускесэ.
Мазы алнэ кецэнзэ,
Тровицянь каштаз прясонзо:
А, ялгинем а, Охим!
А, оинем, а, Охим!
Диринь тетять вальмало

Шачозь мазы поляна,
Пижe лугань поляна,
Ниле ряцо тикшезэ,
Ниле ряцо лукшозо.
Васенце ряд тикшезэ –
Пильге лапава — ташто гавданзо,
Омбоце ряд тикшезэ –
Карькс тапардамга –
Тантей цяпор тикшезэ.
Колмоце ряд тикшезэ,
Кумажава — керясь-тикшезэ.
Нилеце ряд тикшезэ —
Карсамова — горнипов цецязо.
Се полянасть кунчкасо
Виев кужо эй налки,
Се полянасть кунчкасо
Виев кужо эй чары.
Весе ялгат сынь киштить, морыть,
Весе оят пеедить-шутить,
Умонк арасят тон, ялгай,
Умонк арасят тон, оям.
Содасынк, ялгинень,
Кода вечки ульнекшнынь,
Кода вечки ульнекшнынь.
Истя манявинь урекчис
Истя манявинь вардоксчис.

Прельщало, прельщало ими,
Не могло прельстить меня.
При любимом моем братце
Не нуждалась я в семеричках,
В плетеных лаптях.
Потом приходило оно, подруженьки,
В лице моей подруги.
Красивое яйцо в руках у него
Троицын венок на голове его:
Ох, подруженька, Ефимия!
Ох, голубушка, Ефимия!
Под окном твоего батюшки-кормильца
Уродилась красивая поляна,
Зеленый луг — поляна.
В четыре ряда трава ее,
В четыре ряда зелень ее.
Первый ряд ее травы —
В высоту ступни — старая отава,

Второй ряд травы –
По обору лаптей,
Душистая богородская трава,
Третий ряд травы,
По колени — пырей трава.
Четвертый ряд травы –
По пояс — цветы-колокольчики.
Посреди этой поляны
Сильный хоровод играет,
На середине этой поляны
Большой хоровод кружится,
Все подруги твои пляшут, поют,
Все подруги твои шутят, смеются,
Только тебя, подруженька, нет,
Только тебя, голубушка, нет.
Знаете, подруженьки,
Как любила я хоровод,
Как любила я подруг.
Так обманулась я в замужество,
Так обманулась я в жизнь замужнюю.

№ 87

«*Ох, тетинем, диринем*» («Ох, тятенька-кормилец»), причитание невесты — обращение к родителям (с. 105 — 106):

Ох, тетинем-диринем!	Ох, тятенька-кормилец!
Ох, авинем-ванынем!	Ох, матушка, родимая!
Мейсь безарьдиде эстэдень?	Почему я опротивела вам?
Потмакстомо лисьмас каимизь,	В бездонный колодец бросили меня,
А лисиван пингезэн.	Откуда всю жизнь не выйти мне.
Колмо недлят, тетякай,	Три недели, батюшка,
Пря ормасо сэрединь,	Головной болью я болела,
Колмо недлят, авакай,	Три недели, матушка,
Седей ормасо сэрединь.	Сердечной болью я болела,
Кошткевтеме коськенинь,	Без воздуха я сохла,
Вармавтомо либордынь,	Без ветра я качалась,
Моцем лияць аламне,	Мочи осталось не много,
Седей алем кадовсь аламне.	Сила сердца ослабла.
Ох, тетинем-диринем!	Ох, тятенька-кормилец!
Ох, авинем-ванынем!	Ох, матушка, родимая!
Аштиде, эзьде накаснэнь?	Выполнили или нет мой наказ?
Аштиде, эзьде прикаснэнь?	Исполнили или нет мой приказ?
Анокстыде эзиде	Приготовили вы или нет
Боярават-ялгинень	Для угощения моих подруг
Симдемс, андомс поилат?	Кушанья и напитки?
Комсь ие роботакшнынь,	Двадцать лет я работала,
Комсь ие мон пракшнынь,	Двадцать лет я старалась,
Келей икелькс панекшнынь,	Широкие прогоны я гнала (на жнивье),
Сееде петкат ведякшнынь,	Частые ряды пятков вела,
Те таркастень анокстынь,	На этот случай я готовила,
Те таркастень роботынь.	На этот случай я работала.

Невеста обращается к подругам:

Ярцледе, ялган, ярцледе!	Кушайте, подруженьки, кушайте!
Ярцледе, оян, ярцледе!	Кушайте, голубушки, кушайте!
Те истяня анокстазь	Все это приготовлено
Келей икелькс пень паньмень кис,	За широкие прогоны,
Велявтумга пултонь кис,	За быстрое собирание снопов,
Сееде петка рядонь кис.	За частые ряды пятков.

№ 88

«*Промодо, ялган, промодо*» («Собирайтесь, мои подруженьки, собирайтесь»), причитание невесты — оплакивание девичества (с. 56 — 58):

Промодо, ялган, промодо,

Сэрь лажамо тарказон,
Промодо, оян, промодо,

Сэрь вальмамо тарказон.
Умок марясынь, ялгинень,
Москов баяга вайгеленк,

Умок марясынь, оинень,
Мазы циповка вайгеленк.

Лисиксэлинь каршозонк,
Лисиксэлинь сречамонк,
Бояравакспим мартон арасель,

Мазы пароксчим мартон арасель.
Аволь тукшнось, ялгинень,
Кавто ёнга шабрава
Ломань превень вешнеме,
Ломань превень кевснеме:
Соньсинзэяк ульнесть, ялгинень,

Паро превень максынзэ,
Паро превень ёвтынзэ.
Бояравакспим, ялгинень,
Вере, вере утомсоль,
Верь утомонь вальмалоль,
Цюлан мазы вальмалоль.
Ашо кеньде алонзоль,
Сиянь мукорь пильгалонзоль,
Тужо тевзэ кецэнзэль:
Ашо конёв коцтозо,
Конёв сёрмат артонзо,
Сиянь салмукс кецэнзэ,
Парций суре песэнзэ.
Салмукскесэньть кемельди.
Мишарасонть кемельди.
Пшкалинь, пшкалинь —
сон эзь пшкать,
Тердинь, тердинь эзь тердевть.
Соньтемензэ, ялгинень,

Собирайтесь, мои подруженьки,
собирайтесь,
На причитание моего тела,
Собирайтесь, голубушки,
собирайтесь,
На оплакивание моего роста.
Давно слышу я, подруженьки,
Московские колокола —
ваши голоса.
Давно слышу я, голубушки,
Красивые бубенчики —
ваши голоса.
Хотела выйти навстречу к вам,
Хотела выйти встретить вас,
Но девичества моего
со мной не было,
Но красоты моей со мной не было.
Не уходило оно, подруженьки,
На две стороны — по соседям
Искать чужого ума-разума,
У чужих ума спрашивать:
И у самого у ней были,
подруженьки,
Доброму уму наставляющие,
Хорошему уму научающие.
Мое девичество, подруженьки,
Было в самой верхней клети,
В верхней клети, в чулане,
У красивого окна чулана.
Под ним была белая кошма,
Под ногами — серебряный стул.
В руках у него — дело спорилось:
Белая бумага — холст его,
Письмена бумажные — узоры его.
В руках серебряная игла,
Шелковая нитка вдета в нее,
Иголочкой она водит,
Мишурой узоры наполняет.
Кликала, кликала —
не откликнулась.
Звала, звала — не дозвалась я.
Без него, подруженьки,

Эзинь лисьть мон каршозонк,	Не вышла я навстречу к вам,
Соньтемензэ, оинень,	Без него, голубушки,
Эзинь листь мон сречамонк.	Не вышла я встретить вас.
Илимизьга осудя,	Не осуждайте вы меня,
Илядоя пеняця.	Не жалуйтесь вы на меня.
Аштеде, ялган, ёвтниса,	Постойте, подруженьки, расскажу я,
Кода теде веде мон удынь:	Как в эту ночь я спала:
Пелеведе икеле,	Ранее полуночи,
Атякш морамодо мейле	После пения петухов
Сайтець лембе монь вельксэм,	Снялось теплое мое одеяло,
Штатоць таньтей удомом.	Прошел мой сладкий сон.
Вачтынь пиря пенезэнь,	Взглянула я на свое изголовье,
Пиря песэнь, ялгинень,	У изголовья сидит подруженька,
Кумажас путозь руцязо,	До колен украшена ее руця,
Сахьянской котат пильксэнзэ,	На ногах — коты сафьяновые,
Нусманьгадозь шачозо,	Лицо ее опечалено,
Авардезь ащи кургозо.	Уста заплаканы,
Вачтынь пильге пенезэнь,	Посмотрела я на свои ноги,
Пильге песэнь, ялгинень,	У ног моих, подруженьки,
Урексчись аштн озадо:	Сидит замужество:
Кумажава палязо,	До колен у него рубашечка,
Кочкарява нуланзо,	До пяток лохмотья,
Кенерева ожанзо,	До локтей рукава,
Сурпирява нуланзо;	До пальцев лохмотья;
Ленге лутконь каренэ,	Из лыка лапти его,
Левш нулынень карьксэнзэ;	Из отбросов мочала оборы его,
Весёлгадозь шачозо,	Лицо его веселое,
Пеедезь аштн кургозо.	Уста смеющиеся.

№ 89

«*Вачтынь пильге пенезэнь*» («Взглянула я на свои ноги»), вечернее причитание невесты (с. 58 — 59):

Вачтынь пильге пенезэнь,	Взглянула я на свои ноги,
Пильге песэнь, ялгинень,	У ног моих, подруженьки,
Урексчись аштн озадо:	Сидит замужество:
Лукшти лавьссэ пильксэнзэ,	Ногой оно качает колыбель,
Ризань парго вакснэнзэ,	Возле него — короб для лоскутьев.
Каль корёнонь кечкассо,	Ивовый корень — крючок его,
Тумотарад салмукссо,	Дубовый сук — игла его,
Ризат-рязат эй пантли.	Лоскутья оно пришивает.
Ве сельмстэнзэ сый чуди,	Из одного глаза гной течет,
Омбоцестэ верь кольги.	Из другого — кровь идет,
Калмов — сонгак эй киштн.	Могильное — а пляшет,
Модав — сонгак эй моры.	Землистое — а поет.

№ 90

«*Тетяй, тетякай-диринем*» («Тятенька, тятенька родимый»), причитание невесты — наказ родителям и братьям при уходе в баню (с. 136 — 138):

Тетяй, тетякай-диринем!	Тятенька, батюшка родимый!
Тетяй, тетякай-жалинем!	Тятенька, батюшка любящий!
Сакая, тетякай-диринем,	Подойди-ка, батюшка родимый,
Туи тейтерькссчинь икелев,	К уходящему моему девичеству,
Сакая, тетякай-жалинем,	Подойди-ка, батюшка любящий,
Яви тейтерькссчинь икелев.	К отделяющемуся моему девичеству.
Кармавтума теньть кармавтан,	Приказ я тебе даю,
Наказамо наказан:	Наказ я тебе наказываю:
Азё, кучтан, тетякай,	Иди, пошлю я тебя, батюшка,
Ратор ошов базаров,	В город Алатырь на базар;
Азё кучтан, жалинем,	Иди, пошлю я тебя, любящий,
Ратор ошов ярмункав,	В город Алатырь на ярмарку;
Половой ласт рамака,	Купи-ка, половых досок,
Гривинной эск рамака:	Купи-ка гривенных гвоздей:
Банядо мейле, тетякай,	После бани, батюшка,
Лоткить пильгень якамдо,	Перестанут ходить мои ноженьки,
Лотки келем кортамдо.	Перестанет говорить мой язык.

Матери:

Авай, авакай-диринем!	Мама моя, матушка родимая!
Авай, авакай-валынем!	Мама моя, матушка-кормилица!
Кармавтума тенть кармавтан,	Приказ я тебе даю,
Наказамо наказан:	Наказ я тебе наказываю:
Монь туймедень мееле,	После моего ухода,
Пси пачалксеть паньтяя.	Испеки-ка ты горячих блинов.
Васень пачальксесть каямсто	Когда будешь первый блин печь,
Очи нашинь ловныка,	Отче наш прочитай,
Колмотькс пачалксенть каямсто	Когда будешь третий блин печь,
Покштят-бабат поминак.	Прадедов, прабабушек помяни.
Мондяк лемем, авакай,	И мое имя, матушка,
Сынст ваксозост поминык.	Вместе с ними помяни.

Двоюродному брату (урьваля):

Урьвалинем, лелинем!	Урьваля, мой дяденька!
Урьвалинем, алинем!	Урьваля, мой братец!
Азё кучтан, лелинем,	Иди, я пошлю тебя, дяденька,
Покш вирь ланга якамо,	По большому лесу ходить,
Онкстамо чувтонь керямо.	Для мерки дерево рубить.
Иляк керяк, лелинем,	Не руби ты, дяденька,
Эсинь сэрьде сэрейстэ.	Выше роста моего,
Тон керяка, дугакай,	Ты сруби-ка, дяденька,

Сэрень марто вейкецтэ.
Иля керяк, дугинем,
Нудей-булонь болотань,
Пайстомо, чувтонь — пой чувтонь;
Тон керяка, лелякай,
Пиче мазы гривасто,
Улезэяк, лелинем,
Апак строгак валаня,
Апак красяк якстере.

Вровень с ростом моим.
Не руби ты, братец,
С болота, обросшего камышом,
От несчастного дерева — осины;
Сруби-ка ты, дяденька,
С красивой сосновой гривки,
Чтобы была, дяденька,
Не строгана — гладкая,
Не крашена — красная.

Другому урьвале, младшему по возрасту:

Тонетькак, дугинем,
Кармавтума кармавтан,
Наказамо наказан:
Азё кучтан, дугинем,
Покш родня ланга якамо,
Родня-раськень пурнамо.
Сыреть, сыреть бабатнень
Тердитяя, дугинем,
Мазы лемень ливамо,
Седе отнэнь урятнень —
Пайстомо сэрень пурнамо,
Монцинь сэрьсэ ялгатнень —
Пайстомо сэрень лажамо,
Вишкинетнень дугатнень —
Кулы сэрень ваномо.
Сыреть, сыреть атятнень —
Кандо лазонь тееме.
Седе отнэнь алятнень —
Кельме калмонь чувомо.

И тебе, братец,
Приказ я даю,
И тебе я наказываю:
Иди, братец, я пошлю тебя,
По большой родне ходить,
Род-племя собирать.
Старых-престарых старух,
Позови ты, братец мой,
Поминать мое красивое имя,
Помоложе невесток —
Собирать мой рост несчастный,
Ровесниц моих подружек —
Оплакивать мое тело несчастное,
Маленьких сестриц —
Смотреть на мертвое тело мое.
Старых стариков —
Делать гроб из колод.
Помоложе дядюшек —
Холодную могилу копать.

Младшему братцу:

Пиже дугам, а Гриша!
Мазы дугам, а Гриша!
Кармавтума тенть кармавтан,
Наказамо наказан:
Само тарказон тейтяя

Баляса марто скамика —
Банядо мейле, дугинем,
Се скамикасть ланксо
Стака сэрем оймавтца.

Молодой братец мой, Гриша!
Красивый братец мой, Гриша!
Тебе даю я приказ,
Тебе даю я наказ:
Сделай ты ко времени
моего возвращения,
Скамейку с перилами —
После бани, братец мой,
На той скамейке,
Свой тяжелый рост успокою.

Научное издание

ШАМОВА Лилия Николаевна

ПРИЧЕТНЫЕ ФОРМЫ МОРДВЫ-ЭРЗИ ПРИСУРЬЯ

Монография

Редактор *Л. А. Гурьянова*
Макет *Е. Г. Скворцовой*

Подписано в печать 23.09.2016. Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 12,6. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430030 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Титова, 2а.
E-mail: tko-saransk@mail.ru